

ISSN 2072-8522
ISSN (online) 2310-7278

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

ТЕКСТ В СИСТЕМЕ ДИСКУРСА

УПОТРЕБЛЕНИЕ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ
В ИМПЕРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ
С СЕМАТИКОЙ ПРОСЬБЫ

ОБРАЗ КНИГИ В НРАВСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ АВСТРИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
XIX ВЕКА

ПРАВОСЛАВНЫЕ МОТИВЫ
В ПОЭЗИИ Н.С. ТЕПЛОВОЙ

2016 / № 1

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522

2016 / № 1

ISSN (online) 2310-7278

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета» (все его серии) включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по наукам, соответствующим названию серии.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

ISSN 2072-8522

2016 / № 1

ISSN (online) 2310-7278

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник МГОУ»: Московский государственный областной университет

Выходит 6 раза в год

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»

Хроменков П.Н. – к.филол.н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. – к.филол.н., начальник Информационно-издательского управления Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. – д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. – д.псих.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. – д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. – д.филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. – д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. – д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. – д.пед.н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. – к.филол.н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. – д.ф.-м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. – д.пед.н., проф., член-корр. РАО

Редакционная коллегия серии «Русская филология»

Ответственный редактор серии:

Лекант П.А. – д.филол.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Шапвалова Т.Е. – д.филол.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Самсонов Н.Б. – к.филол.н., доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Алексеева Л.Ф. – д.филол.н., проф., МГОУ; **Аношкина В.Н.** –

д.филол.н., проф., МГОУ; **Леденёва В.В.** – д.филол.н., проф.,

МГОУ; **Киселёва И.А.** – д.филол.н., доц., МГОУ; **Копосов Л.Ф.** –

д.филол.н., проф., МГОУ; **Шаталова О.В.** – д.филол.н., проф.,

МГОУ; **Воропаев В.А.** – д.филол.н., проф., МГУ им. М. В. Ломоно-

сова; **Моторин А.В.** – д.филол.н., проф., Новгородский государ-

ственный университет им. Ярослава Мудрого; **Нагорный И.А.** –

д.филол.н., проф., Белгородский государственный националь-

ный исследовательский университет; **Петров А.В.** – д.филол.н.,

доц., Северный (Арктический) федеральный университет

имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск); **Рацибурская Л.В.** –

д.филол.н., проф., Нижегородский государственный универси-

тет им. Н.И. Лобачевского; **Супрун В.И.** – д.филол.н., проф.,

Волгоградский государственный социально-педагогический

университет; **Аврамова В.Н.** – доктор филологии, проф., Шу-

менский университет имени Епископа Константина Преславско-

го (Болгария); **Вегвари В.** – к.п.н., доц., Печский университет

(Венгрия); **Гусман-Тирадо Р.** – д.филол.н., проф. Гранадский

университет (Испания); **Догнал Й.** – к.филол.н., д.философии,

доц., Институт славистики Университета им. Масарика (Чешская

Республика); **Колларова Е.** – д.философии, проф., Католичес-

кий университет в Ружомберке (Словакия); **Норман Б.Ю.** –

д.филол.н., проф., Белорусский государственный университет

(Республика Беларусь); **Финк-Арсовск Ж.** – д.филол.н.,

проф., Загребский университет (Хорватия); **Шеншина В.А.** –

д.филол.н., Хельсинкский университет (Финляндия)

ISSN 2072-8522

ISSN (online) 2310-7278

Вестник Московского государственного областного университе-
та. Серия «Русская филология». 2016. № 1. М.: ИИУ МГОУ. 168 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26173

Индекс серии «Русская филология»

по Объединенному каталогу «Пресса России» 40718

© МГОУ, 2016.

© Издательство МГОУ, 2016.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник МГОУ»**

г. Москва, ул. Радио, д. 10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the MSRU»: Moscow State Regional University

Issued 6 times a year

Series editorial board «Russian philology»

Editor-in-chief:

P.A. Lecant – Doctor of Philology, Professor, MSRU

Deputy editor-in-chief:

T.Ye. Shapovalova – Doctor of Philology, Professor, MSRU

Executive secretary of the series:

N.B. Samsonov – Ph.D. in Philology Sciences, Associate Professor, MSRU

Members of Editorial Board:

L.F. Alekseyeva – Doctor of Philology, Professor, MSRU;

V.N. Anoshkina – Doctor of Philology, Professor, MSRU; **V.V. Ledeneva** – Doctor of Philology, Professor, MSRU; **I.A. Kiseleva** – Doctor of Philology, Associate Professor, MSRU; **L.F. Kopusov** – Doctor of Philology, Professor, MSRU; **O.V. Shatalova** – Doctor of Philology, Professor, MSRU; **V.A. Voropayev** – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University; **A.V. Motorin** – Doctor of Philology, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University; **I.A. Nagorny** – Doctor of Philology, Professor, Belgorod State National Research University; **A.V. Petrov** – Doctor of Philology, Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov; **L.V. Ratsiburskaya** – Doctor of Philology, Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; **V.I. Suprun** – Doctor of Philology, Professor, VSPU; **V.N. Avramova** – Doctor of Philology, Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria); **V. Vegvari** – Ph.D. in Pedagogical Sciences, Associate Professor, University of Pécs (Hungary); **R. Guzmán Tirado** – Doctor of Philology, Professor, University of Granada (Spain); **J. Dohnal** – Ph.D. in Philological Sciences, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Institute of Slavonic Studies, Masaryk University (Czech Republic); **E. Kollarova** – Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia); **B.Yu. Norman** – Doctor of Philology, Professor, Belorussian State University (Republic of Belarus); **Ž. Fink Arsovi** – Doctor of Philology, Professor, University of Zagreb (Croatia); **V.A. Shen-shina** – Doctor of Philology, Helsinki University (Finland)

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Publishing council «Bulletin of the MSRU»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Principal of MSRU (Chairman of the Council)

E.S.Yefremova – Ph. D. in Philology, Chef of information and editorial management of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MSRU

Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of “Literaturnaya Gazeta”

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MSRU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8522

ISSN (online) 2310-7278

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series «Russian Philology». 2016. № 1. M.: MSRU Publishing house. 168 p.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26173

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

© MSRU, 2016.

© MSRU Publishing house, 2016.

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University

10a Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Абаева Е.С.</i> К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ ЮМОРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА	8
<i>Бажалкина Н.С.</i> ТЕКСТ В СИСТЕМЕ ДИСКУРСА	16
<i>Иосифова В.Е.</i> УПОТРЕБЛЕНИЕ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В ИМПЕРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ С СЕМАНТИКОЙ ПРОСЬБЫ	26
<i>Насырова А.С.</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЛЕКСЕМ ТВИТТЕР, ИНСТАГРАМ, ФЕЙСБУК В СОВРЕМЕННОМ АНЕКДОТЕ	32
<i>Соловьева Н.В.</i> ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И УСЛОВИЯ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ...	39
<i>Тищенко О.В.</i> ИНТЕРТЕКСТУЛЬАНЫЕ СВЯЗИ В КНИГЕ «ПЛАГИАТ» В.А. ПЬЕЦУХА	49
<i>Улитова А.С.</i> СТРУКТУРА ТРЁХКОМПОНЕНТНЫХ АТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ДЕЛОВОЙ И КНИЖНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVII ВЕКА	58
<i>Цынк С.В.</i> ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА КАК АВТОРА НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В РАМКАХ ТЕОРИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ Ю.Н. КАРАУЛОВА	67
<i>Щемелинина И.Н.</i> ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА ЗЕМЛЯ В СОЧИНЕНИИ Г. КОТОШИХИНА «О РОССИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА»	76
<i>Юдина Т.М.</i> ГИПЕРОНИМЫ МИКРОСИСТЕМЫ «НАЗВАНИЯ МЕТАЛЛОВ» В ГОРНОЗАВОДСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НАЧАЛА XVIII ВЕКА	83

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Белюсова Е.В.</i> НАЧАЛО ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ И ПЕРВЫЕ ТВОРЧЕСКИЕ ЗАМЫСЛЫ Н.Н. ТОЛСТОГО	95
<i>Гришина А.Б.</i> ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ КАТЕГОРИИ СОБОРНОСТИ В РОМАНЕ М.Н. ЗАГОСКИНА «ЮРИЙ МИЛОСЛАВСКИЙ, ИЛИ РУССКИЕ В 1612 ГОДУ»	105

Жданова Л.И. ДЖ. СТЕЙНБЕК И СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ-ШЕСТИДЕСЯТНИКИ: ВСТРЕЧА В РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ЮНОСТЬ» (1963)	112
Золотко О.В. ОБРАЗ «ЗОЛОТОГО ВЕКА» В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО И ЕГО ИСТОЧНИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ ШИЛЛЕРА, ГЁЛЬДЕРЛИНА, НОВАЛИСА	119
Князева Е. П. «... ИЗ ВСЕХ ИСКУССТВ МНЕ ЖИВОПИСЬ БЛИЖЕ ВСЕГО...» (ОЛЬГА ФОРШ О ХУДОЖНИКАХ И О СЕБЕ)	126
Михайлова И.П. ЖУРНАЛ «КУРСКИЙ ТЕАТР» В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА.....	135
Стрельникова А.А. ОБРАЗ КНИГИ В НРАВСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ АВСТРИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX ВЕКА.....	142
Чупринова Н.В. ПРАВОСЛАВНЫЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ Н.С. ТЕПЛОВОЙ	151

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А.В. Шмелёва. ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ ГОДА ЛИТЕРАТУРЫ.....	158
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Н.М. Щедрина. ПАМЯТИ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ В.Г. РАСПУТИНА ПОСВЯЩАЕТСЯ	162
--	-----

CONTENTS

SECTION I. LINGUISTICS

<i>E. Abaeva.</i> ON THE ASPECT OF HUMOUR FUNCTIONING IN FICTION IN THE PRE-TRANSLATION TEXT ANALYSIS	8
<i>N. Bazhalkina.</i> TEXT IN THE DISCOURSE SYSTEM	16
<i>V. Iosifova.</i> USE OF INTENSIFIERS IN IMPERATIVE CONSTRUCTIONS WITH THE MEANING OF REQUEST	26
<i>A. Nasyrova.</i> THE FUNCTIONING OF FOREIGN LANGUAGE TOKENS “TWITTER”, “INSTAGRAM”, “FACEBOOK” IN JOKES	32
<i>N. Solovyeva.</i> PHONOLOGICAL OPPOSITIONS: TYPOLOGICAL FEATURES AND CONDITIONS FOR NEUTRALIZATION	39
<i>O. Tishchenko.</i> INTERTEXTUAL CONNECTIONS IN V. PETSUKH'S BOOK «PLAGIARISM»	49
<i>A. Ulitova.</i> THE STRUCTURE OF THREE-COMPONENT ATTRIBUTIVE PHRASES IN THE BUSINESS AND BOOK TEXTS OF THE 17TH CENTURY	58
<i>S. Tsynk.</i> STUDY OF THE LINGUISTIC IDENTITY OF ALEXANDER SOLZHENITSYN AS THE AUTHOR OF SCIENTIFIC AND JOURNALISTIC TEXT FROM THE PERSPECTIVE OF THE LINGUISTIC IDENTITY THEORY INTRODUCED BY Y. KARAULOV	67
<i>I. Shchemelinina.</i> LEXICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT “LAND” IN THE BOOK BY G. KOTOSHIKHIN «ON RUSSIA IN THE REIGN OF ALEXEI MIKHAILOVICH»	76
<i>T. Yudina.</i> HYPERONYMS OF THE MICROSYSTEM “NAMES OF METALS” IN MINING INDUSTRY TERMINOLOGY OF THE 18TH CENTURY	83

SECTION II. LITERARY STUDIES

<i>E. Belousova.</i> N. TOLSTOY'S BEGINNING OF MILITARY SERVICE AND HIS FIRST ARTISTIC CONCEPTIONS	95
<i>A. Grishina.</i> ARTISTIC REALIZATION OF THE COLLEGIALLY CATEGORY IN THE M. ZAGOSKIN'S NOVEL “YURI MILOSLAVSKY, OR RUSSIANS IN 1612” ...	105
<i>L. Zhdanova.</i> JOHN STEINBECK AND THE WRITERS OF THE SOVIET SIXTIES: THE MEETING AT THE EDITORIAL OFFICE OF THE MAGAZINE “YUNOST” (1963)	112

O. Zolotko. THE IMAGE OF THE GOLDEN AGE IN DOSTOEVSKY'S WORKS AND ITS SOURCES IN WORKS BY SCHILLER, HÖLDERLIN AND NOVALIS	119
E. Knyazeva. "...OF ALL THE ARTS PAINTING IS THE CLOSEST ONE TO ME..." (OLGA FORSH ABOUT PAINTERS AND HERSELF)	126
I. Mikhaylova. «KURSK THEATRE» MAGAZINE IN THE CULTURAL SPACE OF THE PROVINCIAL TOWN.....	135
A. Strelnikova. THE IMAGE OF THE BOOK IN THE ETHICAL AND AESTHETIC AXIOLOGICAL SYSTEM OF AUSTRIAN WRITERS OF THE 19TH CENTURY	142
N. Chuprinova. THE ORTHODOX MOTIVES IN N. TEPLOVA'S POETRY	151

SCIENTIFIC LIFE

A. Shmeleva. ANNIVERSARIES OF YEAR OF LITERATURE.....	158
--	-----

REVIEW

N. Shchedrina. In the memory of the Russian writer V. Rasputin	162
---	-----

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81.23

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-8-15

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ ЮМОРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА

Абаева Е.С.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Российская Федерация

Аннотация: В представленной статье рассматриваются функции юмора с точки зрения нескольких научных дисциплин, дан анализ научных изысканий по данной проблематике. Автор считает возможным использование обобщающих сведений о функционировании юмора в художественном произведении для качественного предпереводческого анализа. Выделяются и описываются характерные особенности функционирования элементов текста с юмористическим эффектом на примере повести «Чужак» М. Фрая. Делаются выводы относительно качественных и количественных данных анализа.

Ключевые слова: юмор, функция, художественный текст, предпереводческий анализ, перевод.

ON THE ASPECT OF HUMOUR FUNCTIONING IN FICTION IN THE PRE-TRANSLATION TEXT ANALYSIS

E. Abaeva

Moscow City Teacher Training University

2-y Selskokhozyaystvennyy pr-d, 4, Moscow, Russia, 129226

Abstract. The article deals with the functions of humour in terms of several disciplines and presents the analysis of some researches on this subject. The author considers it possible to use summarized data about humour functioning in fiction to carry out the professional pretranslation analysis. The paper marks out some specific conditions of the humour text functioning on the example of «The Stranger» by M. Frei. It also contains the description of the functions, and the conclusions about some qualitative and quantitative data.

Keywords: humour, function, fiction, pretranslation analysis, translation.

© Абаева Е.С., 2016.

Взаимосвязь анализа текста, проводимого в качестве этапа предпереводческой подготовки, то есть понимания сути текста, его внутреннего содержательного наполнения, и собственно процесса перекодировки давно не подвергается сомнению. В данной статье мы хотим обратиться к проблематике юмора – сложнейшему понятию, объединяющему порой явления разной природы, которое представляет большую трудность на всех этапах переводческого процесса.

На наш взгляд, разработка теории юмора с одной стороны, и практическая необходимость перевода элементов с юмористическим эффектом, с другой, являются вопросами, требующими дополнительного, более пристального внимания исследователей, что позволяет классифицировать направление исследования как актуальное. При этом выбранный для работы комплексный подход, при котором функции юмора рассматриваются не только с целью выявления авторского идиостиля, но и с целью дальнейшей разработки действующих моделей перевода, позволяет говорить о новизне.

Вслед за многими исследователями, такими как Виктор Раскин, Сальваторе Атардо и другие, за основу мы принимаем семантическую теорию юмора, в которой упор делается на существование сталкивающихся в сознании скриптов [7, с. 198].

Материалом проведённого исследования стали 153 отрывка из произведения М. Фрая «Чужак» [6, с. 217-296], найденные методом сплошной выборки. Причём нужно подчеркнуть, что для проведённого исследования виды и типы юмора не подразделялись.

Опираясь на предложенный к рассмотрению материал, мы преследо-

вали несколько целей. Во-первых, современные тексты отражают современные тенденции не только языка, но и культуры. Соответственно, на наш взгляд, обращение к текстам последних лет может позволить получить самые новые и актуальные данные. К тому же произведения Макса Фрая по праву можно считать одними из самых читаемых в современном российском обществе. Причём данный цикл, насколько можно судить по отзывам в сети Интернет, привлекает читателя как раз лёгким юмористическим слогом автора.

Говоря о когнитивных процессах, которые сопровождают процесс перевода, в частности предпереводческий анализ текста, и подразумевая вероятную когнитивную модель, описывающую перевод юмора, не представляется возможным не затронуть такой элемент как функция юмора.

«Интерпретация текста не есть простое сопряжение семантических значений языковых знаков. Интерпретация – это ещё и процесс конкретизации, пополнения, а иногда большего или меньшего переосмысления семантических значений на базе лингвистического и ситуативного контекстов, а также заранее известной интерпретатору информации (преинформации)» [3, с. 84].

В данной работе функции юмора затрагиваются с целью дальнейшего выявления неких общих моментов, позволяющих находить и декодировать элементы текста с юмористическим эффектом не носителям русской лингвокультуры, для того чтобы дать переводчику необходимую ему «преинформацию», тем самым облегчив часть работы по выявлению элементов

текста с заданными параметрами юмористической ситуации.

Лингвистический термин «функция» (от *лат.* *functio* – «деятельность, исполнение») подразумевает либо «роль, выполняемую языковой единицей», либо «назначение (применение, использование) разных сторон языка и его элементов» [4]. То есть, применяя данный термин к области исследования юмора, можно определить его как цель, с которой автор вводит в текст элементы с юмористическим эффектом.

Функционалом юмора занимаются исследователи разных областей научного знания. Так, например, с точки зрения психологии д. мед. н. А.И. Копытин говорит о том, что юмор «служит снятию эмоционального напряжения», позволяет «защитить личные границы» и «подвергнуть осмеянию оппонента», «раскрывает творческий потенциал личности», способен «разблокировать неосознаваемые, вытесненные переживания» и «обуславливать разрядку сексуальной энергии и выражение агрессии», а кроме того, может способствовать «установлению контактов» и «преодолению внутреннего конфликта личности» [2].

С точки зрения педагогической деятельности О.А. Сергеева выделяет такие функции юмора, как информационную, эмоциональную, мотивационную, регулирующую [5].

С точки зрения языковой выделяются такие функции, как эстетическая, социализирующая, коммуникативная, катарсическая, саморегуляционная, эвристическая, творческая, дистанцирования, воспроизведения положительно-го эффекта, маскировочная [1, с. 108].

Нужно отметить, что, несмотря на различие терминологического аппара-

та, содержание функций в большинстве случаев пересекается, что говорит о некоей схожести их внутреннего понимания и позволяет использовать уже полученные выводы для исследования.

Элементы текста с юмористическим эффектом, с одной стороны, помогают автору раскрыть персонаж, описать в той или иной манере происходящее, выразить его или её, авторское, отношение к герою или действительности. С другой – те функции, которые выделяют психологи и педагоги, относятся, скорее, к рамкам поведенческой модели человека и могут быть соотнесены с отношениями герой–герой, или герой–действительность.

Поэтому, разбирая литературный текст, мы анализируем юмор в двух плоскостях. Первая – общение героев между собой, в котором потенциально могут быть реализованы все функции, которые проявляются в повседневном общении людей, живом и естественном, о чём мы поговорим немного позже.

И вторая плоскость: автор – читатель. Так как мы имеем дело с художественной литературой, то, по меньшей мере, **аттрактивная** функция присутствует всегда, вытекая из желания автора, пусть и неосознанного, сделать текст как можно более интересным для потенциального реципиента.

Помимо этого в плоскости «автор – читатель» мы выделяем такую функцию как **характеристика персонажа**.

Вот-вот. Прекрасно себя чувствовал и – как ты выразился? «Ел смешилки»? Правильно? [6, с. 223]

В вышеприведённом примере Джуффин путает фразеологизм с родины Макса, тем самым создаёт юмористический эффект для носителей

русского языка, поскольку по сюжету Макс – наш земляк. Функционально здесь юмор воплощает идею «даже такой сильный маг может ошибиться», что придаёт персонажу дополнительную ауру «человечности». То есть, помимо социализирующей функции, о которой речь пойдёт ниже, юмор в данном примере берёт на себя функцию «характеристика персонажа».

Стоит отметить, что, во-первых, не всегда, анализируя элемент текста с юмористическим эффектом, можно выделить только одну функцию. Они часто переплетаются, довольно тесно, что, естественно, затрудняет анализ.

А во-вторых, так как повествование в произведении ведётся от первого лица, то есть от лица главного героя по имени Макс, который попал в иной волшебный мир, не всегда просто вычленять исследуемые плоскости «автор–читатель» и «автор–герой».

Появляясь во внутренней речи главного героя, юмор, помимо функции характеристики персонажа, а именно главного героя, берёт на себя **эстетическую** функцию, когда юмористический эффект используется в том числе ради самого эффекта:

Стоит человеку решить, будто он пришёл к согласию с самим собой и окружающим миром, как тут же лучшие друзья начинают делать всё, чтобы лишить его этой сладостной иллюзии. Проверено на живом человеке. На мне то есть [6, с. 219].

Или:

Оклемавшись, я дал зарок обходить «Старую колючку» за дюжину кварталов. Джуффин одобрил моё решение и торжественно зарекся есть суп Отдохновения в моём присутствии [6, с. 226].

Помимо уже упомянутой эстетической, мы встречаем в тексте реализацию **коммуникативной функции** с несколькими подфункциями. Так, например, в диалоге с Меламори Макс начинает шутить, чтобы девушка не чувствовала себя скованно, и на немой вопрос о том, кому приготовлена вторая чашка, отвечает:

— Это – для моей покойной прабабушки, но поскольку она не соблаговолила явиться... В общем, я не серьёзно, а камра остывает [6, с. 230].

В этом примере мы видим реализованную подфункцию «наладить контакт», а в следующем подфункцию «нормализовать обстановку»:

Насладившись всеобщим вниманием, Мелифаро внезапно подпрыгнул и оказался возле меня.

— Я прощён? – невинно спросил он. – Или я недостаточно старался? [6, с. 220]

Тут же можно выделить и подфункцию «издёвка», как противопоставление «свой–чужой»:

— Благодарю вас, сэз! Если бы вы знали, с какими чудовищами мне довелось столкнуться в Городской полиции! Они не предложили даме не только глоточек камры, но даже удобного кресла. Мне пришлось сидеть на каком-то дрянном табурете!

— Представляю, как вы страдались! – Лицо Джуффина выражало искреннее сочувствие [6, с. 267].

Социализирующая функция в данном произведении встречается нам, когда шутка основана на приемлемых для данной группы людей тематике, объектах, когда она является показателем причастности к определённой социальной группе, как например, в следующей реплике:

— Лично я намереваюсь проспаться шутки, леди Меламори, наверное, уже захлебнулась вином под чутким руководством своего дядюшки, а эти двое собираются пугать кошек в деревне. Хорош Тайный Сыск, оплот общественного спокойствия, нечего сказать! [6, с. 280]

В данном случае смысл шутки понятен только близким людям, сотрудиникам Тайного сыска, а читатель как бы вовлекается в ту же самую группу, так как его вводит в неё автор.

Частотно в конкретном произведении лёгкое подтрунивание, которое как подфункция, на наш взгляд, может быть отнесено к социализирующей функции. Оно разное и составляет как общий портрет героев, так и вырисовывает их отношения, определяя общность, тем самым взяв на себя «социальную функцию» выравнивания по принципу «мы-свои».

Так, например, отношения Мабы Каллоха и Джуффина, с одной стороны можно охарактеризовать как «ученик-учитель», в которых Джуффин занимает явно подчинительную позицию, но, с другой стороны, именно возможность шутить друг над другом и позволяет подчас почувствовать, что Джуффин – равноценный игрок, которого Маба воспринимает всерьёз:

— **Отравитель**, – буркнул Джуффин, отправляя булочку в рот. – Жуй, Макс. **Умирать, так всем вместе** [6, с. 259].

В данном примере Джуффин в шутку называя Мабу «отравителем», демонстрирует дружеские отношения, а затем, продолжая мысль, обращается к Максусу тоже в шутливой форме, показывая тем самым, что они равны.

То же мы наблюдаем и в отношении таких персонажей, как Макс и Джуффин:

— А в-третьих, я готов повторить это в вашем обществе!

— Что именно?

— Поход в «Обжору».

— Не лопнешь, сэра Макс?

— Обижаете [6, с. 221-222].

И в отношении Макса и Мелифаро: В придачу ко всему он вопил так, что уши закладывало:

— Пощади меня, о грозный сэра Макс, изрыгающий смерть из недр огнедышащей пасти! Не отягощай моё существование своими жгучими слюнями, изобильно стекающими на несчастные головы твоих презренных врагов! Я недостоин такой величественной кончины! [6, с. 219]

Мы не встретили в анализируемом тексте элементов диалога с юмористическим эффектом между, например, таким персонажем, как Лонли-Локли, и другими действующими лицами. Это достаточно необычно, так как авторский стиль предполагает всеобщее подтрунивание, но Лонли-Локли не шутит – ещё раз подчеркнём, в конкретном тексте – он абсолютно серьёзен, что согласуется с сюжетной линией.

Нет в этой повести дружеских подтруниваний между Меламори и главным героем, поскольку между ними пока довольно напряжённые и сложные отношения.

В целом для героев данного произведения характерно втягивать других людей в юмористические диалоги – чем больше слушателей, тем лучше.

Сэр Маба Калох произнёс эту фразу с таким неподдельным восторгом, словно долгое отсутствие сэра Джуффина наполняло его жизнь воистину неземной радостью. (1)

— Счастлив видеть тебя, Макс! – он отвесил мне шутовской поклон. – Мог

бы и раньше показать мне это чудо, Джуффин. А его можно потрогать? (2)

— Ну, попробуй. *Насколько мне известно, он не кусается. И не бьётся. Его даже на пол ронять можно.* (3)

— *На пол – это хорошо.* (4)

Маба Калох действительно прикоснулся ко мне указательным пальцем и тут же отдёргнул руку, словно боялся обжечься (5) [6, с. 255].

В данном примере мы наблюдаем скопление элементов текста с юмористическим эффектом, причем с разной направленностью:

- (1) и (5) – монологическая форма, авторская речь/внутренняя речь главного героя, плоскость «автор–читатель», эстетическая функция, функция характеристики персонажа;

- (2), (3) – диалогическая форма, плоскость «герой–герой», социализирующая функция;

- (4) – диалогическая форма, плоскость «герой–герой», эстетическая функция.

Всё это и делает стиль повествования таким ярким и необычным.

Также встречается в произведении функция *саморегуляции*, способность посмотреть на проблему со стороны, или, как в приведённом ниже примере, попытка сдержать отвлечение или даже страх:

— *Это не испытание твоих нервов. Это – удовольствие, потому что у нас есть шанс узнать нечто, чего мы не знали прежде. Выше нос, парень!*

— *Не уверен, что сие сокровенное знание улучшит мой аппетит, – проворчал я* [6, с. 273].

И как возможность выразить усталость:

— *Ты не обидишься, Мелифаро, если я прикончу тебя немного позже? На*

фоне последних событий убийство – слишком банальный поступок. Не хочу прослыть жалким подражателем неизвестного гения [6, с. 265].

Катарсическая функция реализуется в тексте, когда герой смеётся над самим собой, как в ситуации с одним из персонажей в следующем примере:

— *Моя так моя, – вздохнул Джуффин. – Хоть на что-то я, выходит, гожусь. Поехали* [6, с. 241].

Маскировочная функция, при реализации которой, по мнению В.З. Санникова, позволительно высказывать неприличные мысли в завуалированной форме, нам не встретилась. Зато эта функция присутствует в значении «скрыть правду»:

— *Это был мой незаконнорожденный брат! – зловецим шёпотом сообщил я. – И поскольку мы оба претендуем на наследство нашего папеньки – две клячи и курган их навоза, – я просто воспользовался служебным положением и устранил соперника* [6, с. 282].

В данном примере главный герой не может рассказать правду о своём происхождении и предпочитает отшутиться, тем самым и сглаживая углы (коммуникативная функция), и не выдавая всей информации.

Больше всего реплик с юмористическим эффектом у главного героя – 25%, – что позволяет судить о нём, как о человеке незлобном, отходчивом, с лёгким характером. А если учесть элементы текста, произнесённые во внутреннем монологе, то выходит абсолютное большинство – 65%, что неудивительно, ведь по утверждению самого Макса:

«В конце концов смех – это единственный известный мне способ быстро привести себя в чувство». [6, с. 277].

В целом при анализе данного текста мы обнаружили 5 типов функций с подфункциями в плоскости «герой-герой»: эстетическая, социализирующая, коммуникативная, саморегуляции, катарсическая. И две в плоскости «автор-герой»: аттрактивная, характеристика персонажа.

Основная функция юмора в плоскости «герой-герой», которая встречается в рассматриваемом тексте, – социализирующая, находящая отражение в отдельных подфункциях. Основная функция в плоскости «автор-герой» – аттрактивная.

Функционал, то есть то, зачем, с какой целью используется юмор в художественном произведении, служит для переводчика подспорьем в декодировании заложенного автором смысла текста.

Помимо этого, зная частотные функции, как в целом для лингвокультуры, так и в частности для конкретного автора, переводчик в состоянии выбрать нужную для той или иной ситуации стратегию.

В случае если текст не позволяет конкретному переводчику адекватно воспроизвести юмористический эффект, опущение, как применяемый приём, вполне возможен и порой даже обоснован. Но всё зависит от многих факторов, в том числе и от выполняемой в тексте функции юмора. Так, например, при реализации функции саморегуляции приём опущения крайне нежелателен, поскольку может полностью поменять представление читателя о характере персонажа или о ходе развития сюжетной линии.

В целом подобные исследования для юмористического текста имеют большое прикладное значение. Не только в рамках изучения творчества того или иного писателя, но и для выделения общего и частного, для понимания общей системы, зачем автор – в нашем случае, русскоязычный – вставляет отрывок с юмористическим эффектом в художественное произведение.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большакова Д.В. Комическое в лингвистике: основные подходы и проблематика исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. Выпуск 5 (584). С. 101–111.
2. Копытин А.И. Юмор в искусстве и арт-терапии: феноменология, диагностика, защитно-адаптивные возможности [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2012. № 4 (15). URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 08.11.2015).
3. Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания: учеб. пособие для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 192 с.
4. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Просвещение, 1976. 544 с.
5. Сергеева О.А. Функции юмора в педагогической деятельности // Ярославский педагогический вестник. 2006. № 2. С. 64–66.
6. Фрай М. Чужак. Москва: АСТ, 2015. 640 с.
7. Attardo S. Linguistic theories of humor. Berlin; New York; Walter de Gruyter, 1994. 426 p.

REFERENCES:

1. Bol'shakova D.V. Komicheskoe v lingvistike: osnovnye podkhody i problematika issledovaniya [Comic in linguistics: main approaches and problems of research] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2010. no. Vol. 5 (584). pp. 101–111.

2. Kopytin A.I. Yumor v iskusstve i art-terapii: fenomenologiya, diagnostika, zashchitno-adaptivnye vozmozhnosti [Elektronnyi resurs] [Humor in art and art therapy: phenomenology, diagnostics, protective and adaptive capabilities [Electronic resource]] Meditsinskaya psikhologiya v Rossii: elektron. nauch. zhurn. 2012. no. 4 (15) [Medical psychology in Russia: electron. scientific. Phys. 2012. no. 4 (15)]. URL: <http://medpsy.ru> (request date 08.11.2015).
3. Latyshev L.K., Semenov A.L. Perevod: teoriya, praktika i metodika prepodavaniya: ucheb. posobie dlya stud. perevod. fak. vyssh. ucheb. zavedenii [Translation: theory, practice and methods of teaching: textbook manual for students of transl. fac-s in the high. proc. institutions]. M., Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2003. 192 p.
4. Rozental' D.E., Telenkova M.A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov [Dictionary-reference book of linguistic terms]. 2nd ed.. M., Prosveshchenie, 1976. 544 p.
5. Sergeeva O.A. Funktsii yumora v pedagogicheskoi deyatel'nosti [The function of humor in teaching activities] // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2006. no. 2. pp. 64–66.
6. Frai M. Chuzhak [Stranger]. M., AST, 2015. 640 p. 7. Attardo S. Linguistic theories of humor. Berlin; New York; Walter de Gruyter, 1994. 426 p.
7. Attardo S. Linguistic theories of humor. Berlin; New York; Walter de Gruyter, 1994. 426 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Абаева Евгения Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры англистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков Московского городского педагогического университета; e-mail: abaevaes@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eugeniya Abaeva – candidate of philological sciences, associate professor, associate professor at the departments of English studies and Intercultural Communication in Foreign Languages Institute of Moscow City Teacher Training University; e-mail: abaevaes@bk.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Абаева Е.С. К вопросу о функциях юмора в художественном произведении при проведении предпереводческого анализа текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 1. С. 8–15.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-8-15

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

E. Abaeva. ON THE ASPECT OF HUMOUR FUNCTIONING IN FICTION IN THE PRE-TRANSLATION TEXT ANALYSIS // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. № 1. P. 8–15.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-8-15

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-16-25

ТЕКСТ В СИСТЕМЕ ДИСКУРСА

Бажалкина Н.С.*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье методом критического анализа теоретической литературы предпринимается попытка выявить соотношение понятий *текст* и *дискурс* в современном языкознании, а также определить, какое место занимает текст в системе дискурса. Указываются различные подходы к изучению дискурса во французской, немецко-австрийской, англо-американской и русской школах анализа дискурса, обусловившие сложности в понимании того, как соотносятся понятия *текст* и *дискурс*. Акцентируются свойства текста, позволяющие ему входить в качестве обязательного элемента в систему дискурса. Выделяются общие черты, присущие и тексту, и дискурсу, а также характеристики, определяющие разницу в этих явлениях.

Ключевые слова: дискурс, текст, система, коммуникативная единица, коммуникативная функция.

TEXT IN THE DISCOURSE SYSTEM

N. Bazhalkina*Moscow State Regional University
Radio St., 10a, Moscow, Russia, 105005*

Abstract. The article presents an attempt to investigate correlation between the notions “text” and “discourse” as well as the role of text in the discourse system basing on the critical analysis of theoretical literature. The author emphasized different approaches to the discourse analysis in the French, German and Austrian, Anglo-American and Russian schools of discourse which caused difficulties in understanding the correlation between notions “text” and “discourse”. Features of the text which allow it to be an obligatory element of the discourse system are shown. Common features for both discourse and text as well as characteristics that determine their differences are distinguished.

Keywords: discourse, text, system, communicative unit, communicative function.

Одним из сложных и актуальных вопросов в современном языкознании является вопрос о роли текста в системе дискурса и соотношении этих понятий. И в отечественной, и в зарубежной лингвистике предпринимаются попытки его решения. Мнения учёных разделились: одни идентифицируют дискурс с текстом (Р. Барт, И. Беллерт, В.Г. Борботько, А.Ж. Греймас, В. Дресслер, В. Кайзер, Ж. Кур-

те, Ц. Тодоров, Р.К. Потапова, П. Хар-тманн, З. Хэррис и др.); другие воспринимают текст как элемент дискурса в соотношении «часть – целое» (В.Г. Адмони, Н.Ф. Алефиренко, В.А. Андреева, А.В. Голоднов, В.З. Демьянков, В.А. Звегинцев, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, М.Л. Макаров, В.А. Миловидов, Л.В. Селезнёва, Н.В. Петрова, Ю.С. Степанов, В.Е. Чернявская и др.); третьими текст принимается за абстрактную конструкцию, которая актуализируется в дискурсе (Н.Д. Арутюнова, Т. ван Дейк, В.А. Тырыгина и др.); четвёртые интерпретируют дискурс и текст в соотношении «процесс – результат» (О.В. Александрова, М.Я. Блох, А.Ж. Греймас, М.Я. Дымарский, Е. Карабетян, Г.М. Костюшкина, Е.С. Кубрякова, Ж. Курте, П. Шародо, Е.И. Шейгал и др.). Вслед за исследователями (Н.Д. Арутюнова, Д. Буссе, А.В. Голоднов, В.З. Демьянков, А.А. Карамова, А.Н. Кудлаева, Н.И. Клушина, В.Е. Чернявская, П. Серио, В. Тойберт, У. Маас и др.) мы полагаем, что текст входит в систему дискурса. Дискурс, в свою очередь, с точки зрения его структуры, представлен совокупностью текстов определённой тематики и коммуникативной общности. Следовательно, разграничение данных смежных явлений как противопоставленных и противоречивых невозможно, особенно принимая во внимание тот факт, что большинство определений дискурса даётся через текст с учётом его отдельных характеристик, например, экстралингвистического контекста.

Цель работы – рассмотреть соотношение понятий текста и дискурса в современной лингвистике, а также определить место текста в системе дис-

курса. Для достижения поставленной цели использовался метод критического анализа теоретической литературы по данному вопросу.

Необходимо отметить, что в отношении понятия *дискурс* текст рассматривается с лингвистической, а не общесемиотической точки зрения, согласно которой он представлен в виде осмысленной последовательности любых знаков и представляет любую форму коммуникации, в том числе обряд, танец, ритуал и т. д. В языковом понимании текст – это последовательность вербальных знаков; он является, в свою очередь, коммуникативной единицей, обладающей смысловой завершённостью, т. е. представлен динамической моделью как результат дискурсивной деятельности.

Сложности в понимании того, как соотносятся понятия *текст* и *дискурс* вызваны разными проблемами современного языкознания, но прежде всего терминологическими несовпадениями, обусловленными различными подходами к изучению дискурса и методологическими базами во французской, немецко-австрийской, англо-американской и русской школах, развивавшихся практически параллельно.

Традиционно термин *дискурс* использовался в западноевропейской и американской лингвистике (*discourse analysis*), в то время как *русистика* преимущественно опиралась на категориальный аппарат лингвистики текста и функциональной стилистики. И.Б. Руберт утверждает, что изначально «лингвистика текста постулировалась как общее обозначение для любого лингвистического исследования текста (ван Дейк) письменного или устного. По этой причине текст и дискурс

рассматривались как взаимозаменяемые понятия [12, с. 24]. В силу этого «разница между лингвистикой текста и анализом дискурса не рассматривалась как принципиальная» [12, с. 24]. Что касается западного языкознания, то, по мнению Ю.С. Степанова, дискурс «первоначально означал именно тексты в их текстовой данности и в их особенностях» [14, с. 36].

Французская школа анализа дискурса (П. Серио, М. Пеше, Г. Парре, Э. Бьюиссанс, Э. Бенвенист, А. Греймас, Ж. Курте и др.), чью методологическую основу составляет структурализм, основывается в первую очередь на философском, историческом, социокультурном и политико-идеологическом исследовании дискурса, а не на собственно лингвистическом. Она ориентирована в большей мере на письменный нормативный тип тестов и противопоставляет высказывание (последовательность предложений) и дискурс (высказывание, рассматриваемое с точки зрения определяющего его дискурсивного механизма).

В рамках данного направления дискурс изначально отождествлялся с речью или речевой коммуникацией: «сложный и упорядоченный процесс или результат речевого производства» [21, с. 205]. Выделяя множество значений, с точки зрения «только собственно языковой практики», А.Ж. Греймас и Ж. Курте рассматривают дискурс в качестве объекта научной дисциплины «лингвистики дискурса или дискурсивной лингвистики» (*la linguistique discursive*), отмечая, что в этом случае дискурс является синонимом тексту: «...В самом деле, в некоторых европейских языках, не имеющих термина, эквивалентного франко-английскому

дискурс (русский. – прим. Н. Б.), его вынуждены были заменить термином *текст* и, соответственно, говорить о лингвистике текста (*linguistique textuelle*)» [7, с. 488–489].

Одновременно с этим французская школа противопоставляет дискурс и текст по следующим оппозитивным критериям: процесс – продукт, диалогичность – статичность, актуальность – виртуальность (Греймас А.Ж., Курте Ж., Д. Мэнгено, П. Шародо, Е. Карабетьян и др.).

Позднее, под влиянием идей М. Фуко, в понимание дискурса была добавлена идеологическая составляющая, не связанная с принципами устройства и понимания текстов, а также речевого производства. В итоге во французской традиции сложилось толкование дискурса как «интенционально обусловленного гетерогенного единства, реализующегося либо в виде устной речи как результат процесса взаимодействия коммуникантов в некотором социальнокультурном контексте, либо в виде письменного текста в разных его аспектах» [13, с. 166].

Социолингвистические подходы представлены немецко-австрийской и американской школами, в которых исследования дискурса с семиотических и социологических позиций ведутся с точки зрения дискурсивных практик с целью выявления онтологии языка. Для немецко-австрийской школы дискурсивного анализа (Р. Водак, П. Вундерлих, З. Егер, У. Маас, Ю. Линк, П. Хартман и др.), основу которой составляет концепция М. Фуко, приоритетным является языковая сторона процесса, а дискурс понимается как совокупность текстов одной тематики, выдвигая на первый план их качественный (содер-

жание), а не количественный состав, и рассматривается как языковое отображение политико-идеологической и социокультурной практики, «упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит особая, идеологически и национально-исторически обусловленная ментальность» [17, с.13]. С этой позиции У. Маас определяет дискурс как «соответствующую языковую формацию по отношению к социально и исторически определённой общественной практике» [20, с. 204], таким образом отграничивая дискурс относительно некоторого периода времени, сферы человеческой практики, области знаний, типологии текста и т. д.

Дискурсивный анализ американской школы (Дж. Браун, Т. ван Дейк, Н. Фэрклоу, Г. Закс, З. Харрис, Д. Шиффрин, Дж. Юл и др.), берущей своё начало в антропологии и основанной на методологии интеракционизма, в котором лингвистика взаимодействует с социологией и психологией, ставит своей целью выявление коммуникативных намерений отправителя и получателя сообщения. В.Е. Чернявская, указывает, что при этом «дискурс отождествляется с диалогом <...> он направлен прежде всего на устную коммуникацию, на интерактивное взаимодействие говорящего и слушающего» [16, с. 69] и понимается как связная речь (connected speech). Т. ван Дейк определяет дискурс в нескольких аспектах: дискурс в широком смысле (как комплексное коммуникативное событие), дискурс в узком смысле (как текст или разговор), дискурс как конкретный разговор, дискурс как тип разговора, дискурс как жанр и дискурс как социальная формация [19, с. 194].

Сам лингвист объясняет такую размытость в определении границ дискурса «как условиями формирования и бытования данного термина, так и неопределённостью места дискурса в системе категорий языка» [8, с. 46].

Одновременно с развитием теорий дискурса на западе в России формируется сначала лингвистика текста (как отдельная дисциплина) и, как продолжение её идей, во второй половине XX века – дискурсивный анализ. В 50-60 гг. XX века термин *текст* в отечественной лингвистике обозначал в первую очередь связанную последовательность предложений, а задачи лингвистики текста сводились к отграничению текста от других единиц, формальному описанию организации текстового целого и вычленению элементов его структуры. Вопросы противопоставления текста и дискурса в то время, так же, как и коммуникативной функции текста, не были актуальными. Только в начале 80-х гг. в отечественном языкознании появляется термин *дискурс* как синоним понятию *текст*. Так, в определении В.Г. Борботько, несмотря на указание равнозначности данных понятий, предпринимается попытка акцентировать коммуникативную направленность и смысловую целостность дискурса: «Дискурс – тоже текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной внутренней смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование» [4, с. 8]. Исследователь считает дискурсом «текст рассказа, статьи, выступления, стихотворения» [4, с. 8].

Примерно в начале 90-х гг. в языкознании происходит смена научной

парадигмы, которая требует изучения языкового материала с точки зрения прагматики, антропоцентричности и социальности, что обусловило дальнейшее исследование как зарубежными, так и российскими лингвистами коммуникативной функции текста и его связи с речемыслительной деятельностью. Текст понимается как форма коммуникации и интерпретируется как составляющая дискурса, а дискурсивный анализ становится одним из центральных разделов лингвистики.

По мнению В.Г. Адмони, текст представляет собой «в высшей степени многообразную, закреплённую в целях своего воспроизведения, исторически и функционально изменчивую единицу социальной коммуникативно-когнитивной практики» [2, с. 209]. Из данного определения следует, что текст является единицей дискурса, а также имплицитно акцентируется единство связи «текст – дискурс», т. к. в англо-американском (критическом) анализе дискурс понимается именно как дискурсивная практика, «включающая производство и восприятие текстов и осуществляемая в рамках широкого социального контекста (социальной практики) [15, с. 110–111].

С точки зрения коммуникативности текста, необходимо отметить, на наш взгляд, наиболее удачные определения Н.С. Валгиной и Л.М. Васильева. Н.С. Валгина подчёркивает системность и целостность текста как коммуникативной единицы, состоящей из «коммуникативно-функциональных элементов, организованных в систему для осуществления коммуникативного намерения автора текста соответственно речевой ситуации» [5, с. 29]. Определение текста Л.М. Васильева от-

ражает речевую сущность текста и его существенные признаки и, так же, как и трактовка Н.С. Валгиной, не содержит ограничений по признаку формы речи (устной/письменной): «Текст – структурно организованная и по форме, и по содержанию совокупность речевых актов, характеризующаяся цельностью, законченностью и коммуникативной мотивированностью, т. е. уместностью, целесообразностью и целенаправленностью» [6, с. 20].

Как известно, текст обладает определёнными характеристиками, среди которых: 1) завершённость или смысловая законченность (возможность автономной интерпретации); 2) смысловая и грамматическая связность (когезия и когерентность), присутствующая в том числе и дистанционно; 3) стилевое единство (принадлежность одному из функциональных стилей); 4) цельность и др. Более того, сформированные лингвистикой текста требования к «текстуальности» (внешняя связность, внутренняя осмысленность и возможность своевременного восприятия) позволяют воспринимать текст как продукт индивидуального речетворческого процесса, обладающего такими свойствами, как информативность, ситуативность и интертекстуальность, а также интенциональность и адресованность (ориентированность и обращённость к адресату) – свойства текста, связанные со сферой и ситуацией общения, обуславливающие его рассмотрение с коммуникативной точки зрения и с точки зрения его принадлежности системе дискурса. В свою очередь, дискурсивное освещение всех вышеуказанных текстовых признаков, т. е. акцентирование прагматических компонентов, таких как цель общения,

адресат, отношения между субъектом и объектом и т. д., так же, как и учёт различных характеристик культурно-исторического и социально-ситуативного аспектов, обозначает переход текста из языковой системы в систему дискурса, т. е. становление текста дискурсом (в узком понимании дискурса).

На современном этапе лингвистического знания в свете когнитивно-дискурсивного подхода всё больше и больше развивается идея, по которой дискурс представляет собой сложную саморазвивающуюся и самоорганизующуюся систему. Если соотнести дискурс с речью как результатом («языковым материалом» по Л.В. Щербе), дискурс представляет собой более широкую структуру, чем просто текст, являясь именно совокупностью текстов. В этом случае отдельный текст, будучи, с одной стороны, наивысшей единицей языковой системы (с точки зрения системности языка и формально-грамматического подхода к структуре текста), не является завершающим звеном коммуникативно-речевой иерархии и выступает как минимальная иерархическая единица системы дискурса, её обязательный составной элемент, соотносящийся с определённой ментальной и коммуникативной сферой и имеющий явную смысловую нагрузку, наряду с его другими текстами, объединёнными тематической или коммуникативной общностью (в широком понимании дискурса).

С дискурсивной точки зрения, смысловые установки, передающиеся в тексте разными средствами – лексическими (частицы, дискурсивные маркеры и т. п.), синтаксическими (изменение порядка слов), фонетическими (интонация – для устных текстов), графиче-

скими (подчеркивание, смена регистра, авторская пунктуация и т. д.) – нацелены на адресата, которому необходимо интерпретировать коммуникативные интенции адресанта. Важно отметить, что смысл каждого конкретного текста, входящего в систему дискурса, не является суммой значений составляющих его языковых единиц, а представляет собой более широкое образование, осложнённое индивидуальными авторскими интенциями и экстралингвистическим фоном.

В.Е. Чернявская указывает на то, что дискурс представляет собой коммуникативный процесс, приводящий к образованию определённой формальной структуры – текста. Полисемию термина она объясняет его произвольным использованием различными исследователями или даже одним и тем же исследователем в разных ситуациях: «В зависимости от исследовательских задач дискурс в одном случае обозначает отдельное конкретное коммуникативное событие, в другом – подразумевает коммуникативное событие как интегративную совокупность определённых коммуникативных актов, результатом которого является содержательно-тематическая общность многих текстов» [16, с. 78]. В этом случае становится возможным говорить о видах дискурса (педагогический, политический, юридический и т. д.), каждый из которых представлен совокупностью текстов различных жанров и функциональных стилей, обслуживающих определённые коммуникативные сферы в рамках данного вида дискурса. Вопрос о том, какие тексты входят в рамки конкретного дискурса, основывается на их интерпретации исследователем с учетом их

содержательно-тематических и коммуникативных характеристик.

С точки зрения коммуникативно-го процесса текст включён в систему «автор – текст – реципиент». Коммуникация в тексте представлена линейной моделью [11, с. 36–37], как процесс воздействия, процесс продуцирования сообщений и передача их адресатам [9, с.113], при этом информация через текст идёт в одном направлении: от адресанта к адресату. Дискурс же состоит из циклов, включающих такие подзадачи, как добавление, удаление и переупорядочивание, т. е. речь порождается рекурсивно [10, с. 134], что Н.Ф. Алефиренко называет нелинейностью [1, с. 3]. Более того, для дискурса типична интерактивная модель коммуникации, в которой автор и адресат взаимодействуют друг с другом посредством самого дискурса. В связи с этим интересно мнение Н.Д. Арутюновой, что, в отличие от текста, термин *дискурс* «не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [3, с. 136–137]. Следовательно, текст может быть включён в систему дискурса только в том случае, если он является результатом социально ориентированной и обусловленной коммуникативной деятельности.

Необходимо выделить общие черты, присущие и тексту, и дискурсу, такие как: структурная связность,

смысловая и коммуникативная целостность, завершённость, отражение действительности, а также намерение адресанта воздействовать на адресата. Разница в этих явлениях, на наш взгляд, – в однонаправленном воздействии адресанта посредством самого текста на адресата и взаимонаправленном воздействии участников дискурса (автора и адресата) друг на друга.

Из всего сказанного следует, что текст как продукт речи, результат индивидуальной речевой деятельности, будучи одним из элементов коммуникативной системы, реализуется в дискурсе. В свою очередь, дискурс приводит к образованию текста. Таким образом, дискурс без текста невозможен. Как справедливо отмечает Ю.С. Степанов: «Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встаёт особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счёте – особый мир» [14, с. 44].

Вопрос о соотношении понятий текста и дискурса и, соответственно, о роли текста в системе дискурса, ещё долгие годы от своего решения. Безусловно одно: оба явления не являются противопоставленными, а входят в качестве обязательных элементов в системы друг друга, а также в систему и структуру коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алефиренко Н.Ф. Текст – дискурс – язык. [Электронный ресурс]. URL: <http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/456/1/Alefirenko%20Tekst.pdf> (дата обращения: 31.07.2015).
2. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л.: Наука, 1988. 240 с.
3. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136–137.

4. Борботько В. Г. Элементы теории дискурса. Грозный, 1981. 117 с.
5. Валгина Н.С. Теория текста: учеб. пособие. М.: Логос, 2003. 280 с.
6. Васильев Л.М. Общие проблемы лингвистики: теория и методы: учебное пособие. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. 206 с.
7. Греймас А.Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка. М.: Радуга, 1983. С. 483–550.
8. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
9. Кольшикина Т.Б. Модель анализа текста и дискурса // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2007. Т. 13. № 4. С. 113–117.
10. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г Лузина. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.
11. Матяш О.И. Что такое коммуникация и нужно ли нам коммуникативное образование? // Сибирь. Философия. Образование: Альманах. Вып. 6. Новокузнецк: Институт повышения квалификации, 2002. С. 36–47.
12. Руберт И. Б. Текст и дискурс: к определению понятий // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. тр. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 2001. С. 23–38.
13. Рыжкова Л.П. Французская прагматика. М.: URSS, 2007. 236 с.
14. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М.: ИЯ РАН, 1995. С. 35–73.
15. Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс анализ: теория и метод / Пер. с англ. / Под ред. А.А. Киселевой. Харьков: Изд-во Гуманитарного центра, 2004. 336 с.
16. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с.
17. Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. Ст. СПб.: Изд-во СПб. ГУЭФ. 2001. С. 11–22.
18. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 432 с.
19. Dijk T.A. van. Ideology. A multidisciplinary approach. London: Sage, 1998. 365 p.
20. Maas U. Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand: Sprache im Nationalsozialismus. Versuch einer historischen Argumentationsanalyse [Текст] / U. Maas. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1984. S. 261.
21. Parret H. Prolégomènes à la théorie de l'énonciation: De Husserl à la pragmatique. Berne, Francfort / M., New York, Paris, 1987. P. 169.

REFERENCES:

1. Alefirenko N.F. Tekst – diskurs – yazyk. [Elektronnyi resurs]. [Text – discourse – language. [Electronic resource].] URL: <http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/456/1/Alefirenko%20Tekst.pdf> (request date 31.07.2015).
2. Admoni V.G. Grammaticheskii stroi kak sistema postroeniya i obshchaya teoriya grammatiki [Grammatical structure as the build system and General theory of grammar]. L., Nauka, 1988. 240 p.
3. Arutyunova N.D. Diskurs [Discourse] // Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. M.: Sov. encyclopedia, 1990. pp. 136–137.
4. Borbot'ko V. G. Elementy teorii diskursa [Elements of the theory of discourse]. Groznyy, 1981. 117 p.
5. Valgina N.S. Teoriya teksta: ucheb. posobie [The theory of the text: textbook manual]. M, Logos, 2003. 280 p.

6. Vasil'ev L.M. Obshchie problemy lingvistiki: teoriya i metody: uchebnoe posobie [General problems of linguistics: theory and techniques: study guide]. Ufa, RITS BashGU, 2012. 206 p.
7. Greimas A.ZH., Kurte ZH. Semiotika. Ob'yasnitel'nyi slovar' teorii yazyka [Semiotics. Explanatory dictionary of language theory] M., Raduga, 1983. pp. 483–550.
8. Deik T.A.van. YAzyk. Poznanie. Kommunikatsiya / Per. s angl. [Language. Cognition. Communication / Transl. from English]. M., Progress, 1989. 312 p.
9. Kolyshkina T.B. Model' analiza teksta i diskursa [Model analysis of text and discourse] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. 2007. no. 4. Vol. 13. pp. 113–117.
10. E.S. Kubryakova, V.Z. Dem'yankov, YU.G. Pankrats, L.G. Luzina Kratkii slovar' kognitivnykh terminov [Brief dictionary of cognitive terms]. Philol. fac. MGU, 1996. 245 p.
11. Mat'yash O.I. Chto takoe kommunikatsiya i nuzhno li nam kommunikativnoe obrazovanie? [What is communication and communication do we need education?] Sibir'. Filosofiya. Obrazovanie: Al'manakh. [Siberia. Philosophy. Education: Almanac.]. Vol. 6. Novokuznetsk, Institut povysheniya kvalifikatsii, 2002. pp. 36–47.
12. Rubert I. B. Tekst i diskurs: k opredeleniyu ponyatii [Text and discourse: to the definition of] // Tekst i diskurs. Problemy ekonomicheskogo diskursa [Text and discourse. Problems of economic discourse]. SPb., Izd-vo S.-Peterb. gos. un-ta ekonomiki i finansov, 2001. pp. 23–38.
13. Ryzhkova L.P. Frantsuzskaya pragmatika [French pragmatics]. M., URSS, 2007. 236 p.
14. Stepanov YU.S. Al'ternativnyi mir, Diskurs, Fakt i printsip Prichinnosti [Alternative world, Discourse, Fact, and principle of Causality] Yazyk i nauka kontsa XX veka [The language and science of the late twentieth century]. M., IYA RAN, 1995. pp. 35–73.
15. Fillips L., Iorgensen M.V. Diskurs analiz: teoriya i metod / Per. s angl. / Pod red. A.A. Kiselevoi [Discourse analysis: theory and technique / Transl. from English. / Ed. by A. A. Kiseleva]. Kharkiv, Izd-vo Gumanitarnogo tsentra, 2004. 336 p.
16. Chernyavskaya V.E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeistviya: ucheb. posobie [The discourse of power and the power of discourse: problems of speech impact: proc. manual]. M., Flinta: Nauka, 2006. 136 p.
17. Chernyavskaya V.E. Diskurs kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovaniy [Discourse as object of linguistic research] // Tekst i diskurs. Problemy ekonomicheskogo diskursa: sb. nauch. st. [Text and discourse. Problems of economic discourse: collection of scientific papers]. SPb., Izd-vo SPb. GUEF, 2001. pp. 11–22.
18. Shcherba L.V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' [The language system and speech activity]. M., Editorial URSS, 2004. 432 p.
19. Dijk T.A. van. Ideology. A multidisciplinary approach. London: Sage, 1998. 365 p.
20. Maas U. Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand: Sprache im Nationalsozialismus. Versuch einer historischen Argumentationsanalyse [Текст] / U. Maas. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1984. S. 261.
21. Parret H. Prolégomènes à la théorie de l'énonciation: De Husserl à la pragmatique. Berne, Francfort / M., New York, Paris, 1987. P. 169.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бажалкина Наталья Сергеевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Московского государственного областного университета; e-mail: bazhalkina@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia Bazhalkina – candidate of philological sciences, associate professor at the department of Foreign Languages in Moscow State Regional University; e-mail: bazhalkina@bk.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Бажалкина Н.С. Текст в системе дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 1. С. 16–25.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-16-25

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Bazhalkina. TEXT IN THE DISCOURSE SYSTEM // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. № 1. P. 16–25.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-16-25

УДК 81'37

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-26-31

УПОТРЕБЛЕНИЕ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В ИМПЕРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ С СЕМАНТИКОЙ ПРОСЬБЫ

Иосифова В.Е.

*Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
248000, г. Калуга, ул. Степана Разина, д. 26, Российская Федерация*

Аннотация. Речь наших современников изобилует употреблением усилительных конструкций. Данная статья посвящена некоторым спорным вопросам, связанным с употреблением интенсификаторов в императивных конструкциях с семантикой просьбы. Интенсивность в языкознании ещё не приобрела чёткого статуса. Большинство исследователей относит её к частному проявлению категорий количества, оценки, экспрессивности. Отсутствие единого мнения в определении интенсивности и в осмыслении причин появления новых интенсификаторов делает исследование категории интенсивности актуальным.

Ключевые слова: речевой акт, побуждение, интенсификаторы, сирконстанты, предикат, императив, интенсивность, семантика просьбы.

USE OF INTENSIFIERS IN IMPERATIVE CONSTRUCTIONS WITH THE MEANING OF REQUEST

V. Iosifova

*Tsiolkovsky Kaluga State University
Stepan Razin St., 26, Kaluga, Russia, 248000*

Abstract. Intensifiers are frequently used in the speech of our contemporaries. This article focuses on some controversial issues related to the use of intensifiers in imperative constructions with the meaning of request. The intensity in linguistics has not yet acquired the clear status: many linguists consider it a particular manifestation of the number of categories such as quantity, evaluation and expressivity. The intensity is shown on different linguistic levels: phonetic (intonation), lexical, grammatical (morphological and syntactic). The lack of consensus in determining the intensity, on the one hand, and the lack of understanding the reasons for the emergence of new intensifiers, on the other, make the study of the intensity relevant.

Keywords: speech act, motivation, intensifiers, adjuncts, predicate, imperative, intensity, request.

В речи наших современников часто употребляются усилительные конструкции. В современном языкознании для категории интенсивности не очерчено строгих границ [2]: она вписывается в рамки категории количества [5], оцен-

ки, экспрессивности [6]. Интенсификаторы – языковые средства, служащие для усиления высказывания или его части [ср.: 1]. Различные определения существительных, глаголов тоже относят к интенсификаторам [7; 4]. Отсутствие единого мнения в определении интенсивности, с одной стороны, и осмысление причин появления новых интенсификаторов, с другой, делает исследование категории интенсивности актуальным.

Многие исследователи считают, что интенсивность проявляется на разных языковых уровнях: фонетическом (интонация), лексическом, грамматическом (морфологическом и синтаксическом).

Просьба располагает значительным количеством интенсификаторов. В них можно выделить несколько групп.

1. Эксплицитированное выражение силы просьбы: *убедительно прошу, очень прошу, прошу тебя, умоляю, ради Бога, ради Христа, ради всего святого, Христом-богом прошу, у меня к тебе большая просьба, огромная просьба – в последних двух случаях интенсификаторами будут определения.*

2. Аппеляция к чувствам, к доброте собеседника: *будьте любезны, окажите любезность, сделай милость, будь добр, будь другом, будь умницей (умничкой), будь хорошей девочкой.*

3. Обещание благодарности: *буду очень / весьма, крайне, премного / благодарен / признателен, обязан /; очень / крайне, весьма / обяжете.*

4. Выражение хороших чувств собеседнику с целью расположить его к себе для выполнения просьбы: это, прежде всего, ласковые, нежные, почтительные обращения – *дорогой, ми-*

лый, голубчик, дружочек, моё солнышко, мой ангел / голубчик / масик и др.

5. Собственно средства выражения вежливости, без которых просьба может быть безуспешной: *пожалуйста, прошу вас, если вам не трудно, если это вас не затруднит, может быть, возможно и др.*

Интенсификаторы могут совмещать с функцией усиления значимости просьбы функцию привлечения внимания, функцию обращения, функцию выражения вежливости. Очень часто в одном слове, в одной словоформе выражаются две или три функции. Это свойственно ласковым эпитетам, отнесённым к вокативу или выполняющим его функцию выражениям *будьте добры, очень вас прошу, умоляю, простите ради бога, ради всего святого и т. д.*

При очень эмоциональной просьбе возможно сочетание различных интенсификаторов в одном высказывании (например: *Голубчик, милый мой, помоги ему. Будь другом!*). Интересным является тот факт, что некоторые интенсификаторы просьбы, выражающие дружеское расположение или почтение к собеседнику, могут быть использованы в категорических видах побуждения для выражения отчуждения, официальности (например: *Будьте любезны пройти в этот кабинет. Будьте добры назвать свой адрес*). Все интенсификаторы в полном наборе могут употребляться при прямом выражении просьбы – без отрицания и с отрицанием (например: *Очень тебя прошу, не говори ничего брату. Он всегда его поддерживал; Будь другом, позвони моей сестре; Будь умницей, слушайся няню; Сделай милость, не связывайся больше с ними; Буду тебе крайне признательна, если ты выступишь завтра на собрании*).

Глагольные распространители ведут себя по-разному [3] в зависимости от наличия и отсутствия *не* при форме императива и от других условий.

А.П. Володин и В.С. Храковский отмечают несочетаемость императива с распространителями, называющими способ действия, если этот способ не зависит от воли субъекта: *с трудом, легко* и т. д., а также с сирконстантами причины: *из-за головной боли* и т. п. [8, с. 147].

Однако это не всегда так. Просьба не делать, обращённая к действию, уже происходящему, допускает включение в высказывание определителей: *с трудом, через силу, тяжело* и т. п. В таких случаях говорящий уже наблюдает тот или иной способ действия и высказывание приобретает значение «Не делай этого, если / поскольку / это делается тяжело, через силу», а распространители приобретают условно-причинное значение, например: *Прошу тебя, не работай на даче через силу. Ты устал.*

Выбор тех или иных интенсификаторов в императивных конструкциях зависит от конкретной семантики самого распространителя, от лексического значения предиката исполнения и наличия отрицания при императиве.

Просьба побуждает адресата действовать в интересах говорящего. Побудительные мотивы бывают или названы перед просьбой / или после просьбы /, или ясны из предтекста, ситуации, характера самого действия. Словоформы со значением причины действия типа *из упрямства, из ревности, из сочувствия* и т. п. называют причину как внутреннее и психическое состояние субъекта, как его свойство. В высказываниях с императивом всегда два субъекта: субъект побужде-

ния и субъект исполнения, равно как и два соответствующих предиката [8, с. 71].

Если интенсификатор со значением причины тяготеет к первому субъекту и предикату, то употребление его возможно при условии эксплицитно выраженного предиката, например: *Из простого сочувствия к матери прошу тебя, уезжай.*

Целевые интенсификаторы в императивных конструкциях с семантикой просьбы высказывания с императивом просьбы независимо от их выражения всегда относятся к предикату побуждения, хотя могут и совпадать с интересами партнёра. Такие высказывания часто употребляются в речи, например: *Сделай это для моего спокойствия! Спой для поднятия настроения. Приходи не поздно, чтобы родители не беспокоились. Позвони, как приедешь, чтобы бабушка не волновалась.*

В речи употребляются высказывания: *расскажи всё, чтобы совесть не мучила. Поступай так, чтобы на душе было спокойно.* Но такие речевые акты, скорее, имеют характер советов.

Просьба, выраженная императивом с отрицанием, имеет особенности сочетания с некоторыми распространителями. В таких случаях причинные предложно-падежные формы могут быть отнесены как к одному, так и к другому предикату. При этом возможна неоднозначность в понимании высказывания. Например, высказывание *Прошу тебя, не делай этого из-за меня* может быть истолковано:

1. Я не хочу, чтобы ты делал это, руководствуясь моими интересами. Но против действия говорящий не возражает.

2. Я не хочу, чтобы ты это делал. Считаю, что ты можешь это не делать, так как я прошу об этом. Совершение этого действия мне неприятно.

Другой пример: *Не берись за эту работу только из-за денег.*

1. Я не хочу, чтобы ты это делал, руководствуясь соображениями заработка, если ничто больше в работе не привлекает тебя.

2. Деньги – это основное, из-за чего я прошу тебя не браться за эту работу.

В других случаях, когда такая двусмысленность отсутствует, отрицательный императив просьбы заключает в себе не побуждение *не делать*, а побуждение руководствоваться в действительности другими мотивами. Например: *Не делай этого из упрямства, прошу тебя. Не стремись к этой должности из тщеславия* и т. д.

На наш взгляд, представляет интерес сочетаемость императива просьбы со словами, выражающими оценку.

Например: *Выслушай меня внимательно, пожалуйста. Выезжай, пожалуйста, очень точно.*

Императив с отрицанием обладает возможностью сочетания и с аффективными оценками, поскольку может побуждать не делать то, что уже делалось или делается. Например: *Не пой так дьявольски фальшиво, умоляю тебя! Не смотри на меня так потрясающе мрачно, ради бога!*

Если высказывание содержит указание на то, что действие направляется на известный предмет, что речь идёт о повторном действии, сочетание подобных оценок с императивом возможно и без отрицания: *Расскажи, пожалуйста, потрясающую вчерашнюю историю ещё раз. Спой нам эту великолепную песню!*

Наличие отрицания при императиве просьбы вносит довольно сложное отношение глагола с его распространителями.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Лекант П.А. Интенсив – это форма или конструкция? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 5. С. 44–48.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.И. Ярцевой. М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2002. 507 с.
3. Нестерова Т.Г. Интерактивные методы в преподавании английского языка // Актуальные проблемы торгово-экономической деятельности и образования в современных условиях: электронный сборник научных трудов IX Международной научно-практической конференции. Оренбург: Оренбургский филиал ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2014. С. 245–253.
4. Ремизова В.Ф. и др. Интерактивный текст в образовательном процессе // Инновационные технологии в образовании и научно-исследовательской работе: материалы VI научно-методической конференции с международным участием. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2013. С.187–191.
5. Суворина К.М. Интенсивы в современном английском языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1976. 22 с.
6. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке: монография. М.: Высшая школа, 1990. 172 с.
7. Урбин И.И. Словарь усилительных словосочетаний русского и английского языков. М.: Русский язык, 1987. 304 с.

8. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива: Русский императив. 2-е изд., стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2002. 272 с.

REFERENCES:

1. Lekant P.A. Intensiv – eto forma ili konstruktsiya? [The intensive is the form or design?] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2012. no. 5. pp. 44–48.
2. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' / Pod red. V.I. Yartsevoi [Linguistic encyclopedic dictionary / under the editorship of V.I. Yartceva]. M., Nauchnoe izd-vo «Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya», 2002. 507 p.
3. Nesterova T.G. Interaktivnye metody v prepodavanii angliiskogo yazyka [Interactive methods in teaching English] // Aktual'nye problemy torgovo-ekonomicheskoi deyatel'nosti i obrazovaniya v sovremennykh usloviyakh: elektronnyi sbornik nauchnykh trudov IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Orenburg: Orenburgskii filial FGBOU VPO «REU im. G.V. Plekhanova» [Actual problems of trade and economic activities and education in modern terms: electronic collection of scientific papers of IX International scientific-practical conference. Orenburg: Orenburg branch of fsbei HPE «REU them. G. V. Plekhanov»]. 2014. pp. 245–253.
4. Remizova V.F. and others. Interaktivnyi tekst v obrazovatel'nom protsesse [Interactive text in the educational process] // Innovatsionnye tekhnologii v obrazovanii i nauchno-issledovatel'skoi rabote: materialy VI nauchno-metodicheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [Innovative technologies in education and scientific research: materials of the VI scientific conference with international participation]. Orenburg, Izdatel'skii tsentr OGAU, 2013. pp. 187–191.
5. Suvorina K.M. Intensivy v sovremennom angliiskom yazyke: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk [Intensives in modern English: thesis abstract of doctor in Philology Sciences]. M., 1976. 22 p.
6. Turanskii I.I. Semanticheskaya kategoriya intensivnosti v angliiskom yazyke: monografiya [Semantic category of intensity in the English language: monograph]. M., Vysshaya shkola, 1990. 172 p.
7. Urbin I.I. Slovar' usilitel'nykh slovosochetanii russkogo i angliiskogo yazykov [The dictionary of amplifying word combinations in Russian and English languages]. M., Russkii yazyk, 1987. 304 p.
8. Khrakovskii V.S., Volodin A.P. Semantika i tipologiya imperativa: russkii imperativ [Semantics and typology of imperative: imperative in Russian]. 2nd ed., stereotypical. M., Editorial URSS, 2002. 272 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иосифова Вера Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; e-mail: iosifova.vera@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vera Iosifova – doctor of philological sciences, professor at the department of Russian Language in Tsiolkovsky Kaluga State University; e-mail: iosifova.vera@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Иосифова В.Е. Употребление интенсификаторов в императивных конструкциях с семантикой просьбы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 1. С. 26–31.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-26-31

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

V. Iosifova. USE OF INTENSIFIERS IN IMPERATIVE CONSTRUCTIONS WITH THE MEANING OF REQUEST // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. № 1. P. 26–31.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-26-31

УДК 81'373.45

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-32-38

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЛЕКСЕМ ТВИТТЕР, ИНСТАГРАМ, ФЕЙСБУК В СОВРЕМЕННОМ АНЕКДОТЕ

Насырова А.С.

*Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета
453103 г. Стерлитамак, пр. Ленина, 49, Российская Федерация*

Аннотация. В статье определяются функции иноязычных лексем Твиттер, Инстаграм, Фейсбук в текстах современных анекдотов, связанных тематически с научно-техническим прогрессом, распространением Интернета. Рассматриваются семантические функции (наполнение новым смыслом прецедентного текста); функция создания метафорического смысла текста; 2) стилистические функции: воздействие на чувства и поведение адресата (воспитательная), регулирование человеческих отношений, их эвфемизация; развлекательная (игровая), смеховая (создание комизма, иронии, шутки).

Ключевые слова: иноязычное слово, анекдот, функция, лингвистический анализ, Интернет.

THE FUNCTIONING OF FOREIGN LANGUAGE TOKENS “TWITTER”, “INSTAGRAM”, “FACEBOOK” IN JOKES

A. Nasyrova

*Sterlitamak branch of Bashkir state University
Lenin pr., 49, Sterlitamak, Russia, 453103*

Abstract. The article defines the functions of foreign language tokens “Twitter”, “Instagram”, “Facebook” in the texts of modern anecdotes associated thematically with the scientific and technical progress, the spread of the Internet. We consider the semantic function (filling the precedent text with new meaning); the function of creating metaphorical meaning of the text; and stylistic functions: impact on feelings and behaviour of the recipient (educational), regulation of human relations, its euphemisation; entertainment (game), laughter (creating comedy, irony, jokes).

Keywords: foreign word, joke, function, linguistic analysis, Internet.

Мы рассматриваем анекдот как современный малый речевой жанр, актуальный в СМИ, поэтому прежде всего анекдот как художественно-публицистический жанр. Анекдот – это короткая шуточная история с необычной концовкой, которая порождает смех при восприятии её адресатом. Возникновение данного речевого жанра обусловлено как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Малые речевые жанры рассматриваются в нескольких работах Е.И. Бегловой [1; 2].

© Насырова А.С., 2016.

В настоящее время мы наблюдаем новый приток анекдотов, связанных тематически с научно-техническим прогрессом, распространением Интернета и пр. Всемирная система передачи информации привела к возникновению таких социальных сетей, как Твиттер, Инстаграм, Фейсбук и др., которые являются универсальным средством общения людей.

Цель данной работы – показать функционирование конкретных иноязычных неологизмов *Твиттер*, *Инстаграм*, *Фейсбук*, именующих социальные сети Интернет в современном анекдоте как малом речевом жанре, отражающем актуальные проблемы современности. Наша работа построена на лингвистическом материале, извлечённом из газет, журналов и Интернета. Предметом нашего лингвистического интереса являются названные лексемы в качестве смысловых и экспрессивных единиц, а также их функции в публицистическом жанре анекдота.

Как показывает собранный нами лексический материал, употребляемые в анекдотах неологизмы *Твиттер*, *Инстаграм*, *Фейсбук* способствуют реализации ряда функций. Так, **санкционирующая**, или **воспитательная** функция, воздействуя на эмоции адресата, приводит к изменению его поведения. Например: «*Полиция: Алло? Гражданин, ваша жена попала в аварию, нужно чтобы вы приехали на опознание. Муж: Ой, я сейчас очень занят. Выложите её фото на Фейсбук и отправьте мне ссылку. Если это она, я нажму «Лайк»* [13.05.2014.MAXIMONLINE.RU]. Анекдот отвечает требованиям шутки, комического текста, черты которого отметил В.З. Санников:

«Языковая шутка, как и комическое в целом, – это такое отклонение от нормы, которое удовлетворяет двум условиям: 1) приводит к возникновению двух содержательных планов (от исходной точки совершается внезапный переход к конечному результату, резко отличающемуся от этой исходной точки); 2) ни для кого в данный момент не опасно, а для воспринимающих шутку даже приятно, поскольку это отклонение вызывает в них, лишённых этого недостатка, чувство превосходства или же довольство по поводу исправности их интеллекта» [4]. Эти отмеченные условия в приведённом нами выше анекдоте реализованы в следующем: 1) звонок из полиции порождает абсурдное предложение супруга выложить фото умершей жены в Фейсбуке; 2) адресат текста отмечает отсутствие здравого смысла у супруга, чрезмерно увлечённого виртуальной жизнью. Для адресанта текста важно показать зависимость человека от социальных сетей, отразив этот факт как социальную не только российскую, но и мировую проблему, что он делает посредством создания комизма. По нашему мнению, в данном случае смеховая тональность текста непосредственно связана с русской смеховой культурой, с её киническим комплексом: смех не только ради смеха, но смех ради акцентуации общественного явления, которое должно быть оценено отрицательно со стороны общества.

Иноязычные лексемы служат важным элементом при реализации **функции вовлечения читателя в игру**, например: «– *Пап, пап, а чё это за развратная тётка у тебя в фотоальбоме на Фейсбуке?— Сынок, поуважительнее! Эта тётка тебе в мачехи годит-*

ся...» [22.06.2013.Отдыхай.com]. Адресант анекдота обыгрывает бытовую ситуацию, вызывая языковые ассоциации адресата с прецедентной фразеологической единицей *годиться в матери/отцы/сыновья/дочери* (то есть соответствовать по возрасту), которая трансформируется в тексте, так как происходит замена лексического компонента. В предложении «*Эта тётя тебе в мачехи годится...*» мысль высказана неясно, и может быть понята правильно только при понимании разницы значений лексем *мать* и *мачеха*.

М. Захарова, описывая приёмы языковой игры, справедливо отметила: «Цель такого искажения – передать смысл выражения, разрушив при этом лексический стереотип, существующий в сознании слушающего» [3]. В данном тексте отец намекает сыну на возможность появления в доме нового члена семьи, которая может реализоваться через знакомство по Фейсбуку.

С вовлечением адресата в языковую игру мы сталкиваемся в другом анекдоте: « – *Дорогая, где ты была? – Бегала. – Странно, но в инстаграме пусто и совсем нет фото*» [23.01.2015.baldeem.ru]. В основе текста прослеживается прецедентный текст – рекламный текст, частотный на телевидении: «*Дорогой, где ты был? – Бегал. – Странно, но футболка сухая и совсем не пахнет!*» В этом тексте соблюдаются особенности комического текста, отмеченные М. Захаровой, которая утверждает, что в знакомую, но уже «истёртую» многократным употреблением форму помещаются новые лексические единицы, которые переинтерпретируют первичное значение избранной формы и наполняют текст собственным лексическим значением,

окрашенным контекстуальной семантикой цитаты [3]. Ключевые слова в завершающей фразе рекламного текста изменены, что привело к смене семантики и акцентов: использование дезодоранта для предотвращения пототделения – повседневное *селфи* (фотографирование самого себя на расстоянии вытянутой руки) во время бега. Адресант анекдота разрушает знакомый ему рекламный текст, заставляя адресата взглянуть на происходящее со стороны.

В ряде отобранных нами для лингвистического анализа анекдотов иноязычные неологизмы сглаживают щепетильные ситуации, выполняя **функцию регулирования человеческих отношений**. Например, смягчение политической ситуации: «*Дмитрий Анатольевич, вы попали под санкции. – Что, меня включили в чёрный список невъездных? – Нет, вас забанили в Твиттере и Фейсбуке*» [16.02.2015. КП].

Не менее популярной социальной сетью наряду с Фейсбуком и Инстаграм является Твиттер. *Твиттер* – (англ. Twitter – «чирикать», «щебетать», «болтать») – социальная сеть для обмена сообщениями. В связи с последними политическими событиями 2015 года создаются подобного рода анекдоты, отражающие их разные стороны, например, в данном анекдоте отражается тот факт, что ряд стран представил список невъездных граждан России. Этот факт вызван санкциями, введенными Соединенными Штатами и государствами-членами Евросоюза против России в связи с конфликтом на Украине. Анекдот построен на оппозиции ценностных ориентиров коммуникантов, включающих политиче-

ские ограничения: запрет *Дмитрию Анатольевичу* со стороны противников на просмотр и ведение записей в Твиттере и Фейсбуке. Адресант текста переводит серьёзную современную политическую ситуацию в шутку.

Проведённый нами лингвистический анализ иноязычных лексем позволил выделить **функцию развлечения** адресата, например, в анекдоте: *«Сейчас такое время, что, если я буду умирать в центре города, мои фотографии быстрее окажутся в «Инстаграме», чем кто-нибудь вызовет «Скорую»* [26.09.2014.Караван]. Не случайно лексема *Инстаграм* стала объектом насмешки в креативном тексте анекдота, так как в современном обществе принято демонстрировать обеспеченную, праздную или насыщенную событиями жизнь путём размещения фотографий в социальных сетях. С одной стороны, анекдот вызывает смех, с другой стороны, в тексте прослеживается актуализация современного явления, направленная на формирование у адресата отрицательной оценки этого общественного явления.

Обратившись непосредственно к самому сайту «Инстаграм» для более точного определения его понятия, мы нашли текст рекламного характера, привлекающий внимание адресата-пользователя: *«1. Инстаграм – это быстрый, красивый и интересный способ поделиться событиями из жизни с семьей и друзьями. 2. Сделайте фото или видео, выберите фильтр, который их преобразит, и опубликуйте на Instagram – что может быть проще? 3. Вы даже можете поделиться публикацией на Facebook, Twitter, Tumblr и других сайтах. Это новое видение мира. Ах, да, мы говорили, что это бес-*

платно?» [4]. По нашему мнению, особый интерес представляет композиция этого рекламного текста. В начале (1 предложение, завязка) следует описание сайта: *«...это быстрый, красивый и интересный способ поделиться событиями из жизни с семьей и друзьями»*. Далее, в основной части текста, предлагается программа действий адресата в форме рекомендаций, что создаётся употреблением глаголов во 2 лице, мн. ч. в повелительном наклонении: *«Сделайте фото или видео, выберите фильтр, который их преобразит, и опубликуйте на Instagram»*. Второе предложение завершается фразой, которая говорит о том, что каждый легко станет членом корпоративного сообщества – пользователем социальной сети *Инстаграм*: *«что может быть проще»*. Следует заметить, что пиар-менеджеры сайта знают о том, что современный человек одновременно является пользователем сразу нескольких социальных сетей, поэтому расширяют возможности общения (3 предложение): *«Вы даже можете поделиться публикацией на Facebook, Twitter, Tumblr и других сайтах»*. При порождении рекламного текста учтено одно из неосознанных желаний человека – желание *получить что-либо бесплатно*, то есть ожидание иллюзорного достатка и благополучия без приложения усилий, поэтому текст удачно завершается риторическим вопросом, являющимся одновременно обращением к адресату (концовка, развязка): *«Ах, да, мы говорили, что это бесплатно?»*.

На наш взгляд, в части современных анекдотов особую ироническую тональность создают заимствованные слова, создающие *метафорический*

смысл. Продемонстрируем **функцию создания метафорического смысла текста**: «Пришла в голову такая аналогия: Фонарные столбы и деревья — это такой собачий **твиттер**. – Бежит собака, заглянула, понюхала свежие посты, оставила комментарий – и дальше» [05.07.2011. Анекдоты из России]. Метафорический смысл фразы «Фонарные столбы и деревья – это такой собачий **твиттер**» понятна для круга лиц, владеющего информацией о Твиттере. Наличие общего лексического компонента «комментарий» способствует не только пониманию смысла текста, но и порождению смеха, иронии. Образное сравнение столбов, деревьев с твиттером возможно потому, что пользователи сети оставляют комментарии (на молодёжном сленге – *комменты*), а собаки – *метки*. Для собак «метки» – это своеобразное средство коммуникации, распространения информации о себе, которую могут получить другие представители этого вида животных. Возникают смысловые метафорические ряды: *столб, дерево – твиттер, собака – пользователи, экскременты – комментарии*. Таким образом, смысл и ироническая тональность анекдота создаются метафоризацией слов, в том числе и иноязычной лексемы *Твиттер*, что способствует популяризации нового заимствованного слова в русской речевой коммуникации.

Как показывает наш текстовый материал, осмеянию подвергаются разные современные ситуации общения, явления и пр. Например, *приём пиццы, особенности питания русского человека*: «– Милая, что ты там фоткаешь? – *Клубничку в инстаграм*. – А, понятно... А что на обед ела? – Я? Да пельмешек килограмм навёрнула...С

хлебом [27.01.2015. Анекдоты из России.]. Объектом насмешки, иронии стали особенности современного питания большей части россиян. Или иронизируется отношение лиц, ограниченных рамками веры и их обязанностями по отношению к людям, например, в анекдоте: «– *Святой отец, я хочу исповедаться. – Заведи Твиттер и отвали!*» [04.06.2012. Анекдоты из России.]. Можно утверждать, что социальная сеть Твиттер даёт возможность человеку излить душу, поделиться своими мыслями, чувствами и таким образом предоставляет своеобразную альтернативу исповедования. В данном тесте возникают смысловые оппозиции: *Твиттер – церковь, святой отец – Твиттер, святой отец – пользователи сети, исповедь – короткие записи в Твиттере*. Или иронически представляются *межнациональные отношения и национальные особенности*: «– *Меня тут один немец с фейсбука поздравил с рождеством и сказал, чтоб я не пил много водки. – Я сказал ему, чтоб он не убивал слишком много евреев*» [12.03.2014. baldeem.ru.]. В данном тексте противопоставлены особенности действий русского и немецкого человека в рамках известных исторических и культурных фактов. Мышление немца неразрывно связывает образ русского человека с водкой, злоупотреблением алкоголем как чертой русского человека; в ответ русский человек ассоциирует действия немцев-фашистов во время второй мировой войны. Лексема *Фейсбук* представила заочное, дистантное общение людей разных национальностей и культур с точки зрения отрицательной оценки некоторых действий и черт, известных по стереотипным ситуациям или историческим фактам.

Выводы. Таким образом, социальные сети предоставляют возможность пользователю общаться, находить новых друзей, смотреть видео, слушать музыку, участвовать в обсуждениях, объединяться в группы и т. п. Вместе с этим возникает риск зависимости от виртуального общения, что негативно сказывается на жизни российского человека в целом.

Иноязычные неологизмы *Твиттер*, *Фейсбук*, *Инстаграм*, служащие наименованиями социальных сетей в Интернете, в малом речевом жанре, рассматриваемом нами как публицистический жанр, выполняют: 1) *семантическую функцию* (наполнение новым смыслом прецедентного текста); функция создания метафорического

смысла текста; 2) *стилистические функции*: воздействие на чувства и поведение адресата (воспитательная), регулирование человеческих отношений, их эвфемизация; развлекательная (игровая), смеховая (создание комизма, иронии, шутки).

В современном анекдоте как художественно-публицистическом жанре отражаются актуальные бытовые, политические, экономические, культурные, национальные и др. проблемы. Жанр анекдота отражает и языковые особенности носителя русского языка, демонстрируя использование новых слов, в том числе иноязычных, ещё мало понятных большей части носителей русского языка

СПИСОК НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Беглова Е.И. Textoобразующая роль фразеологических единиц в малых речевых жанрах // Уральский филологический вестник. 2012. № 3. С. 88–92.
2. Беглова Е.И. Семантико-прагматический потенциал некодифицированного слова в публицистике постсоветской эпохи: дисс. ... д-ра филол. наук. М.: МГОУ, 2007. 353 с.
3. Захарова М. Языковая игра как факт современного этапа развития русского литературного языка // Знамя. 2006. № 5. С. 159–168.
4. Инстаграм [Электронный ресурс]. URL: <https://instagram.com/> (дата обращения: 06.05.2015).
5. Санников В.З. Об истории и современном состоянии русской языковой игры // Вопросы языкознания. 2005. № 4. С. 3–20.

REFERENCES:

1. Beglova E.I. Tekstoobrazuyushchaya rol' frazeologicheskikh edinit v malykh rechevykh zhanrakh [Text-formation role of phraseological units in speech of small genres] // Ural'skii filologicheskii vestnik. 2012. no. 3. pp. 88–92.
2. Beglova E.I. Semantiko-pragmaticheskii potentsial nekodifitsirovannogo slova v publitsistike postsovetskoi epokhi: diss. ... d-ra filolog. nauk [The semantic and pragmatic potential of non-codified words in journalism the post-Soviet era: thesis in Philology Sciences]. M., MGOU, 2007. 353 p.
3. Zakharova M. Yazykovaya igra kak fakt sovremennogo etapa razvitiya russkogo literaturnogo yazyka [Language game as the fact of the current stage of Russian literary language development] // Znamya. 2006. no. 5. pp. 159–168.
4. Instagram [Elektronnyi resurs]. [Instagram [Electronic resource].] URL: <https://instagram.com/>
5. Sannikov V.Z. Ob istorii i sovremennom sostoyanii russkoi yazykovoi igry [About the history and modern condition of Russian language game] // Voprosy yazykoznanija. 2005. no. 4. pp. 3–20.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Насырова Алена Салаватовна - аспирант кафедры русского языка, стилистики и журналистики Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета; e-mail: alena.murka2009@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alena Nasyrova – postgraduate student at the department of Russian Language, Style and Journalism of Sterlitalamak branch of Bashkir State University; e-mail: alena.murka2009@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Насырова А.С. Функционирование иноязычных лексем *Твиттер, Инстаграм, Фейсбук* в современном анекдоте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 1. С. 32–38.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-32-38

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Nasyrova. THE FUNCTIONING OF FOREIGN LANGUAGE TOKENS “TWITTER”, “INSTAGRAM”, “FACEBOOK” IN JOKES // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. № 1. P. 32–38.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-32-38

УДК 811.11-112

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-39-48

ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И УСЛОВИЯ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

Соловьева Н.В.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, Российская Федерация*

Аннотация. В статье сопоставляются существующие в лингвистике представления о фонологических оппозициях, уточняются условия возникновения отношений противоположности между фонемами, выявляются и систематизируются формальные признаки фонологических оппозиций. В исследовании подтверждается наличие лакунарных оппозиций и предлагается метод их выявления. Фонологические оппозиции систематизируются с точки зрения способов их нейтрализации. Проводится разграничение фонологических и фоносемантических оппозиций.

Ключевые слова: фонема, фонологическая оппозиция, дифференциальный признак, нейтрализация.

PHONOLOGICAL OPPOSITIONS: TYPOLOGICAL FEATURES AND CONDITIONS FOR NEUTRALIZATION

N. Solovyeva

*Moscow Region State University
Radio St., 10a, Moscow, Russia, 105005*

Abstract. The article compares the studies of phonological oppositions, specifies the conditions of occurrence of opposite relationship between phonemes, and identifies and systematizes formal signs of phonological oppositions. The study confirms the existence of lacunar oppositions and offers a method of their identification. Phonological oppositions are classified in terms of ways to neutralize them. The distinction between phonological and phonosemantic oppositions is made.

Keywords: phoneme, phonological opposition, distinctive feature, neutralization.

Противоположные стороны предметов и явлений фиксируются средствами языка на разных уровнях. Отношения между единицами, формирующими структуру языковой системы, во многом определяются их тождественностью / нетождественностью или оппозициями, рассматриваемыми как «тип отношений в семиотических системах, в рамках которого знак приобретает значение и смысл только через отношение со знаком, стоящим к нему в оппозиции» [12]. Так, слово (лингвистический знак) *друг* раскрывает значение через слово *враг*, слово *сладкое* – через *горькое*.

Согласно «Словарю лингвистических терминов», оппозиция – это противопоставление двух или нескольких однородных единиц языка, проводимое для выявления различий между ними, например, оппозиция лабиализованных и нелабиализованных гласных или оппозиция глухих и звонких согласных [6, с. 178]. Другими словами, отношения оппозитивности позволяют идентифицировать единицу путём установления её отличительных фонетических или семантических признаков. Противопоставленные единицы могут быть разложены на общие элементы, выступающие основанием для сравнения, и частные различающиеся элементы – дифференциальные признаки.

Первый признанный в лингвистике опыт систематизации типов оппозиций принадлежит Н.С. Трубецкому, создателю теории фонологических оппозиций. В дальнейшем явление оппозиции рассматривалось с точки зрения фонологии (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Р.О. Якобсон, Г. Фант, М. Халле, Н.С. Трубецкой), грамматики (Р.О. Якобсон, А.Х. Востоков, С.О. Карцевский, Г.М. Фант, М. Халле), семантики (Л.А. Новиков, М.В. Никитин, Е. Coseriu, D.A. Cruse, L. Hjelmslev, D. Kastovsky, L. Lipka, J. Lyons, C.K. Ogden, F.R. Palmer), синтаксиса (А. Мартине, Б. Мальмберг).

Целью нашего исследования является установление типологических черт фонологических оппозиций и выявление условий их нейтрализации. Обратимся к истокам и рассмотрим сущность фонологического оппозитивного метода, послужившего методологической основой для исследований в семантике, грамматике

и текстологии, поскольку противопоставление, создающее контраст, может проявляться не только непосредственно в организации языковых единиц, но и в организации художественного пространства на уровне текста в виде противопоставляющихся друг другу композиционно-речевых форм.

Учение о фонеме И.А. Бодуэна де Куртенэ разрабатывалось в нескольких планах: установление генетофонемы – абстрагированной общей для фонетического строя родственных языков функциональной единицы; установление парадигмофонемы (морфофонемы) – функциональной единицы в рамках одного языка, отмеченной варьированием морфов в пределах одной морфемы; установление образной единицы в пределах фонетического варианта произносимого слова в языке индивида, при этом фонема (образ) и звук, реализующий фонему в речи (прообраз), связаны однозначными отношениями отображения; установление комплексной единицы в пределах варианта слова в языке индивида, членимой на типичные черты – различительные признаки [5].

Рассмотрение фонемы как комплекса признаков, служащих целям смыслоразличения и реализующихся в системе оппозиций, представлено в работах Пражской лингвистической школы (Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон). Две единицы / два фона (фон – единица звукового уровня языка, выделяемая в потоке речи безотносительно к её фонемной принадлежности) считаются противопоставленными, если существуют пары слов (минимальные пары), отличающиеся только двумя рассматриваемыми единицами, например: *том – дом – ком – ром – сом –*

лом. Два фона, вступающие в оппозицию, несомненно, относятся к разным фонемам. Два фона, находящихся в дополнительном распределении, т. е. не используемые в одном и том же контексте, могут быть отнесены к одной фонеме при выполнении других необходимых условий.

Признаки, на основе которых осуществляется противопоставление фонем разных фонем, получили название различительных, или дифференциальных (противопоставление по глухости – звонкости для минимальной пары *том* – *дом*; противопоставление по фрикативности – эксплозивности минимальной пары *мох* – *мок*). Устройство фонологической системы конкретного языка определяет набор различительных признаков, например, признак наличия или отсутствия придыхания у согласных является различительным в английском языке, а в русском языке придыхание не имеет различительной силы [10].

По утверждению Р.О. Якобсона, бинарные акустические признаки, составляющие фонологические оппозиции, представляют собой языковые универсалии, лежащие в основе любого языка. Учёный (совместно с Г. Фантом и М. Халле) разработал дихотомическую фонологическую классификацию по парным дифференциальным признакам, в которой фиксируется наличие того или иного признака у звука, включающую 12 пар дифференциальных признаков:

1) вокальность – невокальность (оппозиция характеризуется наличием / отсутствием тона);

2) консонантность – неконсонантность (оппозиция характеризуется наличием / отсутствием шума; сонорные

согласные совмещают признаки вокальности и консонантности);

3) длительность – недлительность (оппозиция по признакам взрывности и фрикативности);

4) абруптивность – неабруптивность (оппозиция по признаку образования согласных, которое сопровождается гортанной смычкой);

5) яркость – тусклость (оппозиция губно-зубных, свистящих и шипящих согласных, при произношении которых преграда разрушается постепенно, и всех остальных согласных);

6) звонкость – глухость (оппозиция по участию в образовании согласного голосовых связок);

7) компактность – диффузность (оппозиция по месту артикуляции: компактные согласные образуются в задней части полости рта, диффузные – в передней части);

8) низкая тональность – высокая тональность (оппозиция по тональному спектру: гласные *о, у, а*, твердые и губные согласные характеризуются низкой тональностью, гласные *и, э, а*, зубные и мягкие согласные характеризуются высокой тональностью);

9) бемольная тональность – простая тональность (мягким согласным свойственна бемольная тональность, твёрдым согласным свойственна простая тональность);

10) дизная тональность – простая тональность (оппозиция по признаку лабиализованности / нелабиализованности);

11) назальность – неназальность (оппозиция по приобретению звуком носового тембра);

12) напряжённость – ненапряжённость (напряжённые согласные всегда

глухие, не встречаются в интервокальной позиции) [2].

Как полагала В.Н. Ярцева, в работах Р.О. Якобсона и его последователей все типы фонологических оппозиций сводятся к бинарным привативным оппозициям. «Каждый член такой оппозиции имеет единственный однозначно предсказуемый противочлен (напр., «звонкость» не существует без «глухости»). Такой тип отношений может связывать лишь элементарные единицы, принадлежащие к двучленной категории, так что оппозитивная значимость переносится с фонемы на неразложимый далее компонент – дифференциальный признак» [3].

По признанию самих Р. Якобсона, Г. Фанта и М. Халле, установленные ими 12 пар дифференциальных признаков не встречаются одновременно ни в одном из известных языков. Сочетаемость или несовместимость этих признаков в одном и том же языке или отдельной фонеме определяется во многом законами предугадывания, носящими универсальный характер и позволяющими проводить стратификацию фонологических систем, сводя их разнообразие к ограниченному набору структурных типов [13, с. 173-279.]

Создатель теории фонологических оппозиций Н.С. Трубецкой классифицировал оппозиции по отношению данной оппозиции ко всей системе оппозиций, по отношению между членами оппозиции и по объёму смысловозначительной силы оппозиции.

На основании первого признака оппозиция может быть одномерной (совокупность общих для её членов признаков не присуща больше никакому другому члену системы: [t] и [d] – твёрдые дентальные взрывные)

и многомерной (общие для её членов признаки распространяются и на другие члены системы: сочетание признаков звонкости и взрывности присуще не только членам оппозиции [b] и [d], но и [g]); **изолированной** (члены оппозиции находятся в отношении, которое не встречается больше ни в какой другой оппозиции, например [t] и [s]) или пропорциональной (отношение между членами одной оппозиции тождественно отношению между членами другой оппозиции: сравним рус. [t] и [d] = [p] и [b] = [k] и [g]).

В зависимости от отношений между членами оппозиции выделяются привативные, эквивалентные и градуальные оппозиции. В привативных оппозициях один из членов обладает указанным свойством (маркированный член оппозиции), а у другого этот признак отсутствует (немаркированный член оппозиции), например, вибрация голосовых связок при артикуляции звонких звуков и её отсутствие при артикуляции глухих звуков. Эквивалентные оппозиции реализуются логически равноправными членами, ни один из которых не является отрицанием другого, примером может выступать противопоставление локального ряда – места образования согласных. Градуальными, или ступенчатыми, называются такие оппозиции, члены которых различаются по степени проявления признака, например, противопоставления по долготе гласных (краткие, полудолгие и долгие).

По параметру «объём различительной силы» оппозиции могут быть постоянными (члены оппозиции различаются во всех возможных положениях: оппозиция по назализации [p] – [m]) или нейтрализуемыми (признак

утрачивается в некоторых позициях, например, оппозиция по звонкости согласных утрачивается в позиции на конце слова) [11].

Наиболее значимым в оппозитивном методе Н.С. Трубецкого, по убеждению С.Ю. Аншаковой, можно признать способы обоснования оппозиций – нейтрализации, которые характеризовали сами оппозиции, их корреляции и релевантные признаки: «нейтрализация является единственным показателем реальности оппозиции, актуальны те оппозиции и корреляции языка, которые менее всего устойчивы и скорее других подвергаются нейтрализации» [1, с. 10].

В рамках учения о системе оппозиций Н.С. Трубецкого нейтрализация понимается как утрата определённым признаком различительных функций в данной позиции, в других позициях различительные функции сохраняются. Нейтрализоваться могут материально сходные единицы, обладающие тождественными признаками.

В работах Московской фонологической школы понятие нейтрализации основывается на исследовании позиционных чередований. Позиционные чередования могут быть обусловлены фонетическими и морфологическими позициями. В фонетических позициях чередуются звуки, образующие фонему. В морфологических позициях чередуются фонемы, образующие морфону. В разных позициях языковая единица меняется настолько, что изменения претерпевают все её характерные признаки. Московской фонологической школой выдвинуто положение о параллельных и пересекающихся рядах позиционно чередующихся звуков, введено понятие гиперфонемы.

Первоначально под гиперфонемой понималась функциональная единица, характеризующая систему фонем и выступающая в позиции нейтрализации, а также группа нейтрализующихся фонем. Позднее гиперфонема стала пониматься как функциональная единица, характеризующая фонемный состав отдельных морфов и представляющая собой общую часть нейтрализуемых фонем. Таким образом, нейтрализация представляется как скрещивание рядов чередующихся единиц в определённой позиции, их совпадение и нейтрализация в одной этой позиции [3].

В современной фонологии под фонологической нейтрализацией понимается снятие противопоставления, неразличение двух фонем в определённой фонологической позиции.

Традиционно выделяют два типа нейтрализаций: контекстуальные и неконтекстные. Контекстуально обусловленные нейтрализации возникают в определённом окружении и позволяют определить структурные отношения между единицами и элементами, оппозиция которых нейтрализуется, с единицами и элементами, создающими контекст. Нейтрализации, возникающие вне зависимости от языкового окружения, определяют внутреннюю структуру оппозиций: в подобных оппозициях один член обладает специфическим признаком, т. е. маркирован, а второй, немаркированный, в пользу которого происходит нейтрализация, не обладает специфическим признаком [8].

Заметим, что явление оппозиции распространяется не только на фонемы, но и на фонологические лакуны. Структура фонемного фонда язы-

ка определяется количественными и качественными характеристиками фонологических оппозиций. Под лакунарной фонемой подразумевается фонема, предусмотренная системой фонологических оппозиций данного языка, но отсутствующая в нём, т. е. виртуальная. Лакунарную фонему можно выявить на пересечении фонологических оппозиций и реконструировать, исходя из координат её ячейки в фонологическом пространстве языка. Как заявляет Е.В. Савицкая, к числу фонологических лакун принадлежат не только непосредственно фонемные лакуны – отсутствие определённых фонем, но и оппозиционные лакуны – отсутствие определённых фонемных оппозиций. Обнаружение фонемных лакун возможно на фоне системы данного языка, выявление оппозиционных лакун возможно только на высоких уровнях абстракции – на фоне группы языков, семьи языков и макросемьи языков [7, с. 150].

Классические фонологические оппозиции отличаются от фоносемантических противопоставлений. Термин *фоносемантика* был введен С.В. Ворониным для обозначения направления в лингвистике, предполагающего, что фонемы могут нести смысл сами по себе. При этом объектом фоносемантики выступает звукоизобразительная система языка, включающая звукоподражательную подсистему (элементы подсистемы – оноματοпеи, основанные на закономерной, фонетически мотивированной связи между фонемами слова и лежащим в основе номинации звуковым признаком денотата) и звукосимволическую подсистему (элементы подсистемы – звукосимволические слова, в основе которых передача

речевым звуком образа, ощущения, впечатления от обозначаемого предмета).

Проблема наличия или отсутствия внутренней связи звука и значения издавна привлекает исследователей. Символическая функция букв (поскольку различие между графической и фонетической сторонами языковых единиц не проводилось) рассматривалась уже в текстах древнееврейского мистического учения Каббала, в текстах древнеиндийских Упанишад, в рунических текстах викингов. В античные времена Платон указывал на принцип кинестетической имитации (подражание голосом и языком), лежащий в основе наименования, отмечая, однако, что не все слова могут быть истолкованы с точки зрения подражательной теории (например, производные от подражательных слов). В Новое время Г.В. Лейбниц заявлял о естественной связи между звучанием слова и обозначаемым предметом. Согласно В. фон Гумбольдту, каждое понятие обладает внутренней связью со свойственными ему признаками, при этом артикуляционное чувство помогает найти обозначающие это понятие звуки. В новейшее время исследования соотношения звука и значения развиваются в рамках психолингвистического и лексико-семантического подходов.

Анализу собственно фонем и дифференциальных признаков фонем с точки зрения субъективного символизма (связь звуков и значений в психике человека) и объективного символизма (связь звуков и значений в словах того или иного языка) посвящены работы В.В. Левицкого. Учёный обнаруживает ряд корреляций между

понятиями и дифференциальными признаками:

1) понятие «большой» (признаки звонкости, дрожания, заднего ряда, нижнего подъёма) – понятие «маленький» (признаки глухости, латеральности, переднего ряда, верхнего подъёма, среднего подъёма);

2) понятие «сильный» (признаки звонкости, смычно-фрикативности, взрывности, дрожания, заднего ряда, лабиализованности) – понятие «слабый» (признаки глухости, сонорности, латеральности, переднего ряда, нелабиализованности);

3) понятие «быстрый» (признаки смычности, взрывности) – понятие «медленный» (признаки сонорности, фрикативности) [4].

Собственно фонологические оппозиции в теории звуко­символизма называются коммуникативными (термин В.В. Левицкого), звуко­символические оппозиции – экспрессивными. Рассматривая экспрессивные оппозиции, В.В. Левицкий отмечает относительный характер звукового символизма, раскрывающегося только в противопоставлении одних звуков другим, и не абсолютное совпадение коммуникативных и экспрессивных оппозиций в одном и том же языке [4].

Приведённые положения теории В.В. Левицкого вызывают жёсткую критику, изложенную, например, в статье Я.Н. Скрипник «К вопросу о нейтрализации фоносемантических оппозиций». Автор оспаривает видение звуко­символического значения только как парадигматически обусловленного, в результате чего нейтрализация противопоставлений между фонемотипами (фонемотип – единица метауровня, обобщающая артику-

ляционные признаки фонем) ведёт к исчезновению звуко­символического значения. В качестве альтернативы предлагается рассматривать звуко­символический комплекс как сочетание парадигматических и синтагматических свойств. Снятие противопоставления обеспечивается определённым языковым окружением, в котором фонемотипы комбинируются в морфемотип (морфемотип – единица, формально и семантически обобщающая различные конкретные реализации корневых морфем), при этом происходит соединение звуко­символических значений [8].

В заключение отметим, что не все исследователи считают оправданным применение метода фонологических оппозиций к изучению лексико-семантического и грамматического ярусом языка. Как полагает М.И. Стеблин-Каменский, применение терминов «оппозиция», «нейтрализация», «дифференциальный признак» к не фонологическим явлениям является «фонологической метафорой» [9, с. 74-80]. По заявлению учёного, различие между значащими языковыми единицами похоже на оппозицию в фонологии только потому, что это тоже различие. «Дифференциальными признаками» можно назвать любые конституирующие признаки чего-либо, «нейтрализацией» – любое исчезновение различия, а «немаркированным членом оппозиции» – одну из любых двух противоположностей, которая существует и в отсутствие другой, более распространена. Оппозиция в фонологии понимается как различие элементов первого порядка, которое помогает дифференцировать то, что означают состоящие из них элементы второго порядка. Од-

нако «никакие другие языковые различия не подразумевают такого «двойного членения»... Следовательно, где нет «двойного членения», нет и оппозиции в терминологическом смысле этого слова» [9, с. 78]. К типологическим чертам фонологической метафоры относятся: не тождественность структур, а их сходство; шаблонность в отличие от поэтической метафоры (обязательное наличие оппозиции, дифференциальных признаков, нейтрализации, маркированности / немаркированности членов); использование научных терминов, точно обозначающих определённые явления [9, с. 74-80].

Проведённое исследование позволяет утверждать, что понятие оппозиции как отношения между противопоставленными сущностями, полярности их качеств или способов существования распространяется на

все уровни языковой системы, обеспечивая структурную устойчивость и упорядоченность. Мы разделяем точку зрения Е.В. Савицкой, что «любой элемент системы является членом парадигмы и существует на пересечении ряда оппозиций, в силу чего он может рассматриваться как пучок дистинктивных признаков, имеющий качественную определённость и отличающийся от любого другого элемента тем или иным дистинктивным признаком или набором признаков» [7, с. 148]. Кроме того, можно заключить, что поскольку единицы лексико-семантического и грамматического уровней двусторонни, то можно все оппозиции и нейтрализации подразделять на оппозиции и нейтрализации единиц плана выражения и единиц плана содержания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аншакова С.Ю. Языковая картина мира в системе антонимических оппозиций русских былинных текстов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004. 28 с.
2. Дихотомическая (бинарная) теория Р.О. Якобсона. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1786513> (дата обращения: 02.08.2015).
3. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://taramark.narod.ru/les/348a.html> (дата обращения 04.02.2015).
4. Михалев А.Б. Фоносемантика: от античности до современности [Электронный ресурс]. URL: http://amikhalev.ru/?page_id=392 (дата обращения 24.10.2015).
5. Парсиева Л.К., Гацалова Л.Б. Фонологическая теория И.А. Бодуэна де Куртенэ и Казанская лингвистическая школа // Современные проблемы науки и образования. Филологические науки: сетевой журнал. 2014. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/119-15113> (дата обращения: 02.08.2015).
6. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 3-е. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
7. Савицкая Е.В. Лакуны в фонемном фонде английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. III. С. 148–151.
8. Скрипник Я.Н. К вопросу о нейтрализации фоносемантических оппозиций // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2012. №79 (05). URL: http://rus.neicon.ru:8080/xmlui/bitstream/handle/123456789/1746/69_51.pdf?sequence=1 (дата обращения: 26.01.2015).
9. Стеблин-Каменский М.И. «Изоморфизм и «фонологическая метафора» // Спорное в языкознании. М., 1974. С. 74–80.

10. Фонологическая оппозиция [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1168369> (дата обращения: 02.08.2015).
11. Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/OPPOZITSIYA_YAZIKOVAYA.html (дата обращения: 26.01.2015).
12. Энциклопедия культуры и общества [Электронный ресурс]. URL: <http://glossword.info/index.php/term/> (дата обращения: 16.06.2014).
13. Якобсон Р., Фант Г.М., Хале М. Введение в анализ речи: различительные признаки и их корреляты // Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962. С. 173–279.

REFERENCES:

1. Anshakova S.YU. Yazykovaya kartina mira v sisteme antonimicheskikh oppozitsii russkikh bylinnykh tekstov: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Language picture of the world in the system of antonymy oppositions of Russian epic texts: abstract of PhD thesis in Philology Sciences]. Tambov, 2004. 28 p.
2. Dikhotomicheskaya (binarnaya) teoriya R.O. YAkobsona [Elektronnyi resurs]. [Dichotomous (binary) theory of R. O. Jakobson [Electronic resource].] URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1786513> (request date 02.08.2015)
3. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Elektronnyi resurs]. [Linguistic encyclopedic dictionary [Electronic resource].] URL: <http://tapemark.narod.ru/les/348a.html> (request date 04.02.2015).
4. Mikhalev A.B. Fonosemantika: ot antichnosti do sovremennosti [Elektronnyi resurs]. [Phonosemantic: from antiquity to the present [Electronic resource].] URL: http://amikhalev.ru/?page_id=392 (request date 24.10.2015).
5. Parsieva L.K., Gatsalova L.B. Fonologicheskaya teoriya I.A. Boduena de Kurtene i Kazanskaya lingvisticheskaya shkola [Phonological theory I. A. Baudouin de Courtenay and the Kazan linguistic school] // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. Filologicheskie nauki: setevoi zhurnal. 2014. no. 5. URL: <http://www.science-education.ru/119-15113> (request date: 02.08.2015).
6. Rozental' D.E., Telenkova M.A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov. [Dictionary-reference book of linguistic terms]. 3rd ed. M., Prosveshchenie, 1985. 399 p.
7. Savitskaya E.V. Lakuny v fonemnom fonde angliiskogo yazyka [Gaps in the phonemic Foundation of the English language] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014. no. 12 (42): in 3 parts. P. 3. pp. 148–151.
8. Skripnik YA.N. K voprosu o neutralizatsii fonosemanticheskikh oppozitsii [Elektronnyi resurs] [To the question of the neutralization of the phonosemantic oppositions] [Electronic resource]] // Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2012. no. 79 (05). URL: http://rus.neicon.ru:8080/xmlui/bitstream/handle/123456789/1746/69_51.pdf?sequence=1 (request date: 26.01.2015).
9. Steblin-Kamenskii M.I. «Izomorfizm i «fonologicheskaya metafora»» [«Isomorphism and «phonological metaphor»] // Spornoe v yazykoznanii [Controversial in linguistics]. M., 1974. pp. 74–80.
10. Fonologicheskaya oppozitsiya. [Elektronnyi resurs]. [Phonological opposition. [Electronic resource].] URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1168369> (request date 02.08.2015)
11. Entsiklopediya Krugosvet. [Elektronnyi resurs]. [The Periodic Table Of Elements. [Electronic resource].] URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/OPPOZITSIYA_YAZIKOVAYA.html (request date 26.01.2015)

12. Entsiklopediya kul'tury i obshchestva. [Elektronnyi resurs]. [Encyclopedia of culture and society. [Electronic resource].] URL: <http://glossword.info/index.php/term/> (request date 16.06.2014)
13. Jakobson R., Fant G.M., Khale M. Vvedenie v analiz rechi: razlichitel'nye priznaki i ikh korrelyaty [Introduction to speech analysis: the distinctive features and their correlates] // *Novoe v lingvistike*. no. 2. M., 1962. Pp. 173–279.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соловьева Наталия Владимировна - кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Московского государственного областного университета; e-mail: natavs@list.ru библиографическая ссылка

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia Solovyeva – candidate of philological sciences, associate professor at the department of Philology in Moscow State Regional University; e-mail: natavs@list.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Соловьева Н.В. Фонологические оппозиции: типологические особенности и условия нейтрализации // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Русская филология. 2016. № 1. С. 39–48.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-39-48

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Solovyeva. PHONOLOGICAL OPPOSITIONS: TYPOLOGICAL FEATURES AND CONDITIONS FOR NEUTRALIZATION // *Bulletin of Moscow State Regional University*. Series: Russian philology. 2016. № 1. P. 39–48.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-39-48

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-49-57

ИНТЕРТЕКСТУЛЬНЫЕ СВЯЗИ В КНИГЕ «ПЛАГИАТ» В.А. ПЬЕЦУХА

Тищенко О.В.

*Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя
117437, Москва, ул. Академика Волгина, д.12.*

Аннотация. Предметом рассмотрения данной статьи являются интертекстуальные связи в книге «Плагиат» В.А. Пьецуха. В статье проводится сопоставительный анализ рассказа «Крыжовник» А.П.Чехова, романа «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина с текстами писателя-постмодерниста. Общее в текстах Чехова и Пьецуха – это заглавие произведения и описание вкуса крыжовника, интертекстуальность выражена опосредованно. По отношению к роману Салтыкова-Щедрина Пьецух становится продолжателем прерванного повествования сатирического толка. Ремейк произведений классической литературы становится для современного писателя отправной точкой его литературных изысканий.

Ключевые слова: постмодернизм, интертекстуальные связи, ремейк, цитата, пародия, первичный текст, вторичный текст.

INTERTEXTUAL CONNECTIONS IN V. PETSUKH'S BOOK «PLAGIARISM»

O. Tishchenko

*Kikot Moscow University of the MIA of Russia
Akademik Volgin St., 12, Moscow, Russia, 117437*

Abstract. The subject of this article is the intertextual connections in the book «Plagiarism» by V. Petsukh. The article presents a comparative analysis of Chekhov's story «Gooseberries», Saltykov-Shchedrin's novel «The Story of a city» with the poems of the postmodernist writer. Common in the texts of Chekhov and Petsukh is the title of the work and the description of the taste of gooseberry, intertextuality is expressed indirectly. In relation to the novel by Saltykov-Shchedrin, Petsukh becomes the successor of the interrupted narrative of the satirical sense. The remake of classical literature becomes for a modern writer a starting point of his literary studies.

Keywords: postmodernism; intertextual relations; remake; quote; parody; primary text, secondary text.

«Плагиат» В.А. Пьецуха (2006 г.) состоит из переделанных произведений русской классической литературы. В книге с провокационным заглавием¹ писатель

© Тищенко О.В., 2016.

¹ Плагиат – умышленное присвоение авторства на чужое произведение науки, литературы, искусства (в целом или в части); влечёт уголовную и гражданскую ответственность [2, с. 489].

обыгрывает, переписывает и переосмысливает произведения четырёх крупнейших писателей второй половины XIX века. Свои *литературные ремейки* Пьецух адресует Льву Николаевичу («Баллада о блудном сыне: Детство. Отрочество. Юность», «Утро помещика»), Николаю Васильевичу («Демонстрация возможностей»), Антону Павловичу («Наш человек в футляре», «Д. Б. С.», «Колдунья», «Крыжовник») и Михаилу Евграфовичу («История города Глупова в новые и новейшие времена», «Город Глупов в последние десять лет»). Своё решение переписать классиков Пьецух объясняет в предисловии так: «<...> великие предшественники так много начудили по линии художественной обработки, что им остро хочется надерзить. Например, Гоголь доказывал, что в XXI столетии русский человек станет совершенен духом, совсем как Александр Сергеевич Пушкин. А он почему-то получил нежева и обормот. Так же любопытно было бы перенести чеховских героев, сто лет тому назад бредивших светлым будущим, в наш злополучный век. То-то они заскучали бы по крыжовенному кусту.

Отсюда и «Плагиат» [5, с. 3-4].

Появление жанра литературного ремейка вовсе не является «показателем духовной деградации общества и символом утраты высших ценностей, но обязательным элементом культуры, имеющим свои специфические функции» [1]. Целью ремейка является не «перевод» классического произведения на язык современности как таковой, не упрощение, опошление или пародирование, а, наоборот, оживление, наполнение его новым содержанием и смыслом. При этом могут повторяться

сюжетные линии, коллизии, типажи, герои, обстоятельства и т. д. Предшествующий текст в этом случае становится прототекстом, а ремейк – его своеобразным повтором и / или продолжением. Между предшествующим текстом и последующим текстом устанавливаются неразрывные связи как на семантическом, так и на структурном уровне, а сами тексты относятся друг к другу как первичный и вторичный.

М.Н. Иванова выделила три типа соотношения первичного и вторичного текста в литературе постмодернизма по степени включённости прототекста в состав вторичного текста [3, с. 414-417]. **Первый тип** – это своеобразное переписывание прототекста с повтором заглавия, сюжета, системы образов, имён героев, широким цитированием, или *ремейк*. Ярким примером ремейка является роман «Накануне накануне» Е. Иванова. Вторым типом – это переосмысление прототекста через ряд аллюзий и реминисценций, например, «Крыжовник» В. Пьецуха. Третий вариант – это вовлечение читателя в игру ассоциаций и намёков через узнаваемое заглавие прототекста. Например, рассказы С. Солоуха «Каштанка», «Лошадиная фамилия» апеллируют к известным рассказам А.П. Чехова, однако в тексте нет прямых текстовых или сюжетных отсылок к известным текстам, есть лишь опосредованные намёки на них.

Проза Пьецуха тяготеет к орнаментальной, витиеватой, вычурной, многослойной форме. Лексическая и стилистическая неоднородность, использование фразеологизмов, сложный синтаксис, обилие вводных слов и конструкций, обособления, сравне-

ния, явные и скрытые цитаты, лирические отступления, диалог с предшествующими культурами, эпохами, лицами, писательская рефлексия являются характерными чертами идиостиля Пьецуха.

Чтобы обнаружить интертекстуальные связи в книге Пьецуха, сравним его рассказ «Крыжовник» с рассказом «Крыжовник» А.П. Чехова.

«Крыжовник» Чехова был опубликован в журнале «Русская мысль» (1898 г.) [8]. Рассказ входит в «Маленькую трилогию», состоящую из трёх произведений – «Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви». Главный герой чеховского «Крыжовника» Николай Иванович Чимша-Гималайский, о котором рассказывает его брат Иван Иванович, с молодости мечтал о собственной дворянской усадьбе. Его мечта состояла из четырёх пунктов: а) барский дом, б) людская, в) огород, г) крыжовник. Для Николая Ивановича крыжовник был видимым воплощением идеала наравне с барской усадьбой. Мечта пожить барином полностью завладевает им, и вся жизнь превращается в нескончаемую погоню за ней. Николай Иванович недоедает, жадничает, копит деньги, в возрасте за сорок по расчёту женится на некрасивой богатой вдове, чтобы вложить её деньги в покупку имения. Через два года жизни впроголодь жена умирает, а Николай Иванович в конце концов покупает большой участок земли с усадьбой. Однако, зажив дворянином, хорошим хозяином он так и не стал, в его усадьбе всё устроено бестолково, да и крыжовник, символ барской жизни, вырастает кислый и невкусный. Всего этого он не замечает, считает себя заправским помещиком, благодетелем

своих крестьян, потому что лечит их касторкой и наливает полведра водки. Главная идея рассказа Чехова состоит в том, что человеку надо стремиться делать добро людям, чтобы не замкнуться в своём узеньком мещанском мирке, и помнить, что цель жизни не стяжательство, а помощь тем, кто в ней нуждается.

Рассказ «Крыжовник» В.А. Пьецуха принципиально отличается от рассказа Чехова и по объёму, и по содержанию. Начинается рассказ определением понятия *комсомольский работник*: «Сейчас уже никто не знает, что такое комсомольский работник, а ещё лет двадцать тому назад каждой собаке было известно, что это целый подвиг молодого или не то чтобы молодого человека, прикосновенного к высшим сферам, которого отличают некая затаённая пассионарность, хорошее лицо и вечный багряный значок на лацкане пиджака» [5, с. 89].

Героя пьецуховского рассказа зовут Саша Петушков, он комсомольский работник 1980-х. Находясь в служебной командировке в Магадане, Петушков, напившись, теряет паспорт, оказывается без денег и документов за пятьсот километров от Магадана. Затем он попадает в компанию алкоголиков, спивается вместе с ними, но при этом сохраняет лидерство в своей среде. Он теряет здоровье, переживает роман с некоей Ниной Соколовой, в порыве чувств выкалывает себе один глаз, за что получает кличку Даян. Через три года запойной жизни он случайно сталкивается с бывшим сослуживцем, который помогает ему восстановить паспорт. Однако Петушков, вместо того чтобы вернуться в Москву, попадает в языческую секту на два с поло-

виной года. Наконец он сбегает оттуда и возвращается в столицу в лихие 1990-е. Первопрестольную Саша Петушков совершенно не узнаёт, но тут судьба делает крутой поворот: герой случайно посещает лекцию на тему «Частное предпринимательство в современной России». Он решает заняться бизнесом, продаёт квартиру, снимает офис и через некоторое время добивается успеха. После отказа платить дань криминалу Петушков продаёт свою фирму и уезжает в Снегири. Позже он после долгих раздумий организует движение социал-монархической молодёжи, становится её лидером. После того как деньги в партийной кассе закончились, он снова бросает всё и уезжает в Снегири. Крыжовник, заявленный в заглавии, появляется почти в самом конце рассказа. Именно в Снегирях Саша Петушков случайно пробует крыжовник. «Вкус этой ягоды поразил его: точно вся гамма мыслимых ощущений соединилась в её благоуханной мякоти, от привкуса поцелуя до электрического эффекта, немедленно нахлынули щемлящие детские воспоминания, и в нос пахнуло чем-то одновременно и русским, и не совсем» [5, с. 109]. Именно в выращивании крыжовника герой Пьецуха нашёл своё истинное призвание. Петушков так увлёкся выращиванием ягоды, что смог вывести четыре новых сорта и стал членом Эгтон-Бриджского общества селекционеров.

В финале рассказа перед нами не партийный работник, агитатор, бизнесмен, а успешный крестьянин-труженик, работающий в саду от рассвета до заката. Иногда Саша Петушков садится на крылечко, вспоминает свою молодость, свои метания и не может понять: зачем он всё это делал?

Сравнив сюжеты рассказов Чехова и Пьецуха, мы видим принципиальную разницу между ними: крыжовник в рассказе Чехова символизирует впустую потраченную жизнь псевдодворянина, который достиг материального благополучия, но ничего путного в жизни не сделал. Крыжовник в рассказе Пьецуха символизирует обретение смысла в конкретном труде, приносящем пользу и себе и людям. Название рассказов – это своего рода антитеза двух путей человека. У Чехова Николай Иванович Чимша-Гималайский чётко и логически последовательно идёт к своей цели. У Пьецуха жизнь сама носит и крутит Сашу Петушкова, но к своей главной цели он приходит скорее бессознательно, вкус крыжовника поразил его настолько, что это ощущение изменило всю его жизнь. Ключевой момент обоих рассказов – это описание вкуса крыжовника. Выращенная в усадьбе ягода, которой Николай Иванович угощает своего брата, жёсткая и кислая. Однако помещик сам себе объясняет, что крыжовник вкусный, он даже встаёт ночью, чтобы взять с тарелки ягодки и насладиться исполнением своей заветной мечты, ведь она далась ему с таким трудом. Он счастлив своим эфемерным существованием дворянина-помещика.

Ягода, которую случайно пробует Саша Петушков, вызывает своим видом и вкусом настолько яркие ощущения, что они вытесняют всё наносное и глупое из головы. Крыжовник бывший партийный работник выращивает сам, работая в саду до седьмого пота. Его успехи вполне реальны и осязаемы, он обеспечивает себя своим трудом и счастлив, потому что обрёл смысл жизни.

В чём-то судьбы двух героев похожи, например, оба так и не создали семьи (брак по расчёту Николая Ивановича семьей не назовешь). В рассказе Чехова главный герой, добившись материального благополучия, теряет самого себя, в рассказе Пьецуха главный герой после всех жизненных коллизий находит себя. Таким образом, два рассказа с одинаковым названием принципиально отличаются друг от друга, интертекстуальность носит скорее отсылочный характер. Пьецух перенёс героя чеховского рассказа в наше время, но наделил своего героя взаимоисключающими чертами, типичными для русского человека: безалаберностью, склонностью к взбалмошным поступкам, тягой к алкоголю, разгильдяйством и в то же время лидерскими качествами, способностью к упорному труду, силой духа и мечтательностью.

Поскольку идиостилю Пьецуха присущи ироничность, язвительность и известное ёрничество, особенно внимания заслуживают его повести «История города Глупова в новые и новейшие времена» и «Город Глупов в последние десять лет». Первая повесть состоит из следующих глав: «От изыскателя», «Опись градоначальникам, а впоследствии председателям горсовета», «Невзгоды эпохи единообразия», «Осложнения из-за «эгалите»», «Смерть певца», «Невзгоды эпохи эмансипации», «Обоюдный террор», «Новые фантастические путешественники», «Невзгоды эпохи бумдекаданса», «Невзгоды переходного периода», «Шесть комиссаров», «Эра председателя Милославского», «Пир победителей», «Глуповцы за границей», «Искусственный человек», «Невзгоды на производстве», «Текущие невзгоды»,

«Оправдательные документы». Вторая повесть состоит из следующих глав: «От изыскателя», «Опись градоначальникам», «Общеполитические невзгоды», «Последние времена», «Ушливые люди», «Невзгоды по хозяйству», «Пятый сон Веры Павловны», «Оправдательные документы». Обе повести адресованы Михаилу Евграфовичу, тем самым они продолжают повествование сатирического толка в XX в.

Сатирический роман Салтыкова-Щедрина «История одного города»¹ умело пародирует историческую хронику Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, С.М. Соловьёва². Комический эффект достигается столкновением высокого и низкого в языке: высокопарного слога повествования с низким содержанием глупых действий как самого народа (откуда и его название), так и начальников. Комизм усиливается говорящими именами правителей (Прыщ, Угрюм-Бурчеев, Дунька толстопятая, Нелька Лядоховская и т. д.). По мере повествования

¹ Произведение состоит из следующих частей: «Обращение к читателю», «О корени происхождения глуповцев», «Опись градоначальникам», «Органчик», «Сказание о шести градоначальниках», «Известие о Двоекурове», «Голодный город», «Соломенный город», «Фантастический путешественник», «Войны за просвещение», «Эпоха увольнения от войн», «Поклонение мамоне и покаяние», «Подтверждение покаяния», «Заключение», «Оправдательные документы».

² В «Истории одного города» Салтыков-Щедрин прибегнул к художественной «маскировке». Своё произведение он выдал за найденные в архиве тетради летописцев, якобы живших в XVIII в., а сам он выступил в качестве скромного «издателя» этих записок. Царей и царских министров писатель представил в образах градоначальников, а установленный ими государственный режим — в образе города Глупова.

Салтыков-Щедрин показывает, что дикий, невежественный народ не способен выбрать себе умного и толкового правителя, поэтому к власти приходят то воры, то прелюбодеи, то прохвосты, то дураки, то негодяи.

В первой главе «О корени происхождения глуповцев» Салтыков-Щедрин саркастически копирует манеру «Слова о полку Игореве»¹. Пьецух заимствует ироничную манеру Салтыкова-Щедрина для того, чтобы иносказательно описать эпоху перемен в России XIX-XX вв., включая «перестройку» и постперестроечное время.

Вступление Пьецух называет так же, как Салтыков-Щедрин — «От изыскателя», копируя форму и продолжая дело сатирика XIX в.:

«Уж на что Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин был бесстрашный писатель, и а то довёл свою «Историю одного города» только до слишком свежего ещё 1825 года, на которое пало «происшествие 14 декабря», как уклончиво называли в его времена восстание декабристов, и малодушно осёкся на сообщении, что де «история прекратила течение своё». Но не тут-то было, история отнюдь не прекратила течение своё, и, как теперь стало доподлинно известно, после двадцать пятого года прошлого столетия в городе Глупове тоже происходили разные по-своему замечательные события, о которых пришла пора поведать

¹ «Не хочу я, подобно Костомарову, серым волком рыскать по земли, ни, подобно Соловьёву, шизым орлом ширять под облака, ни, подобно Пыпину, растекаться мыслью по древу, но хочу ущекотать прелюбезных мне глуповцев, показав миру их славные дела и предобрый тот корень, от которого знаменитое сие древо произросло и ветвями своими всю землю покыло» [6, с. 298].

заинтересованному современнику» [5, с. 112].

Вопросы, на которые писатель хочет найти ответ, следующие:

1) «почему Глуповом испокон веков командовали в той или иной мере невежи и дураки?»

2) Почему глуповцы мирились с тем, что ими командуют в той или иной мере невежи и дураки, а то и вели себя таким неподобающим образом, что никто другой ими руководить бы и не посмел?» [5, с. 266]

Текст Пьецуха стилистически разнороден, в одном предложении сталкиваются слова устаревшие, книжные, разговорные, сниженные, что стирает границу между серьёзным и шутивным восприятием текста. Так, в одном предложении Пьецух сочетает разностилевые лексемы: устаревшее *мздоимство*, книжные *властелин*, *извергнуться*, *погрязнуть*, термины *диктатура*, *республика*, *гуманизирующий*, разговорное *позарез*, просторечное *забубённый* и авторское *человекоуничительный*:

«Конечно, из-за того, что властелин, положим, совершенно погрязнет в мздоимстве, второго пришествия не случится и Везувий вдруг не извергнется, если властелину этого захочется позарез, но самую человекоуничительную диктатуру он может наполнить каким-то гуманизирующим содержанием, а разнуданно демократическую республику превратить в общество забубённых эгоистов» [5, с. 158].

Подобно Салтыкову-Щедрину Пьецух рассматривает историю Государства Российского в иносказательной манере, что вполне объяснимо. Иносказание позволяет, не называя

напрямую участников событий, дистанцироваться от ситуации, избегать излишней политизированности, фактуальности, публицистичности, привести в историю больше повествовательности, художественности, анализа, рассуждения.

В тексте Пьецуха есть цитаты и из других произведений литературы. В главе «Новые фантастические путешественники» есть интертекстуальная отсылка к строкам из поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?»:

Эх! эх! придёт ли времечко, <...>

Когда мужик не Блюхера,

И не милорда глупого —

Белинского и Гоголя

С базара понесёт? [4, с. 42-43]

В тексте строки трансформируются в прозаическую вставку, однако вполне узнаваемую:

«<...> Иван Осипович спохватился, но было поздно — Белинского и Гоголя мужик понёс с базара раньше, чем об этом прознали власти» [5, с. 159-160].

В главе «Невзгоды переходного периода» цитируется реплика из шекспировской трагедии «Король Ричард III» (действие 5, картина 4): «Коня, коня! Полцарства за коня!» В тексте Пьецуха она теряет свою напряжённую эмоциональность и становится бормотанием раздавленного жизнью человека:

«<...> Сиракузов, ещё вчера владевший доходным домом, выстроенным в стиле модерн, и лавкой колониальных товаров, бродит по городу в рубище, убито улыбается и бормочет:

Коня, коня! Полцарства за коня!¹ [5, с. 176]

¹ Эта крылатая фраза цитировалась в произведениях русской литературы и раньше, в частности, в стихотворении В. Высоцкого «О вкусах не спорят» (1966).

Чтобы придать достоверность своему повествованию, писатель упоминает, наряду с выдуманными фамилиями, реальные исторические лица, например, Н.И. Бухарина, Ф.Э. Дзержинского.

Интересно отметить, что, описывая жизнь в нашей стране в советский период, Пьецух не говорит ни слова о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Делает он это, вероятно, по двум причинам. Во-первых, эта тема не предполагает никакого ёрничанья, во-вторых, ситуация внутри страны описывается с точки зрения обычного, среднестатистического человека, живущего инертно, пассивно, не выходя за рамки привычного. Пьецух рисует нам портрет обывателя, который предпочитает, чтобы за него думали и решали «наверху». Писатель хочет понять закон логики истории, кто вращает маховик государства, кто решает, какой стране быть, каким путём ей развиваться? В сущности, герой повести Пьецуха – это своеобразный Иван-простота, который в равной степени склонен к хорошим и дурным поступкам. Даже пристрастие к чтению, которое за годы советской власти «сделалось третьей национальной страстью после пьянства и воровства», писатель объясняет «длинными зимами», «долгими вечерами» и «жестоким безденежьем» [5, с. 288].

Вывод, к которому приходит летописец, излагается в главе «Оправдательные документы»: «Характернейшая особенность истории Глупова, как, впрочем, и всей российской истории, заключается в том, что народу как-то настойчиво, роковым образом не везло с вождями. Неоспоримо, что в этом смысле и прочие нации настрада-

лись – и французы претерпели от своего монарха Варфоломеевскую ночь, и испанцы намучились с сумасшедшими королями, и англичанам Кромвель дал прикурить, но всё же это были скорее эпизоды, чем правило, а не сплошное административное горе, как в нашей глуповской забубённой стороне. Почему это так – вопрос обширный, а главное, опасный для изучения, так как он может накликать самые непрезентабельные ответы» [5, с. 265-266].

Во второй части «Город Глупов в последние десять лет»¹ события 1990-х гг. описываются в той же ироничной манере, что и в «Истории г. Глупова в новые и новейшие времена», но тон повествования становится жёстче, циничнее. Выражается это в том числе в использовании ругательного существительного *сука-история*: «По-хорошему им бы ещё пожить-осмотреться при более или менее цивилизованном градоправителе Колобкове, приобрести основные гражданские навыки, воспитать в себе рефлекс меры, освежиться, – но сука-история не дала» [5, с. 280].

В главе «Пятый сон Веры Павловны» [7] заглавие содержит отсылку к знаме-

нитым снам² главной героини в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» (1863 г.). Вера Павловна у Пьецуха представлена женой последнего правителя Порфирия Ивановича Гребешкова. Ей снится, как всенародный митинг переходит в массовое заболевание маниакально-депрессивным психозом и массовую эмиграцию населения. Последняя глава «Оправдательные документы» состоит из одного слова – *нету*.

Анализ интертекстуальных связей в книге «Плагият» показал, что В.А. Пьецух использует наследие классической русской литературы лишь как отправную точку для создания своих текстов. Литературные ремейки Чехова и Салтыкова-Щедрина помогают писателю найти ответы на извечные вопросы о предназначении человека, о судьбе русского народа или об исторических закономерностях развития цивилизации. Провокационное заглавие книги, конечно, не соответствует её содержанию (настоящий писатель не позволит себе литературного воровства). Речь идёт, скорее, о постмодернистском переосмыслении классической литературы, цель которого – восстановление утраченной связи времён.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Загидуллина М.В. Ремейки, или Экспансия классики [Электронный ресурс] // НЛО. 2004. № 69. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/za13.html> (дата обращения 01.12.2015)
2. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и выражений. М., 2003. 784 с.
3. Иванова Н.М. Отношения текста и прототекста в литературе постмодернизма // Вестник Тверского государственного университета, серия «Филология». 2014. № 3. С. 414–417.
4. Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо / Худож. К.С. Бокарев; оформл. П.С. Сацко-го. М.: Сов. Россия, 1984. 288 с.

¹ Впервые опубликовано в журнале «Дружба народов» в 1998 г., № 12.

² В первых двух снах Вера Павловна порывает со своим тёмным прошлым. В третьем сне рассказывает о замужестве Веры Павловны, четвёртый сон Веры Павловны раскрывает её представления о царстве справедливости.

5. Пьецух В.А. Плагиат. Повести и рассказы. М., 2006. 304 с.
6. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 10 томах. Т. 2. М., 1988. 544 с.
7. Чернышевский Н.Г. Что делать? Л.: Наука, 1975. 872 с.
8. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Том 10. М.: Наука, 1986. 500 с.

REFERENCES:

1. Zagidullina M.V. Remeiki, ili Ekspansiya klassiki [Electronic resource] [Remakes or Expansion classics] [Electronic resource] // NLO. 2004. No. 69. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/za13.html> (request date 01.12.2015).
2. Zakharenko E.N., Komarova L.N., Nechaeva I.V. Novyi slovar' inostrannykh slov: 25 000 slov i vyrazhenii [A new dictionary of foreign words: 25,000 words and expressions]. М., 2003. 784 p.
3. Ivanova N.M. Otnosheniya teksta i prototeksta v literature postmodernizma [The relationship of text and prototext in the literature of postmodernism] // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta, seriya «Filologiya». 2014. no. 3. pp. 414–417.
4. Nekrasov N.A. Komu na Rusi zhit' khorosho / KHudozh. K.S. Bokarev; Ofornl. P.S. Satskogo [To whom in Russia is well to live / Ill. by K. S. Bokarev; decor. by P. S. Satsky]. М., Sov. Rossiya, 1984. 288 p.
5. P'etsukh V.A. Plagiat. Povesti i rasskazy [The plagiarism. Novels and stories]. М., 2006. 304 p.
6. Saltykov-SHCHeдрin M.E. Sobraenie sochinenii: v 10 tomakh. T. 2 [Collected works: in 10 volumes. Vol. 2nd]. М., 1988. 544 p.
7. Chernyshevskii N.G. Chto delat'? [What to do?]. L., Nauka, 1975. 872 p.
8. Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 tomakh. T. 10 [Complete works and letters: in 30 volumes. Vol. 10th]. М., Nauka, 1986. 500 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тищенко Ольга Викторовна - преподаватель кафедры русского языка Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя; e-mail: oltis@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga Tishchenko – lecturer at the department of the Russian Language of Kikot Moscow University of the MIA of Russia; e-mail: oltis@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Тищенко О.В. Интертекстуальные связи в книге «Плагиат» В.А. Пьецуха // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 1. С. 49–57.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-49-57

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

O. Tishchenko. INTERTEXTUAL CONNECTIONS IN V. PETSUKH'S BOOK «PLAGIARISM» // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. № 1. P. 49–57.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-49-57

УДК 81

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-58-66

СТРУКТУРА ТРЁХКОМПОНЕНТНЫХ АТТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ДЕЛОВОЙ И КНИЖНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVII ВЕКА

Улитова А.С.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Аннотация: В современном русском литературном языке два определения стоят перед определяемым. В разговорной речи атрибуты чаще всего окружают определяемое. В древнерусском языке порядок слов мог быть различным. Данная статья выявляет в текстах XVII века специфику порядка слов в трёхкомпонентных словосочетаниях. Автором определены диалектные различия и различия, зависевшие от регистра текста: рамочные конструкции (обрамление определяемого атрибутами) были более характерны для книжных текстов, чем для деловых.

Ключевые слова: древнерусский язык, порядок слов, многокомпонентные атрибутивные словосочетания.

THE STRUCTURE OF THREE-COMPONENT ATTRIBUTIVE PHRASES IN THE BUSINESS AND BOOK TEXTS OF THE 17TH CENTURY

A. Ulitova

Lomonosov Moscow State University

Leninskie Gory, 1, Moscow, Russia, 119991

Abstract. In the modern Russian literary languages two attributes precede a noun. But in colloquial speech attributes surround a noun. In the old Russian language word order could vary. We've analysed complex attributive phrases in the 17th century's texts, and found out that there were some dialectal and style differences in the word order: the frame constructions are more wide-spread in the book texts, than in the business ones.

Keywords: Old Russian language, word order, complex attributive phrases.

Известно, что порядок слов в древнерусском языке отличался от современного ([13], [17], [2]).

Существенные изменения произошли и в атрибутивных словосочетаниях: в древнерусском языке одиночное согласованное определение, вероятнее всего, свободно располагалось и в препозиции, и в постпозиции относительно определяемого [17, с. 62]¹. В современном русском языке определение находится перед

© Улитова А.С., 2016.

¹ Хотя есть работы, в которых высказывается мнение об исконной препозиции [6] или исконной постпозиции [9] согласованного определения в древнерусском языке.

определяемым словом [15, § 2152]. Постпозиция связана с поэтической окраской [5]. О порядке слов в многокомпонентных атрибутивных словосочетаниях пока сказано немного [11], [12], [3]. В настоящее время все атрибуты обычно стоят перед определяемым и располагаются по следующему принципу: определения, связанные более тесной смысловой связью с определяемым существительным, стоят ближе всего к определяемому [7, с. 349]. Так называемые рамочные конструкции (когда определения обрамляют определяемое) редко встречаются в литературном языке и считаются книжными [1, с. 44], но для разговорной речи именно рамочные конструкции являются наиболее привычными [10, с. 228].

В разных произведениях древнерусской письменности два определения вели себя по-разному. В новгородских берестяных грамотах они чаще всего обрамляли определяемое [18, с. 550-552]. В Новгородской I летописи встретились различные варианты: и препозиция двух определений, и постпозиция, и рамочные конструкции [3, с. 193]. В «Слове о полку Игореве» оба определения чаще всего препозитивны [12, с. 286]. Более поздние памятники ещё не исследованы. В данной статье будет рассмотрен порядок слов в многокомпонентных атрибутивных словосочетаниях в текстах делового и книжного содержания XVII в. Сначала приводится материал деловых текстов, а затем – книжных.

К анализу были привлечены тексты делового содержания псковского и смоленского происхождения. Псковские челобитные исследованы по рукописям РГАДА, фонд 1209, опись №

1253, ст. № 23349 1626 г., № 23350 1627 г., № 23351 1628 г., № 23351а 1632 г., № 23352 1626 г. Смоленские тексты изучены по изданию [14]. Книжные тексты представлены оригинальными историческими повестями начала XVII в.: анонимным «Иным сказанием» и «Сказанием» Авраамия Палицына (тексты изданы в книге [16]).

Тексты делового содержания

Преобладающим в текстах делового содержания является словорасположение, аналогичное современному (препозиция обоих определений).

Рамочные конструкции стоят на втором месте по распространённости в псковских текстах, и на третьем месте – в смоленских:

	Пск.	Смол.
Препоз. 2-х определений	117 примеров	75 примеров
Рамочные конструкции	21 пример	12 примеров
Постпоз. 2-х опред.	4 примера	13 примеров

Группа прилагательного, существительного и местоименного определения

Среди трёхкомпонентных словосочетаний наиболее частотны словосочетания с прилагательным, местоимением и определяемым. Они могут располагаться шестью способами, но в текстах встретились только пять из них:

1. Препозиция двух определений

Местоимение – прилагательное – существительное

Псковские тексты: *мое прожито^{ше}ное поместьицо* № 23352, л. 203, *моево старово помъстеица* № 23352, л. 36, *по*

ее ло^жному челобит^ню № 23350, л. 101 и т. д. – 52 примера.

Смоленские тексты: *тѣхъ бѣльскихъ воров* № 48, *ихъ обыскѣные речи* № 36, *в ихъ вопчеи двор* № 76 и т. д. – 45 примеров.

Прилагательное – местоимение – существительное

Псковские тексты: *по пре^жнему своему отдѣлу* № 23350, л. 206, *о про^пи^сан^ное^м помѣстѣ^нце* № 23352, л. 79, *ко старои моеи дачи* № 23350, л. 71 и т. д. – 21 пример.

Смоленские тексты: *су^дное то дѣло* № 101, *краденыхъ своихъ дров* № 101, *для государевыхъ всякихъ дел* № 26 и т. д. – 5 примеров.

II. Рамочные конструкции

Местоимение – существительное – прилагательное

Псковские тексты: *с то^у (жа) зе^мли Шляхо^вско^у* № 23351а, л. 12, *та ни^вка Спсская* № 23349, л. 123, *то помѣстѣ^нце Матвѣ^вское* № 23349, л. 196 и т. д. – 8 примеров.

Смоленские тексты: *всякихъ людей подымныхъ* № 14, *всякия запасы хлебные* № 76 – 2 примера.

Прилагательное – существительное – местоимение

Псковские тексты: нет примеров.

Смоленские тексты: *Сщюче^нская (гсдрь) воло^сть вся* № 39, *великого государя нашего* № 23 и т. д. – 2 примера.

III. Постпозиция двух определений

Существительное – местоимение – прилагательное

Псковские тексты: *дяди мое^г ро^дно^г* № 23350, л. 56, № 23351а, л. 12, *о^тца моего дховно^г* № 23352, л. 176, *жена ево бѣ^детна* № 23352, л. 142 – 4 примера.

Смоленские тексты: *животамъ нашимъ побранымъ* № 8; *детей своихъ духовныхъ* № 19 об. – 2 примера.

Существительное – прилагательное – местоимение: примеры не обнаружены.

Таким образом, в текстах псковского и смоленского происхождения возможны почти все варианты словорасположения, при этом указательное местоимение наиболее устойчиво располагается на первом месте:

Псковские тексты: *та наша о^тпи^ска* № 23350, л. 130; *те^м Ивано[в]ски^м* *помѣстѣ^н* № 23350, л. 164; *то^е Климе^нто^вскую во^тчину* № 23349, л. 125 и т. д. – 32 примера.

Смоленские тексты: *на техъ пожженныхъ деревняхъ* № 8, *тѣхъ бѣльскихъ воровъ* № 48, *тѣ (де) дорогобужские мужики* № 59 и т. д. – 26 примеров.

Группа из двух прилагательных и существительного

Прилагательные в текстах обоих регионов чаще всего стоят перед определяемым:

Псковские тексты: *во многи^х замо^ско^вны^х городехъ* № 23349, л. 49, *Иванову ло^жному челобит^ню* № 23350, л. 173 и т. д. – 23 примера.

Смоленские тексты: *дворцоваи Порецкои волости* № 8 (2 раза), *литовские (деи) многие люди* № 64 и т. д. – 22 примера.

Группа из двух местоимений и существительного

В псковских текстах два местоимения в подавляющем большинстве случаев препозитивны определяемому: *по^сле (гсдрь) тово моего челобит^н*

№ 23352, л. 101; *то наше помеѣтѣ* № 23350, л. 130; *на ту мою вотчику* № 23352, л. 131 и т. д. – 31 пример.

В смоленских текстах преобладают примеры с препозицией обоих определений, причём на первом месте стоит указательное местоимение: *в том моем сене* № 101, *тои (жа) своєї кражи* № 101, *к тем своим речем* № 101, *тои своєї тотбы* № 101, *тоє свою тотбу* № 101, *в ту свою шубу* № 101, *в тѣхъ их хоромишкѣх* № 76 – 7 примеров.

Есть и рамочные конструкции, и их больше, чем в псковских текстах: *тех крестьян моих* № 76, *те дрова свои*

№ 101, *вес хлѣб мой* № 101, *всѣх животов наших* № 8 – 4 примера.

Таким образом, в текстах делового содержания порядок слов чаще всего уже схож с тем, который представлен в современном литературном языке (препозиция обоих определений). На втором месте по частотности – рамочные конструкции.

Книжные тексты

Сравнение книжных текстов с деловыми выявило существенные отличия между двумя регистрами.

	Авр. Палицын	Иное сказание	Пск.	Смол.
Препоз. 2-х опред.	41 пример	84 примера	117	75
Рамочн. констр.	32	28	21	12
Постпоз. 2-х опред.	8	4	4	13

Видно, что в текстах делового содержания гораздо меньше примеров с рамочными конструкциями, чем в книжных текстах (причём в смоленских текстах их существенно меньше). Заметим также, что «Сказание» Авраамия Палицына отличается от «Иного сказания»: порядок слов, соответствующий современному, в нём встречается намного реже (лишь 50% случаев против 72%).

«Сказание» Авраамия Палицына

Почти во всех типах атрибутивных словосочетаний случаях рамочные конструкции в «Сказании» Авр. Палицына являются более распространёнными, чем препозиция двух определений (или настолько же частотными).

Группа прилагательного, местоименного определения и существительного

I. Препозиция двух определений

Местоимение – прилагательное – существительное: *по его же злому умыслу* с. 494, *на ея пречистую руку* с. 476, *по ихъ вражью изволенію* с. 491 – 3 примера.

Прилагательное – местоимение – существительное: *праведное свое наказаніе* с. 473, *отъ царскихъ его сокровищъ* с. 484 – 2 примера.

II. Рамочные конструкции

Прилагательное – существительное – местоимение: *единокровныхъ братій своихъ* с. 506, *сродному естеству своему* с. 503, *скорой смертію его* с. 492 – 3 примера.

Местоимение – существительное – прилагательное: *въ ихъ въру еретическую* с. 509 – 1 пример.

III. Постпозиция двух определений

Существительное – прилагательное – местоимение: *Отець святыхъ нашихъ* с. 488, *къ строению безумному нашему* с. 488 – 2 примера.

Существительное – местоимение – прилагательное: *совѣтомъ его злымъ* с. 493, *солнышку нашему праведному* с. 496 – 2 примера.

Группа из двух прилагательных и существительного

Два прилагательных в «Сказании» Авраамия Палицына либо стоят в препозиции к определяемому, либо обрывают его. Обнаружен только один пример с постпозицией двух определений.

Препозиция двух определений: *святая мѣстныя иконы* с. 516, *древняя царьская сокровища* с. 480 и т. д. – 10 примеров.

Рамочные конструкции: *на прочая жилища Татарская* с. 497, *вѣчныя холопи Московскія* с. 491, *къ вечнымъ врагомъ христіанскимъ* с. 491, *многая кровь еретическая* с. 498, *проклятый папа Римский* с. 495 и т. д. – 11 примеров. Обратим внимание на то, что в постпозитивном положении находятся относительные прилагательные с суффиксом *-ьск*.

Постпозиция: *во грады бо прежереченныя украйныя* с. 484 – 1 пример.

Группа из двух местоимений и существительного

Встретился всего один пример с двумя местоименными определениями (обрывающими определяемое): *со всею зѣ братиею его* с. 478.

Иное сказание

В «Ином сказании» наблюдается преобладание препозиции двух определений, отмеченное нами и в деловых текстах. Однако притяжательное местоимение намного чаще, чем в псковских и смоленских текстах, ставится ближе к определяемому: *о бестудномъ своемъ законопреступлении* с. 52, *върному своему приятелю* с. 3 и т. д. – 30 примеров.

Группа прилагательного, существительного и местоименного определения

Притяжательные местоимения

I. Препозиция двух определений

Местоимение – прилагательное – существительное: *его злomu обычаю* с. 63 и т. д. – 23 примера.

Прилагательное – местоимение – существительное: *на злоскверный его трупъ* с. 59, *върному своему слугъ* с. 60, *новыхъ своихъ страстотерпцевъ* с. 16, *прецедною своею десницею* с. 28, 47 и т. д. – 30 примеров.

II. Рамочные конструкции

Прилагательное – существительное – местоимение: *по неизреченнымъ судьбамъ своимъ* с. 47, *лукавая уста своя* с. 5, *немилосердымъ серпомъ своимъ* с. 51, *злхитренными волшества своими* с. 32 и т. д. – 16 примеров.

Местоимение – существительное – прилагательное: *со своимъ полкомъ избраннымъ* с. 33 – 1 пример.

III. Постпозиция двух определений

Существительное – прилагательное – местоимение: *воеводъ крѣпкихъ своихъ* с. 41 – 1 пример.

Существительное – местоимение – прилагательное: *благости Его прещедрая* с. 10 – 1 пример.

Группа из двух прилагательных и существительного

Два прилагательных в «Ином сказании», как правило, стояли перед определяемым: *отъ истинныя сердечныя любви* с. 12, *многимъ различнымъ мукамъ* с. 54 и т. д. – 25 примеров.

Рамочная конструкция использовалась реже, в основном при прилагательных с суффиксом *-ьск* (10 примеров): *на досталную силу Московскую* с. 41, *прочая утвари царскія* с. 50 и т. д.

Встретился лишь один пример с постпозицией обоих прилагательных: *корень богоизбранный царскій* с. 6.

Группа из двух местоимений и существительного

В «Ином сказании» препозиция двух определений и рамочные конструкции одинаково распространены:

Определительное / указательное местоимение – притяжательное местоимение – существительное: *вся свое обѣщаніе* с. 6, *со всеми своими пол-*

ки с. 41, *все свое имѣніе* с. 56, *за сія ихъ глаголы* с. 38 и т. д. – 7 примеров.

Определительное местоимение – существительное – притяжательное местоимение: *всѣхъ святыхъ Его* с. 33, *вся щиты своя* с. 29, *все войско его* с. 13, *на весь родъ ихъ* с. 47, *сему страстотерпцу своему* с. 62 – 5 примеров.

Существительное – определительное местоимение – притяжательное местоимение: *казна вся моя* с. 35 – 1 пример.

Таким образом, в деловых текстах XVII в. уже преобладал порядок слов, характерный для современного языка (препозиция двух определений). Рамочные конструкции наиболее распространёнными были в «Сказании» Авраамия Палицына. В «Ином сказании» большинство определений стояло в препозиции, но рамочных конструкций было всё же заметно больше, чем в деловых текстах.

В начале XVIII в. рамочные конструкции часто встречались в книжных текстах и имели «высокую» окраску [5, с. 172]. Можно думать, что и в XVII в. они были признаком книжного языка.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Прага: Academia, 1966. 96 с.
2. Борковский В.И. Синтаксис древнерусских грамот. (Простое предложение). Львов: Издание Львовского государственного университета, 1949. 395 с.
3. Евстифеева Р.А. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях Новгородской I летописи // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2. С. 161–202.
4. Ковтунова И.И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII – I трети XIX в. Пути становления современной нормы. М.: Наука, 1969. 231 с.
5. Ковтунова. И.И. Порядок слов в современном русском языке и формирование норм словорасположения в XVIII – XIX вв.: автореф. дис. ... д. филол. наук. М., 1973. 51 с.
6. Коробчинская Л.А. Функции порядка слов в древнерусском языке // Вопросы языкознания. Львов: Издательство Львовского университета, 1955. Кн. 1. С. 73–84.
7. Кручинина И.Н. Определение // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 349.

8. Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка. М.: Либроком, 2012. 176 с.
9. Лаптева О.А. Расположение древнерусского одиночного прилагательного // Славянское языкознание. М., 1959. С. 98–112.
10. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М.: URSS, 2007. 397 с.
11. Минлос Ф.Р. Позиция атрибута внутри именной группы в языке Псковской летописи // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2. С. 203–217.
12. Минлос Ф.Р. Что притягивает притяжательные местоимения? Или линейная позиция атрибутов // Вопросы русского языкознания, XIII, Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее и будущее: к 50-летию научной деятельности С.К. Пожарицкой. М.: Издательство МГУ, 2010. С. 279–290.
13. Обнорский С.П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1946. 168 с.
14. Памятники обороны Смоленска 1609-11 гг. Под редакцией и предисловием Ю.В. Готье. М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1912. 282 с.
15. Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой [Электронный ресурс]. URL: <http://rusgram.narod.ru/> (дата обращения 24.01.2016).
16. Русская историческая библиотека. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Т. 13. СПб., 1891.
17. Санников В.З. Согласованное определение // Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения. М.: Наука, 1968. С. 47–95.
18. Worth. D. Animacy and adjective order: the case of новгородскѣ. An explanatory microanalysis // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1985. XXXI-XXXII. pp. 533–554.

REFERENCES:

1. Adamets P. Poryadok slov v sovremennom russkom yazyke [The order of the words in modern Russian language]. Prague, Academia, 1966. 96 p.
2. Borkovskii V.I. Sintaksis drevnerusskikh gramot. (Prostoe predlozhenie) [The syntax of old Russian charters. (Simple sentence)]. Lviv, Izdanie L'vovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1949. 395 p.
3. Evstifeeva R.A. Poryadok slov v atributivnykh slovosochetaniyakh Novgorodskoi I letopisi [The word order in attributive phrases of the Novgorod first chronicle] // Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii. 2008. no. 2. pp. 161–202.
4. Kovtunova I.I. Poryadok slov v russkom literaturnom yazyke XVIII – I tretii XIX v. Puti stanovleniya sovremennoi normy. [The word order in the Russian literary language in XVIIIth – Ist third of the XIXth century. Ways of the modern norm formation]. М., Nauka, 1969. 231 p.
5. Kovtunova. I.I. Poryadok slov v sovremennom russkom yazyke i formirovanie norm slovoraspolzheniya v XVIII–XIX v.v.: avtoref. dis... d. filol. nauk. [The order of the words in the modern Russian language and the formation of norms of loversparadise in the XVIII–XIX century: abstract of PhD thesis in Philology Sciences.]. М, 1973. 51 p.
6. Korobchinskaya L.A. Funktsii poryadka slov v drevnerusskom yazyke [The function of word order in old English] // Voprosy yazykoznaneya [Questions of linguistics]. KN. 1. Lviv, Izdatel'stvo L'vovskogo universiteta, 1955. pp. 73–84.
7. Kruchinina I.N. Opredelenie [Definition] Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'. Yazykoznanie [Great encyclopedic dictionary. Linguistics]. М., Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya, 1998. pp. 349.

8. Krylova O.A. Kommunikativnyi sintaksis russkogo yazyka [A communicative syntax of the Russian language]. M., Librokom, 2012. 176 p.
9. Lapteva O.A. Raspolozhenie drevnerusskogo odinochnogo prilagatel'nogo [The location of ancient single adjective] Slavianskoe yazykoznanie [Slavic linguistics]. M., 1959. pp. 98–112.
10. Lapteva O.A. Russkii razgovornyi sintaksis [Colloquial Russian syntax]. M., URSS, 2007. 397 p.
11. Minlos F.R. Pozitsiya atributa vnutri imennoi gruppy v yazyke Pskovskoi letopisi [The position of the attribute within a named group in the language of the chronicle] // Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii. 2008. no. 2. pp. 203–217.
12. Minlos F.R. Chto prityagivaet prityazhatel'nye mestoimeniya? Ili lineinaya pozitsiya atributov [What possess the possessive pronouns? Or attributes line position] // Voprosy russkogo yazykoznanija, XIII, Fonetika i grammatika: nastoyashchee, proshedshee i budushchee: k 50-letiyu nauchnoi deyatel'nosti S.K. Pozharitskoi [Issues of Russian linguistics, XIII, Phonetics and grammar: present, past and future: the 50th anniversary of scientific activity of S.K. Pozharitskoi.]. M., Izdatel'stvo MGU, 2010. pp. 279–290.
13. Obnorskii S.P. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka starshego perioda [Essays on the history of the Russian literary language of the older period]. M.-L., Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1946. 168 p.
14. Pamyatniki oborony Smolenska 1609–11 gg. Pod redaktsiei i predisloviiem YU.V. Got'e [Monuments of Smolensk, defense of 1609–11, edited and Foreword by Y.V. Gautier]. M., Imperatorskoe obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete, 1912. 282 p.
15. Russkaya grammatika / Pod red. N.YU. SHvedovoi. [Elektronnyi resurs]. [Russian grammar / Ed. by N. Y. Shvedova. [Electronic resource].] URL: <http://rusgram.narod.ru/> (request date 24.01.2016)
16. Russkaya istoricheskaya biblioteka. Pamyatniki drevnei russkoi pis'mennosti, otnosyashchiesya k Smutnomu vremeni. T. 13 [Russian historical library. The monuments of ancient Russian literature related to the time of Troubles. Vol. 13]. SPb., 1891.
17. Sannikov V.Z. Soglasovannoe opredelenie [Agreed definition] Sravnitel'no-istoricheskii sintaksis vostochnoslavjanskikh yazykov. Chleny predlozheniya [Comparative-historical syntax of East Slavic languages. The sentence]. M., Nauka, 1968. pp. 47–95.
18. Worth. D. Animacy and adjective order: the case of новъгородскъ. An explanatory microanalysis // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1985. XXXI-XXXII. pp. 533–554.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Улитова Анастасия Сергеевна, аспирантка 3-его курса филол. ф-та МГУ им. Ломоносова. E-mail: ulitovanastya@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasia Ulitova – postgraduate student at the department of the Russian Language in Lomonosov Moscow State University; e-mail: ulitovanastya@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Улитова А.С. Структура трёхкомпонентных атрибутивных словосочетаний в деловой и книжной письменности XVII века // **Вестник Московского государственного областного университета**. Серия: Русская филология. 2016. № 1. С. 58–66.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-58-66

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Ulitova. THE STRUCTURE OF THREE-COMPONENT ATTRIBUTIVE PHRASES IN THE BUSINESS AND BOOK TEXTS OF THE 17TH CENTURY // // **Bulletin of Moscow State Regional University**. Series: Russian philology. 2016. № 1. P. 58–66.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-58-66

УДК 81'373.43:821.161.1 Солженицын
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-67-75

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА КАК АВТОРА НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В РАМКАХ ТЕОРИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ Ю.Н. КАРАУЛОВА

Цынк С.В.

*Димитровградский инженерно-технологический институт (филиал Национального исследовательского ядерного университета МИФИ)
433511, Ульяновская обл., г. Димитровград, ул. Куйбышева, 294, Российская Федерация*

Аннотация. В статье охарактеризованы уровни организации языковой личности, выявленные Ю.Н. Карауловым (нулевой уровень, первый, второй уровень; их элементы), указаны возможности описания уровней исследователем.

Выявлены подходы в рамках трехуровневой модели Ю.Н. Караулова к рассмотрению качественных признаков языковой личности А.И. Солженицына как автора научно-публицистического текста (исторического очерка «Двести лет вместе») в рамках существенных характеристик – вербально-семантической, когнитивной и прагматической.

В работе сделан вывод о теоретической ценности модели языковой личности Ю.Н. Караулова для анализа языковой личности А.И. Солженицына как автора научно-публицистического текста, дан анализ единиц лексикона – некоторых окказиональных глаголов исторического очерка «Двести лет вместе».

Ключевые слова: модель языковой личности Ю.Н. Караулова, вербально-семантическая характеристика, когнитивная характеристика, прагматическая характеристика, окказионализм, А.И. Солженицын.

STUDY OF THE LINGUISTIC IDENTITY OF ALEXANDER SOLZHENITSYN AS THE AUTHOR OF SCIENTIFIC AND JOURNALISTIC TEXT FROM THE PERSPECTIVE OF THE LINGUISTIC IDENTITY THEORY INTRODUCED BY Y. KARAULOV

S. Tsynk

*Dimitrovgrad Engineering and Technological Institute (the Branch of National Research Nuclear University MEPHI)
Kuibyshev St., 294, Ulyanovsk region, Dimitrovgrad, Russia, 433511*

Abstract. The article describes different levels of organization of the linguistic identity highlighted by Y. Karaulov (zero level, as well as first and second level and their elements). The author reveals the approaches in the framework of 3-level model of Y. Karaulov that allows to study the qualitative characteristics of the linguistic identity of Alexander Solzhenitsyn as the author of scientific and journalistic text (the historical essay “Two Hundred Years Together”), taking

© Цынк С.В., 2016.

into account such essential characteristics as verbal-semantic, cognitive and pragmatic ones. Furthermore, the article highlights the theoretical value of the linguistic identity model of Y. Karaulov for the analysis of the linguistic identity of Alexander Solzhenitsyn as the author of scientific and journalistic text. The paper analyzes the units of vocabulary – some occasional verbs in the historical essay «Two Hundred Years Together».

Keywords: linguistic identity model of Y. Karaulov, verbal-semantic characteristics, cognitive characteristics, pragmatic characteristics, occasionalism, A. Solzhenitsyn.

А.И. Солженицын – крупнейший художник слова XX-XXI веков, автор многочисленных художественных, публицистических, научно-публицистических текстов. Е.Н. Богатырева справедливо полагает, что «жанровое многообразие творчества А.И. Солженицына по глубине содержания представляет собой единое целое – философию бытия России» [3, с. 13]. Творчество А.И. Солженицына способствовало сохранению и трансляции лучших традиций русской философской мысли, сосредоточенной на самых сложных вопросах русской культуры и истории. Ключевые идеи творца продолжают формировать общественное сознание уже в XXI веке.

Существует мнение, что А.И. Солженицына изучать трудно, так как «это фигура XX века, которая предстаёт вне контекста равновеликих и равновесных явлений» [5, с. 5]. Задача описания языковой личности А.И. Солженицына как автора научно-публицистического текста – исторического очерка «Двести лет вместе» – представляется трудной, но актуальной.

Языковую личность автора научно-публицистического текста можно рассмотреть в структуре и терминах модели, предложенной Ю.Н. Карауловым для языковой личности вообще [3].

В структуре языковой личности Ю.Н. Караулов выделяет три уровня организации. Охарактеризуем их подробнее.

1. Нулевой уровень (семантико-строевой, инвариантный, структурно-языковой, ассоциативно-семантический, вербально-грамматический), то есть лексикон и грамматикон, складывается из всего запаса слов и словосочетаний, которыми человек пользуется в естественной вербальной коммуникации. Элементами данного уровня являются слова, грамматические, парадигматические, ассоциативные, семантико-синтаксические структуры, модели словосочетаний и предложений.

Уровень предполагает для исследователя традиционное описание формальных средств выражения определённых значений. По замечанию Ю.Н. Караулова, лексикон можно строить по итогам анализа некоторой совокупности произведённых личностью текстов, т. е. на основе её дискурса [3, с. 113]. Это даёт возможность исследователю восстановить состав лексикона, получить сведения о его устройстве, конкретной структуре. Индивидуальность нулевого уровня определяется нарушением нормативных правил в области лексики, словообразования, грамматики.

2. Первый (логико-когнитивный, когнитивный) уровень характеризует свойственную языковой личности картину мира и воплощается в её тезаурусе. Когнитивный уровень определяется как важная составляющая

мышления, а мышление представляет собой высшую форму творческой активности человека как языковой личности. Этот уровень представлен тезаурусом личности, в котором запечатлён образ мира и система знаний о мире, культура. Одной из единиц когнитивного уровня является метафора. Собственно языковая личность начинается именно с этого уровня, так как именно на этом уровне оказывается возможным индивидуальный выбор, личностное предпочтение. Этот уровень устройства языковой личности и её анализа предполагает переход к знаниям, а значит, охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык – к знанию, сознанию, процессам познания человека.

3. Второй уровень (мотивационно-прагматический, мотивационный, уровень деятельностно-коммуникативных потребностей) – прагматикон личности, то есть система целей, мотивов, интересов, установок и интенциональностей. Уровень определяется целями и задачами коммуникации – намерением говорящего, его интересами, мотивами и конкретными коммуникативными установками. Именно мотивированность говорящего, которая, по определению Ю.Н. Караулова, является коммуникативно-деятельностной потребностью, служит наиболее существенным фактором, обуславливающим индивидуальные особенности [9, с. 160]. Эти особенности определяются не только уровнем знания логических рассуждений индивида, но в значительной степени и его эмоциями, и ситуативными факторами общения. Многоплановость этих факторов и отсутствие достаточно

устойчивых формальных коррелятов в речи говорящего затрудняют исследование прагматического уровня – важнейшего уровня структуры языковой личности.

В состав второго уровня входят: пресуппозиция, дейксис, элементы метаязыковой рефлексии, разного рода оценки и предпочтения, прецедентные тексты, способы аргументации и программы поведения [10]. В результате анализа проявлений этого уровня происходит выявление и характеристика целей, определяющих поведение, развитие личности, и определяется индивидуальная иерархия ценностей языковой модели мира.

Модель языковой личности Ю.Н. Караулова активно и успешно применяется в целях описания конкретного носителя языка. Например, исследование Л.А. Каракуц-Бородиной посвящено реконструкции языковой личности В. Набокова [8]; работа Д.В. Аникина описывает языковую личность автора «Повести временных лет» [1]. Стали предметом самостоятельного рассмотрения лингвокогнитивный уровень языковой личности [см., например: 7; 11], прагматический уровень [см., например: 2; 4]. Новейшее достижение теории языковой личности – объединение в единый комплекс таких разнородных феноменов, как «носитель языка», «говорящий», «языковое сознание», «менталитет», «картина мира». Так, Т.Б. Радбиль с опорой на концепцию Ю.Н. Караулова выделяет страты, или уровни языкового менталитета: вербально-семантический, лингвокогнитивный («знание о мире»), аксиологический («система ценностей»), мотивационно-прагматический [12].

Трехуровневая модель Ю.Н. Караулова позволяет рассматривать разнообразные качественные признаки языковой личности автора научно-публицистического текста в рамках трёх существенных характеристик: вербально-семантической (собственно языковой), когнитивной (познавательной) и прагматической.

Вербально-семантическая характеристика даётся как анализ идиостиля публициста. Особенностью идиостиля А.И. Солженицына является отклонение от литературных норм (словообразовательных, лексических, грамматических). Изучение некодифицированной лексики (диалектизм, архаизм, окказионализм) позволяет раскрыть индивидуально-творческие потенции языковой личности, описать особенности авторского лексикона. Представим анализ некоторых окказиональных глаголов из произведения А.И. Солженицына «Двести лет вместе» как единиц лексикона историка. Данный анализ включает компоненты:

1. Поиск узуальной мотивирующей основы (или мотивирующих основ).

2. Выявление и семантическая характеристика деривационного средства (или деривационных средств).

3. Определение способа словообразования, продуктом которого является окказионализм.

4. Построение деривационной модели, по которой создан окказионализм.

5. Характеристика контекста, в котором создан окказионализм.

6. Определение причин, побуждающих автора к созданию новообразования.

7. Формулирование значения окказионализма.

8. Характеристика функциональной значимости окказионализма в тексте произведения.

Окказионализмы первой степени – это стандартные, потенциальные образования, созданные в полном соответствии с деривационными нормами современного русского литературного языка. Автор использует в историческом очерке 8 глаголов – окказионализмов первой степени: *жесточеть*, *олениветь*, *перебедствовать*, *переобмыслить*, *приуспокоить*, *сознакомиться*, *самозащищаться*, *самоподгоняться*.

Окказионализмы как некодифицированные явления неправильны на уровне языка, но эти же элементы на уровне текста – явление вполне нормальное. Так, вполне закономерно в тексте исторического очерка употребление писателем глагола *жесточеть*, точно и кратко называющего действие: *...и пьяный буйный погром жесточел* [14, с. 324].

Анализируемое слово с суффиксом *-е-*, мотивированное прилагательным (*жестокий*), имеет значение ‘приобретать признак, названный мотивирующим прилагательным’ [13, с. 346]. Этот тип продуктивен, особенно в разговорной и художественной речи.

Также по продуктивному типу построен авторский глагол *олениветь*: «основа глагола *лениветь* + префикс *о*» [13, с. 363]. Слово имеет значение – ‘совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом’. Окказионализм *олениветь* новый только по форме, его содержание можно выразить описательно: ‘стать ленивым’:

И без них – ещё и сам старея – большевицкий фанатизм не только поте-

рял в горячности, но даже и перестал быть фанатизмом, он по-русски **оленивел**, **обрежневел** [15, с. 44].

Префиксальные глаголы *перебедствовать* и *переобмыслить* образованы с помощью префикса *пере-* от слов *бедствовать* и *обмыслить* [6, с. 604]. Окказионализм *перебедствовать* имеет значение 'распространить действие, названное мотивирующим глаголом на определённый, необходимый промежуток времени', т. е. 'бедствуя, провести определённое, необходимое время'. *Переобмыслить* означает 'повторно, заново, иначе совершить действие, названное мотивирующим глаголом 'обмыслить' [13, с. 365].

Употребляя новообразования *перебедствовать* и *переобмыслить* в тексте, А.И. Солженицын подчёркивает своё отношение к предмету речи, даёт ему собственную характеристику, оценку:

1. Однако, пишет Никитин, в той же самой степени, в те же самые годы, ту же самую целину, и под той же саранчой, осваивали и немецкие колонисты, и менониты, и болгары, – **перебедствовали** те же неурожайные годы, и те же болезни, – но всегда были и с хлебом, и со скотом, жили в прекрасных домах, со многими хозяйственными постройками, обильными огородами, и дома в зелени [14, с.7].

2. Однако я большое внимание придаю публикациям современных культурных российских евреев, проживших десятилетия в СССР, затем переехавших в Израиль и, таким образом, имевших случай **переобмыслить** на своём опыте многие еврейские проблемы [14, с. 9].

Глагол *приуспокоить* не требует определённого неизменного контекст-

ного окружения, понятен вне сочетаемости с другими словами, так как построен по продуктивному типу: глагол *успокоить* + префикс *при-* [13, с. 368]. Окказионализм имеет значение 'действие, названное мотивирующим глаголом, совершить с незначительной интенсивностью, не полностью'. А.И. Солженицын создаёт слово *приуспокоить* в момент речи, предпочитая ему словосочетание, существующее в языковой традиции '*слегка успокоить*': *Картины прошлого обладают способностью удобно переворачиваться в нашем сознании – так, чтобы **приуспокоить** его* [15, с. 280].

Чрезвычайно легко и свободно появляется в речи авторское слово *сознакомиться*. Оно требует не воспроизводящего контекста, а формирующего, созидающего. Ярче раскрывает значение новообразования *сознакомился* его словесное окружение в тексте А.И. Солженицына (хорошо *сознакомился*, тоже *сознакомился*):

1. В своём «Мнении» заимствовал Державин и проект Ноты Хаимовича Ноткина, крупного купца из Шклова, с которым он тоже **сознакомился** [14, с. 49].

2. Голощёкин, сосланный в Тобольскую губернию в 1912 году, на Урале – хорошо **сознакомился** со Свердловым [15, с. 90].

Лексемы *самозащищаться* и *самоподгоняться*, как и все сложные глаголы, относятся к словам с подчинительным отношением основ. Эти окказионализмы с основой местоименного прилагательного '*сам*' в качестве первого компонента имеют значение 'самопроизвольно, самостоятельно совершить действие, названное мотивирующим (опорным) глаголом'.

Опорными компонентами являются глаголы 'защитаться, подгоняться'. Данный словообразовательный тип является продуктивным [13, с. 391].

Новообразования *самозащитаться* и *самоподгоняться* потенциально уже существуют в языке, и нужен лишь внешний стимул, чтобы они были употреблены. Таким стимулом выступает необходимость детально обрисовать обстановку:

1. *Сторонники этой программы понимали, что, следуя ей, – сионистское движение не сможет самозащитаться без помощи сильных союзников* [14, с. 269].

2. *Под слово «фронтовик» кто только не самоподгонялся, и среди писателей и журналистов – более всего* [15, с. 366].

Анализ окказиональных глаголов показывает, что все они образованы стандартными способами словообразования; их функции зависят от авторского замысла. Все новообразования понятны читателю. Окказионализмы создаются автором специально, являются отличительной чертой его лексикона.

Аномальные явления текста – сигналы когнитивных отклонений от общенациональной картины мира. Такой своеобразной аномалией является

авторская метафора. Когнитивную характеристику языковой личности А.И. Солженицына мы даём в одной из своих работ на основе анализа метафор как когнитивных моделей [16].

Придавая большое значение прагматической характеристике, то есть в конечном счёте системе ценностей и норм сознания личности, мы осознаём, что выявление этого компонента в тексте языковой личности представляет собой очень сложную задачу. Полагаем, что реконструкцию прагматического уровня языковой личности можно произвести на основе анализа интенциональностей, определяемых в тексте исторического очерка «Двести лет вместе».

Таким образом, анализируя языковую личность А.И. Солженицына, мы имеем выход на такие её качества, как творчество, самостоятельность, коммуникация, мировоззрение. Углубив и разлив намеченную Ю.Н. Карауловым лишь в общих чертах модель, мы выявляем и рассматриваем в едином комплексе разнопорядковые категории лингвистики, философии, психологии, чем подтверждается теоретическая ценность модели языковой личности Ю.Н. Караулова для анализа языковой личности автора научно-публицистического текста.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аникин Д.В. Исследование языковой личности составителя «Повести временных лет»: дис. ... канд. филол. Наук, Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2004. 205 с.
2. Безмельницына С.С. Языковая личность в аспекте текстовой модальности (на материале англоязычного пародийного текста) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2012. №1. С. 13–18.
3. Богатырева Е.Н. Философия бытия России А.И. Солженицына // А.И. Солженицын и русская культура. Вып. 3. Саратов: Наука, 2009. С. 13–19.
4. Гаврилина А.А. Роль и место мотивационного компонента в структуре языковой личности. Ставрополь, 2012. 113 с.
5. Голубков М.М. Александр Солженицын. М.: МГУ, 2002. 112 с.

6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.2. М.: ТЕРРА, 1994. 780 с.
7. Декатова К.И. Исследование лингвокогнитивного уровня языковой личности на материале фразеологических единиц // Социальные варианты языка – III: Материалы международной научной конференции. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет, 2004. С. 367–369.
8. Каракуц-Бородина Л.А. Языковая личность В. Набокова как автора художественного текста: лексический аспект (на материале русскоязычной прозы): автореф. Дис. ... канд. филол. Наук. Уфа, 2000. 23 с.
9. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 168 с.
10. Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л. Опыт типологизации авторских словарей // Русская авторская лексикография XIX–XX веков. М.: Азбуковник, 2003. С. 4–16.
11. Мадалиева Е.В. Лингвокогнитивный уровень языковой личности в дискурсе политической исповеди // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. Вып. 2. С. 150–154.
12. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. М.: Флинта, Наука, 2012. 328 с.
13. Русская грамматика. М.: Наука, 1982. Т. 1. 783 с.
14. Солженицын А.И. Двести лет вместе. М.: Русский путь, 2001. Т. 1. 512 с.
15. Солженицын А.И. Двести лет вместе. М.: Русский путь, 2002. Т. 2. 552 с.
16. Цынк С.В. Реализация метафорических моделей в историческом дискурсе (на примере исторического очерка А.И. Солженицына «Двести лет вместе») // Исследования по истории и теории языка. Самара: Изд-во СГПУ, 2007. С. 118–125.

REFERENCES:

1. Anikin D.V. Issledovanie yazykovoi lichnosti sostavitelya «Povesti vremennykh let»: dis. ... kand. filol. nauk [The study of language personality of the author of the «Tale of bygone years». PhD thesis in Philology Sciences]. Barnaul, Altaiskii gos. un-t, 2004. 205 p.
2. Bezmel'nitsyna S.S. Yazykovaya lichnost' v aspekte tekstovoi modal'nosti (na materiale angloyazychnogo parodiinogo teksta) [Linguistic personality in the aspect of textual modality (in English parody lyrics)] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2012. no. 1. pp. 13–18.
3. Bogatyreva E.N. Filosofiya bytiya Rossii A.I. Solzhenitsyna [The philosophy of being Russia] // A.I. Solzhenitsyn i russkaya kul'tura. Vyp. 3 [A. I. Solzhenitsyn and Russian culture. Vol. 3]. Saratov, Nauka, 2009. pp. 13–19.
4. Gavrilina A.A. Rol' I mesto motivatsionnogo komponenta v strukture yazykovoi lichnosti [The place and role of motivational component in the structure of linguistic personality]. Stavropol, 2012. 113 p.
5. Golubkov M.M. Aleksandr Solzhenitsyn [Alexander Solzhenitsyn]. M., MGU, 2002. 112 p.
6. Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T.2 [Explanatory dictionary of the living great Russian language. Vol. 2]. M., TERRA, 1994. 780 p.
7. Dekatova K.I. Issledovanie lingvokognitivnogo urovnya yazykovoi lichnosti na materiale frazeologicheskikh edinit [A study of linguistic and cognitive level of linguistic personality on the material of phraseological units] // Sotsial'nye varianty yazyka – III: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Social language options – III: proceedings of the international conference]. Nizhny Novgorod, Nizhegorodskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet, 2004. pp. 367–369.
8. Karakuts-Borodina L.A. Yazykovaya lichnost' V. Nabokova kak avtora khudozhestvennogo teksta: leksicheskii aspekt (na materiale russkoyazychnoi prozy): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [Language identity Vladimir Nabokov as the author of a literary text: lexical aspect (on the material of Russian prose): abstract of PhD thesis in Philology Sciences.]. Ufa, 2000. 23 p.

9. Karaulov YU.N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality]. M., Nauka, 1987. 168 p.
10. Karaulov YU.N., Ginzburg E.L. Opyt tipologizatsii avtorskikh slovarei [Experience of classification of author] Russkaya avtorskaya leksikografiya XIX–XX vekov [Russian author lexicography of XIX–XX centuries]. M., Azbukovnik, 2003. pp. 4–16
11. Madalieva E.V. Lingvokognitivnyi uroven' yazykovoi lichnosti v diskurse politicheskoi ispovedi [Linguistic and cognitive level of linguistic personality in the political discourse of confession] // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2011. no. 2. pp. 150–154.
12. Radbil' T.B. Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta [Foundations for the study of linguistic mentality]. M., Flinta, Nauka, 2012. 328 p.
13. Russkaya grammatika. T. 1 [Russian grammar. Vol. 1]. M., Nauka, 1982. 783 p.
14. Solzhenitsyn A.I. Dvesti let vmeste. M.: Russkii put' [Two hundred years together. Moscow: Russian way]. Vol. 1. 512 p.
15. Solzhenitsyn A.I. Dvesti let vmeste [Two hundred years together]. T. 2. M., Russkii put', 2002. 552 p.
16. Tsynk S.V. Realizatsiya metaforicheskikh modelei v istoricheskom diskurse (na primere istoricheskogo ocherka A.I. Solzhenitsyna «Dvesti let vmeste») [The implementation of metaphorical patterns in the historical discourse (on the example of historical essays by A. I. Solzhenitsyn «two Hundred years together»)] // Issledovaniya po istorii i teorii yazyka [Research on the history and theory of language]. Samara, Izd-vo SGPU, 2007. pp. 118–125.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цынк Светлана Владимировна - кандидат филологических наук, доцент кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук Димитровградского инженерно-технологического института (филиала Национального исследовательского ядерного университета МИФИ); e-mail: stsynk@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana Tsynk – candidate of philological sciences, associate professor at the department of Philosophy, Law and Social Sciences and Humanities of Dimitrovgrad Engineering and Technological Institute (the Branch of National Research Nuclear University MEPHI); e-mail: stsynk@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Цынк С.В. Изучение языковой личности А.И. Солженицына как автора научно-публицистического текста в рамках теории языковой личности Ю.Н. Караулова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 1. С. 67–75.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-67-75

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

S. *Tsynk*. STUDY OF THE LINGUISTIC IDENTITY OF ALEXANDER SOLZHENITSYN AS THE AUTHOR OF SCIENTIFIC AND JOURNALISTIC TEXT FROM THE PERSPECTIVE OF THE LINGUISTIC IDENTITY THEORY INTRODUCED BY Y. KARAULOV // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. № 1. P. 67–75.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-67-75

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-76-82

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *ЗЕМЛЯ* В СОЧИНЕНИИ Г. КОТОШИХИНА «О РОССИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА»

Щемелинина И.Н.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, Российская Федерация*

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу концепта *ЗЕМЛЯ* в сочинении Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича». Употребление номинанты – полисеманта *земля* – в определённых ЛСВ в качестве частотных указывает, что в произведении наиболее ярким стал такой пласт содержания концепта, который отразил особенности мировоззрения автора как представителя своего времени, имевшего при написании произведения конкретные задачи бытописателя, историка. Это пространственные представления о земле как территории, которая может принадлежать кому-либо, быть управляемой, хозяйственно используемой, служить предметом купли-продажи, имеет ценность (экономические и политические представления), с одной стороны; с другой стороны – (духовный, культурно-исторический пласт), земля одухотворяется, воспринимается как сакральный объект, считается хранительницей человека, за что ей следует поклониться. Эти представления Г. Котошихина, в том числе остающиеся в имплицитном плане «Сочинения...», можно считать характерными для языковой личности, сложившейся в эпоху царствования Алексея Михайловича, в процессе социализации соприкасавшейся с национальной концептосферой.

Ключевые слова: концепт *ЗЕМЛЯ*, язык Г. Котошихина, языковая личность, концептосфера.

LEXICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT “LAND” IN THE BOOK BY G. KOTOSHIKHIN «ON RUSSIA IN THE REIGN OF ALEXEI MIKHAILOVICH»

I. Shchemelinina

*Moscow State Regional University
Radio St., 10a, Moscow, Russia, 105005*

Abstract. This article is devoted to the analysis of the concept of LAND in the book by G. Kotoshikhin “On Russia in the reign of Alexei Mikhailovich”. The use of the nominee – polysemant earth – in certain lexical-semantic variants as a frequent one indicates that in the book the most striking was such a thick layer of content of the concept, which reflected the peculiarities of the ideology of the author as a representative of his time, who when writing the book had specific tasks of a historian. On one hand, this is a spatial representation of LAND as a territory that may

belong to someone, may be managed, economically used, may serve as a subject of sale and purchase (economic and political views); on the other hand, (spiritual, cultural-historical level) the land is spiritualized, is perceived as a sacred object, is considered the guardian of a person, that one should bow to. These views of G. Kotoshikhin, including those that remain in the implicit plan of the work, can be considered characteristic to the linguistic identity, established during the reign of Alexei Mikhailovich, that came into contact with the national conceptsphere in the process of socialization.

Keywords: concept LAND, G. Kotoshikhin's language, linguistic identity, conceptsphere.

В сочинении Г.К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» вызывает интерес значимость слова *земля*, репрезентирующего концепт *ЗЕМЛЯ* в языковой картине мира правления царя Алексея Михайловича. Концепт *ЗЕМЛЯ* представлен лишь имплицитным отражением в сочинении, транслирующим любовь и преданность к своей имеющей богатую историю земле как территориальному достоянию Российского государства.

«Человека создаёт земля. Без неё он ничто. Но и землю создаёт человек. От человека зависит её сохранность, мир на земле, умножение её богатств» [4, с. 87]. Однако случается, когда «от множества войска земля стонет и гудит, а от многочисленности и шума полчищ столбенеют дикие звери и хищные животные» [цит. по Мавроди-ну В.В., 8, с. 5]. Эта мысль о необходимости защищать от врага (множества войска) свою землю ориентирует на восприятие слова *земля*, которое, как полисемант, является репрезентантом нескольких концептов, в качестве имени концепта патриотического содержания – «земля – родина». Данный аспект был важным в различные эпохи, хотя ядерное значение восходит к пространственному представлению о земле, месте обитания.

Земля для сознания древнерусского народного язычества так же, как и

для древнеэллинского, представляла «доподлинную мать без каких бы то ни было аллегорических натяжек» [4, с. 99], одну из основных стихий мироздания [13, с. 192]. Видимо, изначальное обожествление земли легло в основу такого концептуального смысла, как 'сакральная, священная, святая', укрепило высокое значение компонента 'ценность', о чём следует сказать далее. В древнерусском дискурсе о язычестве отражено: «и въ землю веруютъ, такоже глаголюще, яко та насъ питаетъ и скоты наши». Однако русским человеком чаще всего земля наша зовётся – «Мать сыра земля». Название земли *матерью* свойственно и святоотеческой письменности, хотя «само по себе оно не содержало языческой мысли о ея божественности» [11].

На наш взгляд, верен вывод о том, что «знание далёкого прошлого Отчизны, многострадального и героического, позволяет глубже понять, увидеть подлинные корни подвижнического, мужественного служения интересам родной земли, интересам своего народа» [7].

Земля осмыслялась и осмыляется как всеобщий, благой источник жизни, мать-кормилица всего живого, в частности человека. «Чистая, святая, рождающая, дающая жизнь людям, земля для славянского земледельца была носителем правды и спра-

ведливости, ей нельзя было солгать, от неё нельзя было ничего скрыть»... [15, с. 507]. Люди боготворили землю, называли её святой, она кормила их, приносила им утешение. «Земля – святая, земля – живая, земля – не только сама живёт, но и даёт жизнь роду человеческому. Земля – чистая, «пречистая». Земля – мать, «мать – сыра земля». ... крестьяне при обращении к ней называли её Богоматерью («Землю Богомажко!»)» [15, с. 507]. «Земля – это главное в природе. Земля рождающая, Земля урожая». Людям казалось, что на земле будет вечная жизнь и такие отношения сохранятся всегда. Однако позднее, в связи с принятием христианства, в религиозных текстах всё более направленно утверждается идея брэнности бытия земного в сравнении с бытием вечным, потому с опорой на тексты Св. писания, евангельские, Псалмы, в русское языковое сознание внедрялась такая концептуальная идея, как «земля – место кратковременного пристанища человека». Так, эту мысль находим у Феофана Затворника: «Каждый человек на земле – пришелец, и эту мысль всякий должен носить в сердце своем; не имею здесь пребывающего града, но грядущего взыску; отечество мое не здесь: тут я случайно, на время, странник» [12, с. 101].

Слово *земля* зарегистрировано в сочинении Г. Котошихина в 32 употреблениях и используется автором в разнообразии лексико-семантических вариантов (ЛСВ), но доминирует ядерный компонент содержания концепта *ЗЕМЛЯ*, на наш взгляд, 'пространство в определённых границах'. Однако с развитием товарно-денежных отношений компонент 'имущество' стал

присущ синтагмам такого типа, как *русская земля*, и оказался зафиксированным в числе первых в толковых словарях словом *земля* в таком значении, как «территория, находящаяся в чьём-л. владении, пользовании; обрабатываемая, используемая в сельскохозяйственных целях почва» [9]. *Земля* Г. Котошихиным понимается прежде всего как 'территория', 'место', в тексте словом представляется имущественная, государственная сторона: *и толко б не они Донские казаки, не укрепилось бы и не были б в подданстве давно за Московским царем Казанское и Астраханское царствы, з городами и з землями, во владетелстве; а ведомо в том Приказе всего Московского государства земля*. Имеется «ряд косвенных данных, которые убедительно доказывают, что наш земледельческий народ глубоко чтить, прямо обоготворял свою кормилицу – землю, почитал ее как бога, называя небо отцом, а землю матерью» [14, с. 262]. Представленный ЛСВ раскрывает в сочинении такой смысл, как 'угодья': *что есть поместья, и вотчины, и земли?* Ибо «Земля – мать не только боговъ, но и людей. А человекъ сынъ земли» [14, с. 263].

Текст сочинения Г. Котошихина демонстрирует наличие употреблений слова *земля* в пространственном значении, ЛСВ, следовательно, актуален. Однако специфика исследуемого сочинения предопределила ориентацию на использование более позднего производного значения слова *земля* как обозначающего территорию, имеющую владельца, и, следовательно, эта территория могла стать предметом купли-продажи, дарения, наследования, завоеваний ради экономической выго-

ды (аннексии), а потому и дифференцируемую по цели использования (см.: *земля пахотная, пашенная, пустая и т. д.*): *сколко под кем лежит земли и сетца хлеба и коситца санных покосов; как 'почва', 'поверхность': а иных, по их челобитью, верстают в казаки и в драгуны, и дают им дворовые места и пашенную землю; как в прошлых давних годех, земля жилиая и пустая роздавана и розверстывана в поместья бояром; как 'поместье': за то его поместье, которое променяет, та вотчина будет поместная земля.*

В феодальной России человек знатного происхождения за службу государю получал землю в так называемое кормление, и все доходы с него шли помещику за вычетом установленных государственных налогов [2], что описывает и Г. Котошихин, представляя особенности жизни при Алексее Михайловиче. Ср.: *И те земли даваны за службы и продаваны в вотчину всяких чинов служивым людям; и кто те земли купил, и ему волно потомуж продати, и заложити, и в приданых за дочерми отдавати; и кому будут даны поместья и вотчины, с четвертей з земли, по указу ж; учинены они в казаки из служилых людей, из рейтар и из салдатов, после прежних служб, и даны им дворы и места и земля пахотная.* Данный ЛСВ отражён через контекст, реализующий семы 'вознаграждение', 'дар', 'поощрение' за службы. Все представленные семы, на наш взгляд, указывают на имплицитное значение «патриотическое отношение к своей имеющей богатую историю земле как территориальному достоянию»: достоянием предков или наградой за честную службу можно гордиться, свою землю (собственность)

надо от других защищать, потому что на этой земле вырастут дети, внуки, она обеспечивает жизнь и служит признаком достатка, различает социальные пласты общества. Представленное значение репрезентирует такой смысл, как 'имущество': *вотчинная земля.* В Древней Руси в гражданском праве использовался термин *вотчина* для обозначения земельного имущества с правами полной частной собственности на него [2].

Смысловая составляющая, представляемая как 'объект хозяйственного использования', вытекающая из предшествующего значения слова *земля*, передана в контексте: *Полки салдатские, старые, издавна устроены житьем на порубежных местех, острогами, в двух местех к границе Свейского государства, Олонец, Сомро, погостами и деревнями, со всем своим житьем и з землюю.* Актуализирован смысл 'принадлежность, собственность'. Данный ЛСВ реализует такие потенциальные смыслы в контексте, как 'доход': *сколко с кого что взяти с торговли и з земли; что ему доведетца от промыслов и от животов, или от земли, дати 20 или 10-е или пятые денги столко и столко; а доходы денежные и иные собирают они сами меж себя, сколко с кого доведетца, смотря по их промыслам, и животам, и по земле.*

ЛСВ слова-имени концепта *ЗЕМЛЯ* «страна, государство, представляющее народ, и занимаемое народом пространство» – высок. [9] в контексте: *собираются денги пленным на окуп, которые бывають в Крыму и в Турецкой земле; а привозят ефимки и серебро, прутовое и тянутое, к Архангелскому городу, из Галанской земли, и из Венеции, и из Любка, и из Амбурка*

представлен через контекст, репрезентирующий сему 'чужая', 'являющаяся собственностью другого государства или страны и не имеющая непосредственного отношения к русской земле'.

Среди иллюстраций, характеризующих данный ЛСВ, который эксплицирует сему 'изобилие', наиболее репрезентативной, на наш взгляд, является: *а в Московском государстве золота и серебра не родится, хотя в Хрониках пишут, что Русская земля на золото и на серебро урожайная*. Не случайно Д.С. Лихачёв заметил, что «вся наша русская земля владеет и хранит ценности, сокровища прошлого» [7].

ЛСВ «верхний, поверхностный слой коры нашей планеты, а также её более глубокие слои; почва, грунт» представляет в ассоциативном плане связанным с семантикой 'иной мир' (иной мир < смерть < могила < земля) [9]: *а будет в Московском государстве построенных каменных городов, кроме монастырей, с 20 городов, или мало болши, а досталные все деланы деревянные, на земляных валах и просто на земле; за чаровство и за убойство отсекают головы, за погубление детей и за иные такие ж злые дела живых закопывают в землю*.

Смысловая составляющая ФЕ *кланяться в землю* и стоящего за ним обычая выражать 'уважение', 'поклонение', 'почтение', 'глубокую благодарность' представлена через контекст *гости женам их кланяются все в землю; господин дому бьет челом гостем и кланяется в землю ж, гости един по единому кланяются женам их в землю ж; поцеловав отишед потомуж кланяются в землю; и тот господин учнет бити челом гостем и кланяется в землю ж; и гости пред питием вина и выпив отдав чар-*

ку назад кланяютца в землю ж; а как приедут и войдут в полату к царю, и кланяются в землю все; и жених кланяется в землю. По мнению Г.Е. Крейдлина, «для людей русской культуры при встрече с несколькими людьми было типично кланяться (поклониться) общим поклоном или отдавать общий поклон. ... Поклоны являются одним из самых древних культурно и социально значимых классов жестов. В настоящее время земные поклоны не утратили своей значимости и популярности и не перестали быть важным социальным и культурным фактом, хотя почти и вышли из бытового употребления, однако широко встречаются в религиозном контексте, поскольку земной поклон выражается разнообразными чувствами: покаянием и смирением, благоговением и трепетом, ликованием и хвалой, благодарением и радостью» [6, с. 109].

Таким образом, при рассмотрении концепта *ЗЕМЛЯ* в сочинении Г. Котошихина нами выявлены базисные ЛСВ реализации представленного концепта, принадлежащие слову *земля*. На наш взгляд, это особенно интересно и важно для лингвоконцептологии, устанавливающей ценностные признаки концептосферы и рассматривающей концептосферу в историческом ключе.

С учётом изложенного, можно констатировать, что в связи с важностью взглядов на землю как ценность, товар, достояние, средство жизни концепт *ЗЕМЛЯ* в лингвокультурологическом аспекте является для русского языкового сознания эпохи Алексея Михайловича национально значимым, поэтому его описание, представленное в данной статье, мы хотели связать общей концепцией любви к русской *ЗЕМЛЕ*.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000. 1536 с.
2. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://infolio.asf.ru/Sprav/Brokgaus/1/1014.html> (дата обращения 25.11.2015).
3. Войлова К.А., Леденёва В.В. История русского литературного языка. М., 2009. 496 с.
4. Комарович В.Л. Труды отдела древнерусской литературы. Т. XVI. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. Л., 1961. С. 84–104.
5. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. 120 с.
6. Крейдлин Г.Е. История кинетики и проблемы описания одного семантического класса жестов // Лингвистика для всех. М., 2008. С. 100–118.
7. Лихачёв Д.С. Электронная библиотека [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/lihachev_dmitriy/zemlya_rodnaya/read/ (дата обращения 28.11.2015).
8. Мавродин В.В. За родную землю. М., 1949. 168 с.
9. Малый академический словарь. [Электронный ресурс]. URL: http://slovarionline.ru/malyiy_akademicheskii_slovar/page/zemlya.18262/ (дата обращения 28.11.2015).
10. Рупосова Л.П. История межславянского языка // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2012. № 1. С. 51–56.
11. Свет во тьме. [Электронный ресурс]. URL: http://arhipovvv.narod.ru/02_Taina_Svet_vo_time.html (дата обращения 26.11.2015).
12. Святитель Феофан Затворник. Псалом Давида 118-й. Толкование беседовательное. М., 2008. 656 с.
13. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. 416 с.
14. Смирновъ С.И. Древне-русскіи духовникъ. Изследование по исторіи церковного быта. М., 1913. 568 с.
15. Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. М., 2003. 624 с.
16. Щемелинина И.Н. Системная организация и поле функционирования единиц делового стиля : монография. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 238 с.

REFERENCES:

1. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [The big explanatory dictionary of Russian language]. SPb., 2000. 1536 p.
2. Brokgauz F.A., Efron I.A. Entsiklopedicheskii slovar' [Elektronnyi resurs]. [Encyclopedic dictionary [Electronic resource].] - URL: <http://infolio.asf.ru/Sprav/Brokgaus/1/1014.html> (request date 25.11.2015)
3. Voilova K.A., Ledeneva V.V. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka [The history of the Russian literary language]. M., 2009. 496 p.
4. Komarovich V.L. Trudy otdela drevnerusskoi literatury. T. XVI. Kul't roda i zemli v knyazheskoi srede XI–XIII vv. [Trudy OTDELA drevnerusskoi literatury. T. XVI. The cult of race and the earth in princely environment XI–XIII.] L., 1961. pp. 84–104.
5. Kotoshikhin G.K. O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhailovicha [About Russia during the reign of Alexei Mikhailovich]. M., 2000. 120 p.
6. Kreidlin G.E. Istoriya kinetiki i problemy opisaniya odnogo semanticheskogo klassa zhestov [The history of kinetics and the problem of description of the same semantic class of gestures] Lingvistika dlya vsekh [Linguistics for everyone]. M., 2008. pp. 100–118.
7. Likhachev D.S. Elektronnaya biblioteka [Elektronnyi resurs]. [Electronic library [Electronic resource].] URL: http://modernlib.ru/books/lihachev_dmitriy/zemlya_rodnaya/read/ (request date 28.11.2015)
8. Mavrodin V.V. Za rodnuyu zemlyu [For homeland]. M., 1949. 168 p.

9. *Malyi akademicheskii slovar'*. [Elektronnyi resurs]. [A small academic dictionary. [Electronic resource].] URL: http://slovarionline.ru/malyiy_akademicheskii_slovar/page/zemlya.18262/ (request date 28.11.2015)
10. Ruposova L.P. *Istoriya mezhslavianskogo yazyka* [The history of inter-slavic language] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (Elektronnyi zhurnal)*. 2012. no. 1. pp. 51–56.
11. *Svet vo t'me*. [Elektronnyi resurs]. [Light in the darkness. [Electronic resource].] URL: http://arhipovvv.narod.ru/02_Taina_Svet_vo_time.html (request date 26.11.2015)
12. *Svyatitel' Feofan Zatvornik Psalom Davida 118-i. Tolkovanie besedovatel'noe* [A Psalm of David 118. Talking interpretation]. M., 2008. 656 p.
13. *Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskii slovar'* [Slavic mythology. Encyclopedic dictionary]. M., 1995. 416 p.
14. Smirnov S.I. *Drevne-russkii dukhovnik. Izsledovanie po istorii tserkovnogo byta* [Old-Russian spiritual guide. A study on the history of Church life]. M., 1913. 568 p.
15. Tolstoi N.I. *Ocherki slavyanskogo yazychestva* [Essays on Slavic paganism]. M., 2003. 624 p.
16. Shchemelinina I.N. *Sistemnaya organizatsiya i pole funktsionirovaniya edinit delovogo stilya: monografiya* [The systematic organization and functioning of the field units business style: monograph]. M., IPU MGOU, 2015. 238 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щемелинина Ирина Николаевна - кандидат филологических наук, докторант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: baggi-8@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina Shchemelinina – candidate of philological sciences, doctoral candidate at the department of the Modern Russian Language in Moscow State Regional University; e-mail: baggi-8@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Щемелинина И.Н. Лексическая репрезентация концепта **ЗЕМЛЯ** в сочинении Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2016. № 1. С. 76–82.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-76-82

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

I. Shchemelinina. LEXICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT “**LAND**” IN THE BOOK BY G. KOTOSHIKHIN «ON RUSSIA IN THE REIGN OF ALEXEI MIKHAILOVICH» // *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology*. 2016. № 1. P. 76–82.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-76-82

УДК 811.161.1'04:81'373

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-83-94

ГИПЕРОНИМЫ МИКРОСИСТЕМЫ «НАЗВАНИЯ МЕТАЛЛОВ» В ГОРНОЗАВОДСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НАЧАЛА XVIII ВЕКА

Юдина Т.М.

*Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
163002, г. Архангельск, набережная Северной Двины, д. 17*

Аннотация. В статье в семасиологическом аспекте анализируются общерусские термины – гиперонимы *железо*, *медь* и др. Освещены этимология, семантика, способы номинации, структура, ареалы терминов, их лексикографическая маркированность. Представлены словообразовательные модели, типичные для гиперонимов – названий мелких частиц металлов. Выявлен основной способ номинации: семантическая деривация. На основе гиперо-гипонимических отношений формируются модели многокомпонентных терминов. Сделаны выводы, что в преднациональный период данная микросистема терминов-гиперонимов пополнялась в основном за счёт ресурсов родного языка.

Ключевые слова: деловая письменность, историческая лексикология, семантика, терминология, способы номинации, семантическая деривация, гипероним, гипоним, гиперо-гипонимические отношения терминов.

HYPERONYMS OF THE MICROSYSTEM “NAMES OF METALS” IN MINING INDUSTRY TERMINOLOGY OF THE 18TH CENTURY

T. Yudina

*Lomonosov Northern (Arctic) Federal University
Severnaya Dvina embankment, 17, Arkhangelsk, Russia, 163002*

Abstract. The article deals with general Russian terms – hyperonyms “iron”, “copper”, and others in semasiological aspect. Moreover, the article considers etymology, semantics, methods of nomination, structure and terms range. It also presents the word-building patterns typical for hyperonyms «names of small parts of metals». The article discovers the main method of nomination which is semantic derivation. It studies the problem of forming of the terms hierarchical structure. The article presents the models of the multicomponent terms, reflecting a narrower specialization of the denotation, basing on hypero-hyponymic relations formed in a linear way. It reveals the specific character of the terms hierarchy. The author draws the conclusion that in the pre-national period, the mining industry term system was at the initial stage of its formation and the term microsystem was mainly forming by means of the native language.

Keywords: business writing, historical lexicology, semantics, terminology, methods of nomination, semantic derivation, hyperonym, hyponym, hypero-hyponymic term relations.

За последние десятилетия появилось значительное количество работ, посвящённых исследованию ряда терминологических систем древнерусского, старорусского языков, а также начального этапа формирования русского национального языка. В силу экстралингвистических факторов горнозаводская терминология сформировалась в основном в Петровскую эпоху. «Восемнадцатое столетие – эпоха радикального преобразования русской языковой ситуации, захватывающего все уровни русского языка и все сферы его функционирования» [4, с. 13]. «В данный период происходит становление единых норм национального литературного языка, и эволюция делового языка, обусловленная взаимодействием приказной традиции с книжно-литературными элементами, – это эволюция узуса деловой письменности и его трансформация в функциональный стиль русского литературного языка» [9, с. 5]. Деловой язык – основная сфера формирования и функционирования всех русских терминологий. Такова актуальность исследования языка региональной деловой письменности XVIII в. Назовём труды, посвящённые истории становления горнозаводской производственно-технической терминологии, возникшей на основе общенародного языка (см. кандидатские диссертации Н.А. Щегловой [21], Е.К. Саматовой [11], Е.И. Головановой [2], Т.М. Юдиной [22]). В работах исследователей показаны основные этапы формирования таких лексико-семантических групп (ЛСГ) горнозаводской терминологии, как «Названия лиц по профессии», «Названия производственных процессов», однако ЛСГ «Названия продуктов труда», в том

числе и микросистема «Названия металлов», пока изучены недостаточно полно. Рассмотрим историю и специфику терминов-гиперонимов в ЛСГ «Названия металлов».

В статье на базе материалов деловой письменности Олонецких, Тульских, Уральских горных заводов преднационального периода и данных исторических словарей мы рассмотрели происхождение, семантику и структуру терминов-гиперонимов данной микросистемы, определили признаки и способы их номинации, ареалы отдельных терминов. Внимание сконцентрировано на сущности лексико-семантических изменений бытовых слов в связи с происходящей терминологизацией, а также на особенностях гиперо-гипонимических (родо-видовых) отношений терминов.

В лексической группе «Названия металлов» выделяются наименования железа: *чугун, железо, жечь, сталь, уклад* – и названия меди: *медь*. Данная ЛСГ представляет совокупность терминов и терминосочетаний, основанных на парадигматических, деривационных и гиперо-гипонимических отношениях, отразивших в наименовании технологический процесс изготовления металлов-полуфабрикатов.

Наиболее употребительным среди металлов XVII – XVIII вв. являлось железо во всех своих разновидностях, то есть в виде чугуна, собственно железа, жести, стали и уклада¹.

¹ Как указывает В.Н. Липин, «в зависимости от содержания в железе углерода, обуславливающего его свойства, уже исстари различали железо трёх сортов: чугун, собственно железо и сталь. Под названием чугуна понимали железо, содержащее 2,5 – 4,3% углерода, плавящееся при температуре 1100 – 1300°C, не ковкое, хрупкое, не поддающееся сварке. Под словом

Центральное место в данной группе занимает общеславянская по своему происхождению лексема *железо* [17, т. 2, с. 42; 19, с. 143], которая в значении 'металл' известна с XI века [16, т. 1, с. 850].

В олонечкой письменности слово *железо* «твёрдый ковкий металл серебристого цвета, образующий в соединении с углеродом сталь и чугун» регистрируется с конца XV века: *съ десяти домницъ за желъзо десять гривен* (1499 – 1500) [6, с. 52]; *в выплавке из двух малых сыродутных печек чугуна шестьсотъ пуд и ис которого в выковке железа триста пуд* (1741)¹.

С начала XVIII в. в исследуемых документах частотны заимствованные из тюркских языков слова *чугун* и *жестъ* [17, т. 4, с. 377; т. 2, с. 51; 19, с. 146, 496]. *Чугун* – «выплавленное из руды железо с примесью углерода, более хрупкое и менее ковкое, чем сталь»: *4 домны... из которых выпущаютъ чюгунъ на кованое желъзо* (1703)². *Жестъ* – «тонкое листовое железо, вылуженное оловом» [13, вып. 7, с. 120; 14, т. 1, с. 848]: *вылу-*

железо подразумевали, наоборот, сравнительно мягкий, ковкий, тягучий металл, бедный другими примесями, плавящийся трудно, при температуре 1500°C... Название *сталь* давали промежуточному продукту значительно более твёрдому, чем железо, но ковкому, вязкому и не обладающему хрупкостью чугуна» [8, с. 6]. Добавим также, что укладу издавна свойственно определение «сталь», а *жестъ* представляло собой «тонкое листовое железо, покрытое оловом» [13, вып. 7, с. 120; 15, т. 1, с. 137].

¹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 271. Берг Коллегия. Оп. 1. Ч. 6. Кн. 3215. Книга дел: из Московской конторы Берг-Директориума и канцелярии Петровских заводов о постройке медного водяного завода. 1741. Л. 29.

² РГАДА. Ф. 271. Берг Коллегия. Оп. 1. Табели и ведомости Олонечких заводов. Кн. 634. Л. 1258.

жено ординарною жести 21000 листовъ (1721)³.

В этимологических словарях время заимствования данных терминов не показано. По нашим же данным, наиболее ранняя фиксация лексемы *чугун* наблюдается в тульских документах второй половины XVII в.: *он на Елкинском заводе чюгун гнал на латное железо* (1663-1664) [20, с. 54]; лексема *жестъ* известна в севернорусской письменности с 1582-1584 гг.: *вся церковь жестью накрыта*⁴.

Со второй половины XVII в. в документах Олонечких заводов фиксируется заимствованное из немецкого языка посредством польского слово *сталь* [17, т. 3, с. 744; 19, с. 425] – «твёрдый серебристый металл, соединение железа с определённым количеством углерода» [15, т. 2, с. 244], другими словами, «углеродистое железо особенных свойств» [14, т. 4, с. 455]: *принято 25 пуд стали* (1672) [7, с. 42].

Происхождение термина *сталь* до конца не выяснено. По мнениям Н.М. Шанского, М. Фасмера слово *сталь* из нем. *Stahl* пришло в русский язык в начале XVIII в. По свидетельству И.Г. Денисова и М. Фасмера термин *Stahl* существовал в польском языке уже с XV в., а в русских памятниках указанная лексема отмечена в XVI в. [3, с. 159; 17, т. 3, с. 744; 19, с. 425].

Для обозначения особого рода металла, приготовленного из чугуна или железа и в результате их термомеханической обработки напоминающего сталь, на Руси издавна существовало общеславянское по происхождению

³ Там же. Кн. 559. Л. 55 об.

⁴ Картотека древнерусского словаря (далее КДРС). Кн. Расх. Иверск. м. №53. Л. 115 об. 1669 €1582–1584.

слово *уклад* [17, т. 4, с. 156]. В значении 'сырая сталь' оно частотно в олонечких источниках с начала XVII в.: *да востроге укладу 6 пуд* (1608 – 1609)¹; *болиши молот кованю в нем носъ наварень укладом* (1728)².

По данным Словаря И.И. Срезневского, *уклад* фиксируется в русской письменности с X века в значении «налог, дань». Там же отмечается и второе значение у слова *уклад* – 'сталь, булат', однако дата и иллюстрация к термину отсутствуют [16, т. 3, с. 1178].

Раннее употребление лексемы *уклад* 'сталь' наблюдается в белозёрских, смоленских и казанских памятниках второй половины XVI века³. Эволюция значений термина *уклад* детально исследована И.Г. Денисовым [3, с. 159-166].

В конце XVII – начале XVIII вв. слова *железо*, *чугун*, *жесть*, *сталь*, *уклад* имели общерусский характер.

К названиям металлов относилось и общерусское слово *медь*, оно фиксируется с XI в. [16, т. 2, с. 238]. В олонечких горнозаводских документах термин *медь* 'вязкий и ковкий металл красноватого цвета' [15, т. 1, с. 265; 14, т. 2, с. 709] отмечается с 1672 г., а распространение этот термин получает в XVIII в., см.: *выработано мЪднои руды у ямы Надежды 534 пуда, мЪди выдетъ пятая доля 107 пудъ* (1714) [5, с. 29].

¹ Книги Кольского острогу и Кольского уезду Погосских волостей и Лопских погостов письма и дозору Алая Ив. Михалкова да дьяка Василия Мартемьянова лета 7116 и 117 и 119 г. Писц. кн. Алая Михалкова 1608-1609 гг. [18, с. 410]

² РГАДА. Ф. 271. Берг Коллегия. Оп. 1. Табели и ведомости Олонечких заводов. Кн. 799. Л.234.

³ К-Б м., 1568 – Ник., ОХСII. Л. 33 об. [10, с. 410]; КДРС. РК Б-Д м., 1568 – РИБ, т. 37, стлб. 5; КДРС. Писц. кн. Казани 1565-1568 гг.

Данная лексема точных соответствий в других индоевропейских языках не имеет. В украинском языке употребляется *мідь*; в болгарском *мед*; чешском *медь*; польском – *miedz* [17, т. 2, с. 591; 19, с. 260].

В конце XVIII в. в горнозаводских документах эпизодически встречается слово *металл*. Происхождение термина *металл* до конца не выяснено. По мнению М. Фасмера, слово *металл* пришло в русский язык, «начиная с эпохи Петра I, через нем. Metall или франц. metal из лат. metallum от греч. μέταλλο «копь, жила, шахта» [17, т. 2, с. 609]. В русских памятниках лексема *металл* в терминованном значении 'металл, из руд исходящее, золото, или серебро, медь, олово, железо' отмечена с 1710 г. [12, вып. 9, с.122– 123].

По данным Словаря Н.А. Щегловой, лексема *металл* отмечена в тульских документах с конца XVIII в.: *Химик свидетельствует доброту всех металлов, на сделание казенных орудий заготавливаемых..., все рукоделия, в которых посредством огня сплавливаются или закаливаются металлы, производятся под смотрением химика* (1779) [20, с. 506]. В олонечких документах термин не зафиксирован. Так в преднациональный период термин *металл* в качестве гиперонима для данной микросистемы ещё не функционировал.

Рассмотрим иерархию гиперонимов. Первоначально слово *железо* являлось общеродовым для обозначения видовых понятий, которые обозначались с помощью однословных терминов: *железо* (гипероним) – *чугун*, *жесть*, *сталь*, *уклад* (гипонимы); в свою очередь, *чугун*, *жесть*, *сталь*, *уклад* и *собственно железо* становятся гиперони-

мами, а составные наименования как *мягкий чугун, кричное железо, устюжский уклад* и др. – гипонимами. В деловых документах лексемы *железо, чугун, жесть, сталь, уклад, медь* являлись базой (гиперонимами) образования терминов для обозначения видовых понятий, которые реализовались в форме терминосочетаний. Семантика гиперонимов конкретизировалась с помощью определений, характеризующих разновидность реалии указанием на разные мотивировочные признаки номинации: 1) форму заготовки металла (*полосовое железо*); 2) способ обработки металла (*кованое железо*); 3) место изготовления металла (*сибирское железо*); 4) качество и сорт металла (*белое железо*); 5) применение или назначение металла (*кньюпельное железо*). Большинство терминов представляли двусловные составные наименования (модель <П + С>: *листовое железо*).

В опубликованной статье «Мотивировочные признаки в наименованиях металлов в горнозаводской терминологии преднационального периода» [24] мы уже рассмотрели «специфику номинации терминов ЛСГ, <...> процессы лексической мотивированности, выявили регулярные признаки номинации денотатов, которые распределены на группы: «собственные», «относительные», «комбинаторные» [24, с. 72].

В начале XVIII века в горнозаводской терминологии почти не было заимствований, поэтому для обозначения металлов специализированного назначения на базе родного языка формировались линейные многокомпонентные наименования, выражающие гиперо-гипонимические (родо-видовые) отношения и формирующиеся

на нескольких мотивировочных признаках номинации. Например, термин *медь* входит в состав нескольких гипонимических рядов. На высшем уровне *медь* выступает в роли гиперонима в составе двухкомпонентного составного наименования (*медь красная*). Затем термин *медь красная* становится гиперонимом, гипоним же обозначается при помощи присоединения определения-конкретизатора, указывающего на новый мотивировочный признак (*медь красная дощатая, медь красная битая*). По мере детального уточнения номинации денотата, выстраивается трёхуровневая гипонимическая иерархия (*медь красная дощатая олонская* и др.). «Формирование линейных терминосочетаний базируется на нескольких мотивировочных признаках, совокупность которых помогает детально конкретизировать разновидность реалии» [24, с. 78], «однако не соответствует требованию краткости термина» [23, с. 86]. Активность разноразличных иерархических отношений обычно характерна для начального периода складывания терминологии.

«Многокомпонентные термины образуются путём добавления нового компонента к имеющимся уже терминоточетаниям (двух- или трёхсловным) и обычно соответствуют моделям типа [(С + П) + П], [(С + П + П) + П]. Системность выражается высокой регулярностью и продуктивностью линейных моделей терминов» [23, с. 85], описание которых раскрыто в наших статьях [23; 24].

В горнозаводских документах конца XVII – начала XVIII вв. отдельную микрогруппу гиперонимов составляют «названия металлических остатков, кусков и мелких частиц, полученных

в результате использования или обработки сортового металла-полуфабриката». Гиперонимы микросистемы употребляются в деловых текстах преимущественно в форме множественного числа. В своём исходном бытовом значении все эти слова возникли по модели «глагол + суффикс -к-»: *обломки, обрывки, обрезки, обсечки, обтирки, обточки*.

Семантику данных лексем можно уточнить исходя из значения глаголов *обломить* «отломить, обломить кусок чего-либо» (по данным СлРЯ XI-XVII вв., в русской письменности фиксируется с 1185 г.); *оборвать* «разорвать, оборвать» (с 1675 г.); *обрезать* «отрезав по краям, укоротить, уменьшить в размере» (с 1215 г.); *обсечь* «отсекая, отрубая, удалить что-либо» (с 1613 г.); *обтирать* «трением сглаживать шероховатости, шлифовать» (с 1712 г.); *обточить* «окружить, оградить чем-либо вокруг» (с XVI в.) [12, вып. 12, с. 86, 126, 149, 168, 174], в свою очередь образованных от общеславянских по происхождению глаголов *ломить, рвать, резать, сечь, тереть, точить* [17, т. 2, с. 516; т. 3, с. 452, 461, 593; т. 4, с. 47, 90].

Обломок, мн. *обломки* – «отбитый, отломившийся кусок; часть, остаток обломанного металла»: *принято 21 прут да 2 обломка железа Светцкого (1669) [7, с. 1]. С аналогичной семантикой термин обломок и мн. обломки отмечается в документах Тульских (1690) и Уральских заводов (1734) [20, с. 274; 1, с. 208].*

В памятниках письменности лексема *обломок* известна с XV в. в значении «отбитый отломившийся кусок; оста-

ток чего-либо обломанного» [12, вып. 12, с. 87].

Обрывок, мн. *обрывки* – «оторванный кусок проволоки»: *проволоки обрывковъ принято на бб ру (1714)*¹. Наряду с *обрывок* в олонечких текстах в идентичных значениях более активно терминосочетание *проволочный обрывок*: *проволочных обрывков принято 70 пуд (1717)*². В источниках других металлообрабатывающих промыслов изучаемого периода названное составное наименование не обнаружено.

Первые письменные фиксации слова *обрывок* – «кусок, оторванный от чего-либо» – относятся к середине XVII в. [12, вып. 12, с. 165]. В исторических словарях контексты к лексемам *обломок, обрывок* в нашем терминовом значении не приводятся.

Обрезок, мн. *обрезки* – «остаток от резки металла»: *обрѣсков от досок пуд (1720)*³; *желѣзные обрѣски продаютца оруженным кузнецомъ на дело наконѣчниковъ (1719)*⁴.

Слово *обрезок* – «остаток от резки чего-либо» – известно в русской письменности с XVI в.; в терминовом же значении оно функционировало без территориальных ограничений с середины XVII в., см.: *он работал из обресков на пушечное и латное дело (1664) [20, с. 278], ср.: (1693г.) [12, вып. 12, с. 150].*

Обсечек, мн. *обсечки* – «обрубок; отсеченный, отрубленный кусок металла»: *которые длинные обсѣчки и на*

¹ РГАДА. Ф. 271. Берг Коллегия. Оп. 1. Табели и ведомости Олонечких заводов. Кн. 558. Л. 152.

² Там же. Кн. 634. Л. 1092.

³ Там же. Л. 1280 об.

⁴ Там же. Л. 1216.

аршинные доски не годяца и ис тѣх перетягивать на фузеинные доски (1719)¹. В таком значении слово *обсечки* отмечается в тульской (1742) и уральской (1734) горнозаводской письменности [20, с.280; 1, с. 208, 223, 275]. В исторических словарях данная лексема не зафиксирована.

В олонечких текстах начала XVIII в. эпизодически употребляются термины *обтирки* и *обточки* (только в форме мн. ч.) – ‘металлические опилки, образующиеся при шлифовке (обтирке или обточке) металла’: *Обтирковъ мѣдных и обточковъ ефесных въсомъ пудъ* (1709)². В исследуемый период лексема *обтирки* ‘металлические опилки’ известна лишь в Тульском крае (1748) [20, с. 281], а термин *обточки* в деловой письменности других металлургических центров того периода не обнаружен, в исторических словарях не фиксируется.

В старорусской письменности отмечается лексема *отирки* ‘опилки’: *Смѣшенъ с отирками златыми* (1534) [12, вып. 13, с. 242]. Вероятно, *отирки* и *обтирки* представляли собою варианты, имеющие отчётливо выраженный территориальный характер.

Для обозначения мелких частиц, крупинок металла в олонечких документах начала XVIII в. употреблялись синонимы *крохи* и *крохотья*: *якорных обсечковъ и обломков и обресков и обонных крохъ 16279 пуд* (1717)³; *принято крохотья мѣдных пол четверта*

фунта(1708)⁴. На Тульских заводах с аналогичной семантикой отмечена лексема *крошь* (1721) [20, с. 179].

Общеславянские по своему происхождению слова *кроха* и *крохоть* в значении ‘мелкая частица какого-либо вещества, крупинка’ регистрируются в памятниках письменности с XII в. [17, т. 2, с. 384; 16, т. 1, с.1340; 12, вып. 8, с. 76]. По данным исторических словарей, в терминированном значении ‘кусочек, крупинка металла’ термин *крохоть* отмечен с XII в., а *кроха* – с XVII в. [Там же].

С 1710 года в документах Олонечких заводов активно употребляется термин *сок* – ‘выделяющийся при плавке руды шлак, который обращается в род стекла, скипается; нагар, окалина, шлак’ [15, т. 2, с. 227]: *сок катаютъ 20 члвкъ* (1710)⁵; *сокъ был собран в разные плавки от проб... и оного соку собралос 2 пуда*(1720)⁶. С аналогичной семантикой данное слово отмечается в тульских(1726) и уральских (1734) источниках [20, с. 440, 178; 1, с. 208, 452].

Исходное значение лексем *сок*, в котором она фиксируется в древнерусской письменности с XI в. и в котором восходит к общеславянскому языку – ‘жидкость, содержащаяся в тканях растительных и животных организмов’ [17, т. 3, с. 708; 16, т. 3, с. 460].

Обобщая наблюдения, приходим к выводу, что в исследуемой микрогруппе не было одного слова с общеродовым специализированным значением ‘остатки металла’. Сами термины, каж-

¹ Там же. Кн. 557. Л. 276.

² РГАДА. Ф. 26. Оп.1, ч.2. Д. № 3269. Книга за рукою Петровских заводов казенным анбаром целовальника Павла Пантелеева ... о приходе и расходе материалов.1708– 1709. Л.78 об.

³ РГАДА. Ф. 271. Берг Коллегия. Оп. 1. Кн. 634. Л. 1078 об.

⁴ РГАДА. Ф. 26. Оп.1, ч.2. Д. № 3269. Книга за рукою Петровских заводов казенным анбаром целовальника Павла Пантелеева ... о приходе и расходе материалов.1708– 1709. Л.28.

⁵ РГАДА. Ф. 271. Берг Коллегия. Оп. 1. Кн. 558. Л. 112.

⁶ Там же. Кн. 606. Л. 250.

дый компонент данной группы, были гиперонимами, которые строго дифференцированы в плане номинации: за каждым закреплено только одно специфическое значение. На базе названных гиперонимов последовательно формировались многокомпонентные гипонимы.

Итак, системность терминологии проявляется в образовании лексического множества: «названия металлов». В свою очередь, ЛСГ членится ещё на более мелкие группы, например, на микрогруппы «названия железа», «названия меди», «названия металлических остатков, кусков и мелких частиц металла» и др.

Исследуемая терминология складывалась в разные периоды развития русского языка. Незначительная часть слов восходит к древнерусскому (общевосточнославянскому) языку: *железо*, *медь*, *крохоть*. Ряд слов в терминологическом значении возникает в среднерусский период: *уклад*, *кроха*. В лексическую систему старорусского языка включаются заимствования *жесть* (XVI в.), *сталь* (XVI в.). Подавляющее большинство разных по структуре терминов пополнило терминосистему в начальный период становления русского национального языка. Назовём однословные, русские по происхождению, термины: *обломок*,

обрывок, *обрезок*, *обсечек*, *обтирки*, *сок*. Основная масса составных терминов формируется именно в данный период, то есть на рубеже XVII–XVIII вв. или в первой половине XVIII в. В большинстве своём анализируемые термины имели общерусское распространение.

В исследуемой микросистеме активизируется способ семантической деривации терминообразования. Термины *обломок*, *обрывок*, *обрезок*, *кроха*, *крохоть*, *сок* образовались способом семантической деривации, на основе развития терминологического значения у общеупотребительных слов. Из всех видов системных отношений в данной ЛСГ наиболее активны деривационные и иерархические гиперо–гипонимические отношения терминов.

Для русской исторической лексикологии деловая документация горных заводов конца XVII – начала XVIII вв. представляет источник информации о тенденциях в развитии словарного состава русского языка в целом и делового языка в частности. Как видно, горнозаводская терминосистема преднационального периода находилась в процессе активного формирования, пополнялась в основном за счёт ресурсов родного языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Геннин В.И. Описание Уральских и Сибирских заводов 1735 года. М., 1937. 646 с.
2. Голованова Е.И. Становление уральской горнозаводской терминологии в XVIII – начале XIX вв.: дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1995. 184 с.
3. Денисов И.Г. Уклад «сталь» // Этимология. 1966. Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов. М.: Наука, 1968. С. 159–166.
4. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 128 с.
5. Из переписки В.И. Геннина // Материалы для истории казённого дела в Олонецком крае. Петрозаводск, 1902. С. 20–104.

6. Книга Водской пятины, письма Дмитрия Васильевича Китаева и Никиты Губы Семёнова сына Моклокова, 7008 (1499-1500) г. / Под. ред. К.А. Неволлина // Записки Русского географического общества. Кн. 8. СПб., 1853. С. 5–55.
7. Крепостная мануфактура в России: в 2 ч. Л.: Изд. АН СССР, 1931. Ч. II: Олонецкие медные и железные заводы. 199 с.
8. Липин В.Н. Металлургия чугуна, железа и стали. Л., 1924.
9. Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2006. 263 с.
10. Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство во второй четверти XVII в. Т. I. Вып. 1–2. СПб., 1897–1910.
11. Саматова Е.К. Специальная лексика горнозаводского производства Среднего Урала XVIII века: (на материале челобитных «мастеровых и работных людей»): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1992. 24 с.
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М.: Наука, 1975–2008.
13. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–19. СПб.: Наука, 1984–2011.
14. Словарь церковнославянского и русского языков, сост. Вторым отделением Императорской Академии наук: Т. I–IV. СПб., 1847.
15. Спасский Г.И. Горный словарь: Т. I–III. М., 1841–1843.
16. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Т. 1–3. М.: Книга, 1989.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Б.А. Ларина. Т. I–IV. М.: Прогресс, 1986–1987.
18. Харузин Н. Русские лопари. Приложения. М., 1890. С. 409–447.
19. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 3-е, доп. М.: Просвещение, 1975. 546 с.
20. Щеглова Н.А. Словарь тульского оружейно-железодельного производства XVII–XVIII вв.: прил. к дис. «Терминологическая лексика оружейно-железодельного производства XVII–XVIII вв.». М., 1964. 542 с.
21. Щеглова Н.А. Терминологическая лексика оружейно-железодельного производства XVII–XVIII вв.: (по материалам памятников письменности Тульского края): дисс. ... канд. филол. наук. М., 1964. 411 с.
22. Юдина Т.М. Горнозаводская терминология Северо-Западной Руси (на материале деловой письменности Олонецких заводов конца XVII – начала XVIII в.): дисс. ... канд. филол. наук. Вологда, 1996. 173 с.
23. Юдина Т.М. Иерархия гиперонимов в горнозаводской терминологии начала XVIII века // Трансфер знаний в науке, образовании и бизнесе: пути взаимодействия России и Германии = Deutsch-Russischer Wissenstransfer zwischen Forschung, Bildung und Wirtschaft : материалы Международной научно-практической конференции (Архангельск, 15–19 октября 2014 г.) / Сев. (Аркт.) федер. ун-т, Ин-т филол. и межкультур. коммуникации, Лекторат герман. службы акад. обменов в Архангельске; / Отв. ред. Б. Линдер, А.М. Поликарпов, Л.Ю. Щипицина. Архангельск: Пресс-Принт, 2015. С. 82–86.
24. Юдина Т.М. Мотивировочные признаки в наименованиях металлов в горнозаводской терминологии преднационального периода // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 3. С. 72–79.

REFERENCES:

1. Gennin V.I. Opisanie Ural'skikh i Sibirskikh zavodov 1735 goda [Description of Ural and Siberian factories in 1735]. М., 1937. 646 p.

2. Golovanova E.I. Stanovlenie ural'skoi gornozavodskoi terminologii v XVIII – nachale XIX vv.: diss. ... kand. filol. nauk. [The formation of the Ural mining and metallurgical terminology in the XVIII – early XIX centuries: PhD thesis in Philology Sciences.]. Chelyabinsk, 1995. 184 p.
3. Denisov I.G. Uklad «stal'» [Structure «steel»] // *Etimologiya*. 1966. Problemy lingvogeografii i mezh'yazykovykh kontaktov [Etymology. 1966. The problem of linguogeography and interlingual contacts]. M., Nauka, 1968. pp. 159–166.
4. Zhivov V.M. Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka [Language and culture in eighteenth-century Russia]. M., Shkola «yazyki russkoi kul'tury», 1996. 128 p.
5. Iz perepiski V.I. Gennina [From the correspondence of V. I. Gennin] // *Materialy dlya istorii kazennogo dela v Olonetskom krae* [Materials for the history of the state of the case in Olonets region]. Petrozavodsk, 1902. pp. 20–104.
6. Kniga Vodskoi pyatiny, pis'ma Dmitriya Vasil'evicha Kitaeva i Nikity Guby Semenova syna Mokloкова, 7008 (1499–1500) g. [The book of vodskaya Pyatina, letters of Dmitry V. Kitaev and Nikita Semenov Lips of the son of Maklakova, 7008 (1499–1500),] // *Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Kn. 8 [Notes of the Russian geographical society. Vol. 8] / Ed. by K.A. Nevolin. SPb., 1853. pp. 5–55.
7. Krepstnaya manufaktura v Rossii: v 2 ch. CH. II: Olonetskie mednye i zheleznye zavody [The serf manufactory in Russia: in 2 parts. Part II: copper and iron Olonets factories]. L., Izd. AN SSSR, 1931. 199 p.
8. Lipin V.N. Metallurgiya chuguna, zheleza i stali [Metallurgy of iron and steel]. L., 1924.
9. Maiorov A.P. Ocherki leksiki regional'noi delovoi pis'mennosti XVIII veka [Essays on regional business literature vocabulary of the XVIII century]. M., Izdatel'skii tsentr «Azbukovnik», 2006. 263 p.
10. Nikol'skii N. Kirillo-Belozerskii monastyr' i ego ustroistvo vo vtoroi chetverti XVII v. T. I. Vyp. 1–2 [The Kirillo-Belozersky monastery and its structure in the second quarter of the XVII century, Vol. I. Iss. 1–2]. St. Petersburg, 1897–1910.
11. Samatova E.K. Spetsial'naya leksika gornozavodskogo proizvodstva Srednego Urala XVIII veka: (na materiale chelobitnykh «masterovykh i rabotnykh lyudei»): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Special vocabulary of mining industry of the Middle Urals in XVIII century (on the material of the petitions «artisans and workers»): PhD thesis in Philology Sciences]. M., 1992. 24 p.
12. Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv. Vyp.1–28 [Dictionary of Russian language of XI–XVII centuries, Iss. 1–28]. M., Nauka, 1975–2008.
13. Slovar' russkogo yazyka XVIII veka. Vyp. 1–19 [Dictionary of Russian language of XVIII century. Iss. 1–19] SPb., Nauka, 1984–2011.
14. Slovar' tserkovnoslavjanskogo i russkogo yazykov, sost. Vtorym otdeleniem Imp. Akademii nauk: T. I–IV [The dictionary of Church Slavonic and Russian languages, comp. The second branch of the Imp. Academy of Sciences: Vol. I–IV]. SPb., 1847.
15. Spasskii G.I. Gornyi slovar': T. I–III [Mining dictionary: Vol. I–III]. M., 1841–1843.
16. Sreznevskii I.I. Slovar' drevnerusskogo yazyka. T. 1–3 [Dictionary of old Russian language. Vol. 1–3]. M., Kniga, 1989.
17. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. T. I–IV [Etymological dictionary of the Russian language. Vol. I–IV] / Ed by B.A. Larin. M., Progress, 1986–1987.
18. KHaruzin N. *Russkie lopari. Prilozheniya*. [Russian Lapps. Adds]. M., 1890.
19. Shanskii N.M., Ivanov V.V., Shanskaya T.V. *Kratkii etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [A concise etymological dictionary of the Russian language.]. Ed. 3rd, ext.. M., Prosveshchenie, 1975. 546 p.

20. Shcheglova N.A. Slovar' tul'skogo oruzheino-zhelezodelatel'nogo proizvodstva XVII–XVIII vv.: pril. k dis. «Terminologicheskaya leksika oruzheino-zhelezodelatel'nogo proizvodstva XVII–XVIII vv.» [Dictionary of the Tula arms-iron production of the XVII–XVIII centuries.: add to thesis «Terminological Glossary of weapon-iron production of the XVII–XVIII centuries»]. M., 1964. 542 p.
21. Shcheglova N.A. Terminologicheskaya leksika oruzheino-zhelezodelatel'nogo proizvodstva XVII–XVIII vv.: (po materialam pamyatnikov pis'mennosti Tul'skogo kraja): diss. ... kand. filol. nauk [Terminological Glossary of weapon-iron production of the XVII–XVIII centuries: (according to the materials of the written monuments of the Tula region): PhD thesis in Philology Sciences]. M., 1964. 411 p.
22. Yudina T.M. Gornozavodskaya terminologiya Severo-Zapadnoi Rusi (na materiale delovoi pis'mennosti Olonetskikh zavodov kontsa XVII – nachala XVIII v.: diss. ... kand. filol. nauk [Mining terminology of North-West Russia (based on the official writing of the Olonet factories of the end of XVII – beginning of XVIII century: PhD thesis in Philology Sciences]. Vologda, 1996. 173 p.
23. Yudina T.M. Ierarkhiya giperonimov v gornozavodskoi terminologii nachala XVIII veka [The hierarchy of hieronimo in mining terminology the beginning of the XVIII century] // Transfer znaniy v nauke, obrazovanii i biznese: puti vzaimodeistviya Rossii i Germanii = Deutsch-Russischer Wissenstransfer zwischen Forschung, Bildung und Wirtschaft : materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Arkhangel'sk, 15–19 oktyabrya 2014g.) / Sev. (Arkt.) feder. un-t, In-t filol. i mezhkul'tur. Kommunikatsii, Lektorat German. sluzhby akad. obmenov v Arkhangel'ske [The transfer of knowledge in science, education and business: ways of cooperation between Russia and Germany = Deutsch-Russischer Wissenstransfer zwischen Forschung, Bildung und Wirtschaft : materials of the International scientifically-practical conference (Arkhangelsk, October 15-19 2014). / North. (Arct.) Feder. University, Institute of Philology and intercultural Communications, Lecture-chair of german service of acad. exchanges in Arkhangelsk]. Arkhangelsk, Press-Print, 2015. pp. 82–86.
24. Yudina T.M. Motivirovochnye priznaki v naimenovaniyakh metallov v gornozavodskoi terminologii prednatsional'nogo perioda [Motivational signs in the names of metals in mining terminology prednaznachennogo period] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2015. no. 3. pp. 72–79.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юдина Татьяна Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой культуры Института филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: tatyana.y.tanya@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana Yudina – candidate of philological sciences, associate professor at the department of Russian Language and Speech Culture of the Lomonosov Northern (Arctic) Federal University; e-mail: tatyana.y.tanya@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Юдина Т.М. Гиперонимы микросистемы «Названия металлов» в горнозаводской терминологии начала XVIII века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 1. С. 83–94.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-83-94

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

T. Yudina. HYPERONYMS OF THE MICROSYSTEM “NAMES OF METALS” IN MINING INDUSTRY TERMINOLOGY OF THE 18TH CENTURY // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. № 1. P. 83–94.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-83-94

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 801.82

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-95-104

НАЧАЛО ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ И ПЕРВЫЕ ТВОРЧЕСКИЕ ЗАМЫСЛЫ Н.Н. ТОЛСТОГО

Белюсова Е.В.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, Российская Федерация*

Аннотация. Одной из ключевых тем данной статьи является размышление о выборе Н.Н. Толстым, старшим братом Л.Н. Толстого пути, жизни – военного поприща. Впервые поднимается вопрос о святых благоверных князьях из рода Рюриковичей, предках Толстых, защищавших Отечество. Рассматриваются предпосылки, побудившие Н.Н. Толстого отдать предпочтение ратному делу: на первом месте было наследственное, врождённое чувство патриотизма. Особое внимание обращается на методы семейного воспитания мальчиков Толстых. Сделаны выводы о заимствовании Л.Н. Толстым фактов из жизни брата, пригодившихся ему во время работы над повестью «Казачьи».

Ключевые слова: служение Отечеству, наследственность, семейное воспитание, охота, артиллерийская бригада, прототип, заимствование, переписка, творческие замыслы.

N. TOLSTOY'S BEGINNING OF MILITARY SERVICE AND HIS FIRST ARTISTIC CONCEPTIONS

E. Belousova

*Moscow State Regional University
Radio St., 10a, Moscow, Russia, 105005*

Abstract. One of the main subjects of this article is the reflection on the choice of military service that Nikolay Tolstoy, the elder brother of Leo Tolstoy, made. The author focuses on the role of holy representatives of the Ruric's dynasty who had been sacrificing their lives for the sake of their countrymen. The author examines the premises which prompted N. Tolstoy to make such a choice and comes to the conclusion that the most important one was the hereditary innate

sense of patriotism. Particular attention is drawn to the methods of family education of the little Tolstoys. Due to thorough analyses the author comes to the conclusion that some facts from N. Tolstoy's life were used by L. Tolstoy in "The Cossacks".

Keywords: the service to Fatherland, heredity, family education, hunt, artillery brigade, prototype, borrowing, correspondence, artistic conceptions.

На протяжении многих веков династия Волконских-Толстых от их родоначальника князя Рюрика до отца Л.Н. Толстого, подполковника Николая Ильича Толстого, участника заграничных походов Отечественной войны 1812 г., пополняла русскую историю боевыми подвигами своих сынов на всех полях сражений и мужественным служением Отечеству. Род Рюриковичей славен не только воинами земными: многие из них сподобились Небесных венцов, потому что при жизни исповедовали Заповеди Спасителя об отвержении себя ради спасения ближнего. Святые благоверные князя Александр Невский, его потомок Дмитрий Донской и великий сонм Небесных воинов – Рюриковичей были «ангелами-хранителями Руси <...>. Их трудами утвердился взгляд на княжение как на религиозную обязанность исполнения Евангельской заповеди: *Положить жизнь за други своя* (См.: Ин. 15; 13)» [1, с. 15].

Таинственное воздействие механизма наследственности повлияло на выбор жизненного пути старшего брата Л.Н. Толстого Николая Николаевича: с ранней молодости он стал преемником многовековой фамильной воинской традиции. Семейное воспитание Николая, Дмитрия, Сергея и Льва Толстых было направлено на формирование чувства необходимости исполнения патриотического долга. В условиях усадебной жизни имелась хорошая альтернатива для

развития мужества и находчивости. Это была охота, которая «наравне с войной в том кругу, к которому принадлежал Николай Ильич, считалась наиболее подходящей формой проявления молодечества, а молодечество считалось одним из главных качеств, которые должно было воспитывать в мальчике» [4, с. 79].

Мать семейства, Мария Николаевна Толстая, была дочерью князя Н.С. Волконского, генерала от инфантерии и сподвижника А.В. Суворова. Рассказы отца о славном веке русских побед времён Екатерины Великой определили и её отношение к военной службе как к главной необходимости и достоинству дворянина. В её мудрой системе воспитания первенца Николеньки одним из главных принципов было стремление развить в нём смелость, находчивость и выносливость. «Он сделается со временем храбр, как должен быть сын отца, который хорошо служил отечеству» [9, с. 171], – писала М.Н.Толстая о шестилетнем сыне, и Николай в полной мере оправдал материнскую надежду и пророчество.

«Мне в детстве внушено было всю энергию мою направить на молодечество охоты и войны» [10, т. 57, с. 18], – вспоминал Л.Н. Толстой домашнее воспитание, и участие детей в охоте предпринималось не для их развлечения, но для преподавания уроков мужества. Занятие охотой, столь широко распространённое во всех дворянских семьях, не ограничивалось целями до-

бычи трофеев: прежде всего это была инсценировка, символизация военных действий, где «враг» – дикие животные – был так же зол, силен и непредсказуем, как реальный противник в военных ситуациях.

В 1900-е гг. Л.Н. Толстой работал над «Воспоминаниями», и в его памяти всплывали многие страницы жизни семьи. Не всё вошло в его мемуары, но некоторые интересные сюжеты сохранились благодаря «Яснополянским запискам» Д.П. Маковицкого, друга и личного врача семьи Толстых. 26 октября 1906 г. Маковицкий записал: «Говорили о Д.А. Милютине. <...>. – Л.Н.: Он один из виновников моего военного направления: брата уговорил. Он в 40-м году приехал с Кавказа» [6, с. 285].

Романтическое восхищение при встрече с кавказским героем сыграло решающую роль в жизни Н.Н. Толстого: вскоре он поступил на военную службу. Двенадцать лет, т. е. всю свою молодость Н.Н. Толстой проведёт в армии, в 1851 г. по его совету и примеру уедет на Кавказ младший брат Лев.

Весной 1844 г. Н.Н. Толстой закончил математическое отделение философского факультета Казанского университета, вернулся в Москву и в конце того года выбрал дальнейший жизненный путь – военную службу. В Отделе рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве, в фонде Н.Н. Толстого хранятся два документа, являющиеся основными источниками информации о его боевой жизни: «Свидетельство о приказе Александра II от 11 июля 1858 г. об увольнении Н.Н. Толстого от военной службы»¹ и

¹ «Свидетельство о приказе Александра II от 11 июля 1858 г. об увольнении Н.Н. Тол-

«Формулярный список поручика Графа Николая Николаевича Толстого»², в которых запечатлён Кавказский период службы с 1846 по 1857 г. Оба документа содержат неточности и пропуски, породившие много вопросов и неясностей. Ответы и дополнительные сведения о службе Н.Н. Толстого удалось найти на страницах газеты «Кавказ» – официального правительственного военно-литературного издания на русском языке, выходившего в Тифлисе.

«В службу вступил фейерверкером 4 класса в лёгкую № 7 батарею 18-й артиллерийской бригады 1844 года Декабря 23», – так записано в «Свидетельстве об увольнении». По словам биографа Л.Н. Толстого Н.Н. Гусева, «бригада была расположена в Тарусе» [4, с. 201], но Н.Н. Толстой «проживал в лагере под Москвой» [4, с. 201]. В Российском Государственном военно-историческом архиве в Москве (РГВИА) хранится Фонд № 3694, содержащий документы 18-й артиллерийской бригады за 1816-1918 гг. Никаких сведений московского периода службы Н.Н. Толстого в данном фонде нет. Переписка семьи Толстых 1840-х гг., в которой, несомненно, велась речь и об этом, частично утрачена; другая её часть, хранящаяся в Отделе рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве (ОР ГМТ), не переведена с французского на русский язык и не издана. В частности, там имеются письма его тётушек: тринадцать писем Пелагеи Ильиничны Юшковой, посланные

стого от военной службы» // ОР ГМТ. Ф. 54. Инв. № 39590. Для краткости в дальнейшем этот документ будет именоваться «Свидетельством об увольнении».

² ОР ГМТ. Ф. 54. Кп 6160 (550), инв. № 39589.

племяннику из Казани в 1844–1845 гг., и два – Татьяны Александровны Ёргольской из Ясной Поляны с датами «23 января» и «16 марта» 1845 г., т. е. в то время, когда Николай служил в Москве.

8 июня 1845 г. в Москве Н.Н. Толстому был присвоен чин юнкера, а 21 января 1846 г. он стал прапорщиком. Вскоре двадцатидвухлетний офицер получил назначение на Северный Кавказ, «в горную № 4 батарею 20-й артиллерийской бригады, куда отправлен 12 февраля, а прибыл 20 мая того же года»¹.

Путешествие к новому месту службы длилось три месяца: уехав из Москвы в феврале 1846 г., в мае Н.Н. Толстой прибыл в деревню Карамык² Ставропольской губернии, в 12 км от уездного города Георгиевска.

По наблюдению известного толстовед Н.И. Бурнашевой, «история текстов ранних сочинений Толстого берёт своё начало в той реальной почве, исследование которой открывает многое в самих текстах и без которой не всегда эти тексты могут быть верно прочитаны и поняты. Автобиографический и документальный характер ряда произведений, эпизоды, ситуации и имена,

появляющиеся в текстах, <...> могут пройти незамеченными и неузнанными без изучения того реально-исторического контекста, в котором они существовали для самого писателя» [3, с. 72]. Нередко в произведениях Л.Н. Толстого автобиографическая линия переплеталась с эпизодами жизни близких ему лиц, в частности брата Николая. На первый взгляд, не представляющие интереса записи в «Свидетельстве об увольнении» и «Формулярном списке» о датах начала и конца дороги из Москвы на Кавказ «открывают многое» в тексте повести Л.Н. Толстого «Казачи»: эта долгая поездка брата подала Л.Н. Толстому мысль сделать путешествие Дмитрия Оленина на Кавказ таким же продолжительным. Благодаря рассказу Н.Н. Толстого о своём путешествии в письме к Т.А. Ёргольской мы имеем возможность увидеть, насколько точно реальный факт использован в повести «Казачи». Николай писал тётушке вскоре после приезда в Карамык в середине мая 1846 г.: «Вы будете удивлены тем, сколько времени я потратил, чтобы сделать это путешествие. Но до Воронежа дорога была отвратительна, а после Воронежа сначала я не имел лошадей, затем я остановился в Ставрополе на три дня, затем из Ставрополя до нашей деревни можно ехать только днём» [8, с. 29].

Дмитрий Оленин, главный герой повести Л.Н. Толстого «Казачи» уезжает на Кавказ зимой и едет так же долго, как и Николай. «Ещё в Земле Войска Донского переменили сани на телегу; а за Ставрополем уже стало так тепло, что Оленин ехал без шубы. Была уже весна – неожиданная, весёлая весна для Оленина. <...> Ночью уже не пустили из станиц и вечером говорили,

¹ ОР ГМТ. Ф. 54. Инв. № 39590.

² В книге «Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями» (М., 1990) редакторы допустили ошибку при чтении писем Н.Н. Толстого, написанных как по-русски, так и по-французски, и вместо названия «Карамык» появился «Караснык». Эта неточность имеется во всех четырёх письмах Николая из Карамыка. Ныне это село Обильное Георгиевского района Ставропольского края, расположено при впадении в реку Куму речки Сухой Карамык, которая и дала первоначальное название казачьей станции, основанной в 1784 г. переселенцами из Воронежской губернии. Эти сведения находятся на сайте dic.academic.ru.

что опасно»¹ [11, т. 4, с. 16]. Сходство литературного героя с Н. Толстым на этом не заканчивается. Так же, как и Николай, Оленин – человек сороковых годов, оставшийся «без родителей. <...> Уезжая из Москвы, он находился в том счастливом, молодом настроении духа, когда, сознав прежние ошибки, юноша вдруг скажет себе, что всё это было не то, – что всё прежнее было случайно и незначительно, что он прежде не хотел жить *хорошенько* [курсив у Толстого], но что теперь, с выездом его из Москвы, начинается новая жизнь» [11, т. 4, с. 12-13].

Принято считать, что прототипом Оленина был Л.Н. Толстой, уехавший на Кавказ из-за возникшей неспособности «жить *хорошенько*» в привычном для него светском кругу. Отчасти это так. Однако пятью годами раньше туда устремился Николай. Убедившись на собственном опыте, что поступил правильно, он указал и младшему брату этот вариант «новой жизни». Всё же неверно считать, что Дмитрий Оленин больше похож на Николая Толстого и отчасти – на автора повести. Это – собирательный образ, отразивший характерные черты и стремления многих молодых русских дворян середины XIX в. Притягательную силу Кавказа, воспринимавшегося дворянской молодёжью как Явление, изменявшее отноше-

ние к жизни, к смерти, к собственной душе, ощутили на себе А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин, А.И. Бестужев-Марлинский, М.Ю. Лермонтов, Я.П. Полонский. Великое множество искателей лучшей жизни уезжало за тысячи миль из центра России в край гор, романтики, войны и свободы.

Горизонты «новой жизни» – участие в экспедициях и изучение края – вскоре после приезда открылись перед Николаем: «Здесь формируется новая артиллерийская бригада, и, если она будет расквартирована в Грузии или в Дагестане, я в неё вступлю, потому что я хочу хорошо изучить Кавказ, так как это входит в мои планы» [8, с. 28], – сообщал он брату в первом письме из Карамыка. «Новая артиллерийская бригада» была «сформирована 19.07.1846 в результате реорганизации артиллерии Кавказской армии как 20-я Артиллерийская бригада» [5].

В переписке братьев Толстых есть несколько слов, свидетельствующих о том, что они смотрели на свои письма гораздо серьёзнее, нежели как на привычное средство обмена информацией. «При моём отъезде ты сказал, что нет ничего лучше, как писать друг другу просто всё то, что делаешь. Это меня вполне устраивает» [8, с. 27], – писал Николай в середине мая 1846 г., вскоре после прибытия в Карамык. В следующих двух письмах, помимо сообщений об ожидании экспедиций, которые всё не предвидятся, он посылает брату короткие, но очень живописные наброски поездок на охоту. «Пока ещё для них не сезон, – объясняет он Льву, – охота здесь начинается в сентябре и продолжается всю зиму, а прекращается, лишь когда трава и леса становятся слишком пышными. Охота здесь со-

¹ Повесть «Детство» и все последующие произведения Л.Н. Толстого, написанные в 1851-1863 гг., изданы в Полном («академическом») собрании сочинений Л.Н. Толстого в ста томах (Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: В 18 т. М.: «Наука», 2000–...). Ссылки принято делать на тома 1, 2, 4 – в первой серии («Художественные произведения») и тома 1, 4, 8 (1) – во второй серии («Редакции и варианты художественных произведений»).

всем иная, чем у нас, дичь, собаки даже совершенно другие. Как только я сам с ней познакомлюсь, я пришлю тебе подробное описание» [8, с. 28]. Охотничий опыт, приобретённый дома, в Ясной Поляне, даёт возможность замечать разницу как в приёмах охоты, так и в породах собак – первых помощников охотников.

Обещанный «охотничий» рассказ появился в следующем, июньском письме: Николай был отправлен в качестве командира сорока солдат в степь на охрану табуна армейских лошадей. «Завтра моя очередь ехать туда на 8 дней, поэтому я занимаюсь приготовлениями, состоящими из пороха и свинца» [8, с. 29-30], – рассказывал он брату, уже успев к тому времени побывать на охоте, которая была «прекрасная, я попробовал её третьего дня; мы отправились на поиски лани с детёнышами, которая, как говорили, находилась поблизости; её мы не нашли, но тем не менее наша охота была очень хороша, поскольку это касается зайцев в большом количестве» [8, с. 30].

Приведённый выше материал позволяет сделать вывод о том, что перед нами – самое первое ядро будущих очерков Н.Н. Толстого об охоте на Кавказе. В небольших описаниях в сжатом виде обозначено основное содержание, которое впоследствии обогатится красочностью сцен, широкой разновидностью изображения флоры и фауны степной, лесной и горной зон Северного Кавказа, оживится портретной и психологической колоритностью казаков, охотников и кунаков.

Есть в письме Н.Н. Толстого и характеристика сослуживцев: «Офицеры слишком незначительны даже для того, чтобы служить развлечением, но все

они тем не менее славные и храбрые ребята, непьющие и неиграющие – вещь, за которую я им очень благодарен» [8, с. 30], – лаконичная, но ёмкая оценка свидетельствует о том, что более всего ценил в людях Николай: не внешнюю значительность и светские навыки, а нравственные качества. С его стороны не было никакого превозношения ни происхождением, ни умом и образованностью, ни душевными качествами, что и позволяло ему видеть их «славными». Отсутствие у них столь распространённых пороков, как пьянство и карты, замеченное их новым сослуживцем, наводит на предположение о том, что московское светское общество, от которого уехал Николай, было иным.

В письме Л.Н. Толстого, посланном Николаю в середине июня 1846 г., содержатся интересные факты, позволяющие уточнить дату возникновения первых литературных опытов братьев Толстых: «Не знаю, говорил ли я тебе о трёх книгах, которые я пишу: одна под заглавием – *Разное*, другая – *Что нужно для блага России и очерк русских нравов* и третья – *Примечания насчёт хозяйства*. Так вот, эти книги уже существуют, и мне очень хотелось бы, чтобы первые две ты прочёл. *Разное* будет содержать поэзию, философию и вообще вещи не особенно красивые, но о которых приятно писать. О второй книге я тебе говорил. Так ежели ты захотел бы, мы могли бы пересылать друг другу сочинённое» [8, с. 31]. Эта запись свидетельствует о многом. Прежде всего, она служит доказательством того, насколько Л.Н. Толстой ценил мнение брата и нуждался в его советах. Во-вторых, он говорит о своих «книгах», что даёт основание сделать дополнение к предложенной Н.И. Бурнашевой

хронологии «рождения замыслов и создания самых первых художественных и некоторых других литературных сочинений» [2, с. 76], сделанных ею на основе дневниковых записей Л.Н. Толстого с июня 1850 г. по июнь 1851 г. Сообщение Л.Н. Толстого о написанных им «книгах» в июньском письме 1846 г. даёт основание отодвинуть хронологические рамки «рождения замыслов» на четыре года назад: к июню 1846 г., т. е. ко времени упоминания о них. К одиннадцати пунктам творческих планов, встречающихся в дневнике 1850-1851 гг., можно добавить ещё три: «Разное», «Что нужно для блага России и очерк русских нравов» и «Примечания насчёт хозяйства». Так же, как и восемь из одиннадцати замыслов [2, с. 76-77] 1850-1851 гг., они были написаны, но не сохранились.

Возвращаясь к письму Л.Н. Толстого середины июня 1846 г., следует обратить внимание на такие строки: «Ты написал мне два письма, в которых описываешь подробно, как ты живёшь, но это меня не удовлетворяет. Хочу, чтобы ты сказал мне, что занимало и теперь занимает твои мысли. Что же касается меня, скажу, что мне грустно потому, что я всё ещё недоволен собою. Думаю, что сплин происходит именно от этого душевного состояния. <...> Пиши мне подлиннее; я уже испытываю удовольствие от чтения писем брата, которого люблю. А ты, кажется, ещё нет... Ну, это придёт» [8, с. 32]. В желании Л.Н. Толстого видеть в письмах брата не только описания внешней стороны жизни, но и знать его «мысли» угадывается будущая особенность творчества Л.Н. Толстого: анализ душевной деятельности и многообразных оттенков её из-

менений. Прежде чем наделить героев своих произведений способностью к психологическим наблюдениям и самоанализу, Л.Н. Толстой изучал состояние своих собственных мыслей и сердечных помышлений. Того же он требует и от брата, что, скорее всего, нашло ответный отклик. «Дадим себе слово признаваться во всём друг другу» [11, т. 1, с. 153], – этот завет сердечной дружбы, связавший в повести «Отрочество» Николеньку Иртеньева и Дмитрия Нехлюдова, «берёт своё начало в <...> реальной почве» [3, с. 72] глубоких дружески-братских отношений Николая и Льва Толстых.

Желание Л.Н. Толстого узнать, «что занимало и теперь занимает <...> мысли» Николая, созвучно найденному им в книге Л.-Ф. Сегюра «Четыре эпохи жизни» образу-тропу: «Герои подобны большим рекам; их источники малы, они увеличиваются с течением» [2, с. 25]. «Книга Сегюра могла побывать в его руках в августе 1851 г.» [2, с. 23], но к своему открытию о «текучести», т. е. о динамичной и постоянной изменчивости, переменчивости мыслей и сокровенной душевной деятельности человека Л.Н. Толстой пришёл раньше, в период переписки с братом в 1846 г.

Переписка Н.Н. и Л.Н. Толстых 1846 г. обнаруживает первые пробы пера, их попытки выбрать какой-либо конкретный жанровый почерк и композиционную форму своих будущих произведений. Уже начинают вырисовываться характерные отличия содержания: у Л.Н. Толстого – стремление к психологическому анализу внутренней, духовной жизни; у Н.Н. Толстого – «поэзия» и «талант наблюдения и описания» [7, т. 14, кн. 2, с. 68], как впо-

следствии Н.А. Некрасов в письме И.С. Тургеневу оценит «Охоту на Кавказе». Другая сторона творческого дара Н.Н. Толстого проявится в изображении внутренней жизни и психологических особенностей действующих лиц его очерков: как людей, так и преобладающего числа персонажей – зверей и птиц.

В 1847 г. предстояло юридически оформить раздел имущества между братьями и сестрой Толстыми, и 19 января 1847 г. Н.Н. Толстой взял отпуск, из которого, скорее всего, вернулся в Карамык во второй половине лета 1847 г и уже знал, куда ему назначено было ехать с бригадой, о чём вскоре писал брату: «Я собирался уже уезжать, но не уехал, потому что остался один на батарее и капитан попросил меня остаться, пока не вернётся кто-нибудь из его офицеров» [8, с. 37]. В редакторском комментарии к книге «Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями» указано, что это письмо написано в 1848 г. и что точное время возвращения Н.Н. Толстого в Карамык неизвестно. Тем не менее, более точную дату определить можно. В том же письме Н.Н. Толстой сообщал: «Здесь прошёл слух, что в Тифлисе холера, боюсь, как бы этот слух не дошёл до России, и тогда вы могли бы тревожиться, не получая писем. В месте, куда я еду, то есть в станице Старогладковской, близ Кизляра, холера уже была в декабре прошлого года <...>. Я очень рад, что был в России, когда она была здесь» [8, с. 38].

Известно, что эпидемии холеры возникали на Кавказе очень часто, то захватывая большие регионы, то вспыхивая в нескольких маленьких точках.

Таким образом, Н.Н. Толстой к концу лета 1847 г. прибыл в Карамык и был оставлен там на время по просьбе его

начальника. Он уже знал, что ему предстояло служить в 20-й артиллерийской бригаде, которая выбыла в Чечню, в Старогладковскую, и осенью 1847 г. он поехал к новому месту службы и охоты.

Казачья станица Старогладковская на Тереке вскоре сыграет большую роль в жизни братьев Толстых: здесь впервые их посетит вдохновение, и русская литература обогатится очерками «Охота на Кавказе» Н.Н. Толстого, повестью «Детство», «кавказскими» рассказами «Набег» и «Рубка леса» Л.Н. Толстого. Таким же новаторством будут отличаться и творческие замыслы братьев, родившиеся тут же. Повесть Н.Н. Толстого «Пластун», основанная на военной действительности, историко-этнографическом материале и глубоком понимании психологии горцев, будет опубликована посмертно¹; рукопись «Чеченки», о существовании которой известно лишь благодаря двум дневниковым записям² [10, т. 47, с. 81-82] Л.Н. Толстого 1856 г., не сохранилась, и отечественная словесность не увидела другой стороны таланта Н.Н. Толстого – эпического. Проблематика сложных взаимоотношений горцев, казаков и русских офицеров, волновавшая Н.Н. Толстого, – вражды и дружбы, любви и ненависти – воплотится в повестях «Казачьи» и «Хаджи-Мурат»: этими произведениями Л.Н. Толстой увековечит творческие замыслы, которые не успел реализовать его талантливый брат.

¹ Н.Н. Толстой скончался от чахотки в возрасте 37 лет на руках Л.Н. Толстого 20 сентября 1860 г. на юге Франции, в курортном городе Гиере, куда его увёз на лечение брат С.Н. Толстой, и был похоронен на городском кладбище.

² 13 июня 1856 г.: «Читал прелестнейший рассказ Чеченка Николеньки. Вот эпический талант громадный»; 14 июня 1856 г.: «Читал Николенькин рассказ, опять заплакал».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белоусова Е.В. «Жития святых» в прочтении Л.Н. Толстого // Яснополянский сборник – 2000. Тула, 2000. 476 с.
2. Бурнашева Н.И. «...Пройти по трудной дороге открытия...» Загадки и находки в рукописях Льва Толстого. М., 2005. 368 с.
3. Бурнашева Н.И. Раннее творчество Л.Н. Толстого: текст и время. М., 1999. 336 с.
4. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М., 1954. 720 с.
5. Историческая справка по 20-й артиллерийской бригаде [Электронный ресурс] URL: www.antologifo.narod.ru/pages/list/histore/ist20abr.htm [отредактировано 25.09.2014] (дата обращения 21.12.2015).
6. Маковицкий Д.П. Яснополянские записки. 1904–1910: в 4-х кн. М., 1979–1981. Кн. 2. 688 с.
7. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 тт. СПб., 1981–1999.
8. Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями. М., 1990. 544 с.
9. Толстая М.Н. Журнал поведения Николиньки // М.Н. Толстая (урождённая княжна Волконская), мать Л.Н. Толстого. Каталог материалов из фондов Государственного музея Л.Н. Толстого. М., 2014. 184 с.
10. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. М., 1928–1958.
11. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 100 томах. М., 2000– ...

REFERENCES:

1. Belousova E.V. «ZHitiya svyatykh» v prochtenii L.N. Tolstogo // Yasnopolyanskii sbornik – 2000 [«Lives of the saints» in the L.N. Tolstoy's interpretation // Yasnaya Polyana collection – 2000]. Tula, 2000. 476 p.
2. Burnasheva N.I. «...Proiti po trudnoi doroge otkrytiya...» Zagadki i nakhodki v rukopisyakh L'va Tolstogo [«...Go down the difficult path of discovery...» Mysteries and discoveries in the manuscripts of Leo Tolstoy]. M., 2005. 368 p.
3. Burnasheva N.I. Rannee tvorchestvo L.N. Tolstogo: tekst i vremya [L.N. Tolstoy's early works: text and the time]. M., 1999. 336 p.
4. Gusev N.N. Lev Nikolaevich Tolstoi. Materialy k biografii s 1828 po 1855 god [Lev Nikolayevich Tolstoy. Materials for the biography from 1828 to 1855]. M., 1954. 720 p.
5. Istoricheskaya spravka po 20-i artilleriiskoi brigade [Elektronnyi resurs] [Background on the 20th artillery brigade [Electronic resource]] URL: www.antologifo.narod.ru/pages/list/histore/ist20abr.htm [edited 25.09.2014] (request date 21.12.2015)
6. Makovitskii D.P. Yasnopolyanskie zapiski. 1904–1910: v 4-kh kn. Kn. 2 [Yasnaya Polyana notes. 1904-1910: in 4 books. B. 2]. 688 p.
7. Nekrasov N.A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 15 tt [Complete works and letters: in 15 vol.]. SPb., 1981–1999.
8. Perepiska L.N. Tolstogo s sestroi i brat'yami [Correspondence of L. N. Tolstoy with her sister and brothers]. M., 1990. 544 p.
9. Tolstaya M.N. Zhurnal povedeniya Nikolin'ki // M.N. Tolstaya (urozhdennaya knyazhna Volkonskaya), mat' L.N. Tolstogo. Katalog materialov iz fondov Gosudarstvennogo muzeya L.N. Tolstogo [Journal of behavior Nikolinci // M. N. Tolstaya (nee Princess Volkonskaya), the mother of L.N. Tolstoy. Catalogue of materials from the collections of the State Museum of L.N. Tolstoy]. M., 2014. 184 p.
10. Tolstoi L.N. Polnoe sobranie sochinenii v 90 tomakh [Complete works in 90 volumes]. M., 1928–1958.

11. Tolstoi L.N. Polnoe sobranie sochinenii v 100 tomakh [Complete works in 100 volumes]. М., 2000– ...
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Белоусова Елена Викторовна - соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета; e-mail: helenyaspol@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena Belousova – candidate for a degree of candidate of philological science at the department of Russian Classical Literature in Moscow State Regional University; e-mail: helenyaspol@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Белоусова Е.В. Начало военной службы и первые творческие замыслы Н.Н. Толстого // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 1. С. 95–104.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-95-104

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

E. Belousova N. TOLSTOY'S BEGINNING OF MILITARY SERVICE AND HIS FIRST ARTISTIC CONCEPTIONS // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. № 1. P. 95–104.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-95-104

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-105-111

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ КАТЕГОРИИ СОБОРНОСТИ В РОМАНЕ М.Н. ЗАГОСКИНА «ЮРИЙ МИЛОСЛАВСКИЙ, ИЛИ РУССКИЕ В 1612 ГОДУ»

Гришина А.Б.

Пензенский государственный университет

440026, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, д. 40, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме художественной реализации категории «соборности» в русском историческом романе «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». Гражданское единение в романе М. Загоскина основывается на православном единстве, чувство патриотизма приобретает форму религиозного, защита Отечества понимается как борьба за православие, соборное сознание обеспечивает сакрализацию национальных общественных идеалов. В статье последовательно прослеживается воплощение «соборности» на уровне «евангельского текста» романа, выявляется детерминирование ею образов духовенства и православного народа.

Ключевые слова: «соборность», русский исторический роман, патриотический идеал, сакрализация, образы духовенства.

ARTISTIC REALIZATION OF THE COLLEGIALLY CATEGORY IN THE M. ZAGOSKIN'S NOVEL "YURI MILOSLAVSKY, OR RUSSIANS IN 1612"

A. Grishina

Penza State University

Krasnaya St., 40, Penza, Russia, 440026

Abstract. This article is devoted to a problem of artistic realization of the concept «collegiality» in the Russian historical novel «Yuri Miloslavsky, or Russians in 1612». The civil unity in the M. Zagoskin's novel is based on orthodox unity, patriotism takes a form of the religious one, defence of the Fatherland is understood as fight for Orthodoxy, the consciousness of collegiality provides a sacralisation of national public ideals. The article has consistently traced the embodiment of the concept «collegiality» at the level of the system of images and «the gospel text» of the novel, and revealed its determination of images of clergy and Orthodox people.

Keywords: «collegiality», Russian historical novel, patriotic ideal, sacralisation, images of clergy.

В конце XX века в отечественном литературоведении отмечается повышение интереса к исследованию категории соборности в русле изучения духовного потенциала и ценностного характера русской литературы, сформировавшейся в русле православной традиции [2; 10; 11]. Сама философско-эстетическая категория соборности в данном ключе понимается как начало, несущее хри-

© Гришина А.Б., 2016.

стианский код русской литературы и художественно реализуемое на разных уровнях содержания и формы произведения.

Само понятие соборности было выработано А.С. Хомяковым в рамках его концепции о Церкви как духовном организме, все члены которого органически соединены друг с другом и сохраняют в рамках этого единства свою индивидуальность и свободу, благодаря бескорыстной и самоотверженной любви. По его убеждению, именно православная соборность является важнейшей категорией, которая представляет целое исповедание нашей веры и служит фундаментом становления российской цивилизации [1].

Согласно новейшему философскому словарю А.А. Грицанова, соборность – это свободное единство членов Церкви в деле совместного понимания ими правды и свободного отыскания пути к спасению, единство, основанное на единодушной любви к Христу и божественной праведности [7, с. 630].

Идеал соборности предполагает наличие единых абсолютных ценностей, в качестве которых в русском государстве выступали – Бог, Царь и Отечество, поэтому именно соборность можно считать одним из главных условий национального единства и создания мощной русской державы. А художественное воплощение известной формулы «Православие, Самодержавие, Народность», отражающей соборные ценности русского народа, имело место в вершинных произведениях исторической прозы XIX века, и в особенности в исторических романах М.Н.Загоскина [14].

Религиозное происхождение самого понятия соборности как единения

людей во Христе [4] определяет основные способы художественного воплощения данной идеи в романе М. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», потому что детерминирование ею образов духовенства и православного народа в романе представляет особый интерес.

Впечатляющую картину подобного единения народа описывает М.Н. Загоскин в 4 главе 2 части романа: «В самом деле, все многолюдное собрание народа составляло в эту минуту одно благочестивое семейство; не слышно было громких восклицаний: проливая слёзы радости и умиления, как в светлый день Христов, все с братской любовью обнимали друг друга...» [3, с. 173]. Все граждане Нижнего Новгорода, от малых детей до ветхих стариков, «боаре и простолюдины, именитые граждане и люди равные», собрались к Лобному месту для организации ополчения, в тот день «раздался и прогремел по всей земле русской первый общий клик: «Умрем за веру православную и святую Русь!»» [3, с. 173].

Гражданское единение в романе оказывается неразрывно связанным с молитвенным. Автор описывает нижегородский молебен перед ополчением, свидетельствующий о единстве народного и религиозного сознания: «В эту минуту общего восторга разверзлись западные двери соборного храма Преображения Господня и печерский архимандрит Феодосий... вышел на городскую площадь. Народ расступился, весь духовный синклит взошёл на Лобное место. Раздался громкий благовест. Иереи запели собором: “Царю небесный! Утешителю, Душе истинный!” – и Минин, а вслед за ним все граждане преклонили колена» [3, с. 172].

Особую роль в этом единении играют представители духовенства, они выступают как бы средоточием соборной идеи, распространяя её благодатное действие с сугубо церковной среды, для которой она является органичной, на народно-патриотическое движение. «Единство веры и благодатное общение народа с епископами – преемниками апостольского служения – эти основы католической Церкви, на которые указывал ещё св. Игнатий Богоносец» [12, с. 45–51]. Именно благодаря духовной поддержке своих пастырей народ русский оказался способным противостоять польским захватчикам и бесстрашно выступить на защиту своего государства. Освящённое благословением народное ополчение приобретает свою незыблемую духовную основу, происходит внутреннее единение всего народа в стремлении к единственной святой цели – спасению «царства Русского»: «Когда ж, благословляя оружие христолюбивого войска, благочестивый архимандрит Феодосий, возведя к небесам взор, исполненный чистейшей веры, возгласил молитву: “Господи боже наш, боже сил! Сильный в крепости и крепкий во бранех...” – народ пал ниц, зарыдал, и все мольбы слились в одну общую, единственную молитву: “Да спасет господь царство Русское!» [3, с. 172].

Мир не только соборно воюет с противником, но и соборно молится об одолении врага и спасении России. Загоскин описывает нижегородский молебен не просто для воссоздания колорита эпохи. Именно в уста пастыря, архимандрита Феодосия, вкладывает он горячие молитвы и вдохновенные патриотические речи, которые тесно

переплетаются с фрагментами псалмов, что не просто возвеличивает сущность ополчения, но ставит его в один ряд с библейскими воинствами. Борьба за Отечество перерастает в романе в стояние за православную веру, и ополченцы понимаются уже не иначе, как «воины Христовы», избранные Господом для спасения «страждущей России»: «По окончании молебствия Феодосий, осеня животворящим крестом и окропив святой водою усердно молящийся народ, произнёс вдохновенным голосом: “С нами бог! Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами бог! Спешите, избранные господом, на спасение страждущей России! ... Воины Христовы! не жалеете благ земных: слава нетленная ожидает вас на земле и вечное блаженство на небесах» [3, с. 172].

По мысли А.С. Хомякова, верующий находит в Церкви «самого себя, но себя не в бессилии своего духовного одиночества, а в силу своего духовного, искреннего единения со своими братьями, со своим Спасителем» [13, с. 144]. Приводимое в романе песнопение «С нами Бог!» (торжественная песнь пророка Исаяи) в литургической символической «свидетельствует о духовной радости верующих, сознающих среди себя Бога-Еммануила» [9, с. 286]. Действительно, народ не просто сознаёт свою причастность к Божественному промыслу, но ощущает непосредственное присутствие Спасителя, ведь именно Его именует Святое Евангелие «Грядущим во Имя Господне»: «Грядите, верные сыны России! грядите во имя господне! На вас благословение всех пастырей духовных! За вас святые молитвы страдальца Гермогена!» [3, с. 172] Образ народа окончательно

сливается с образом незримого Спасителя, становится единым с Ним, отождествляется: «Кто против вас? Кто против господ сил?» [3, с. 172].

В силу того, что соборное сознание обеспечивает тесную связь между божественным и земным миром, происходит сакрализация национальных общественных идеалов. Потому чувство патриотизма в романе приобретает форму религиозного, любовь к родине сравнивается с врождённым стремлением души к райским обителям, рассматривается как составляющая этого чувства. Загоскин сопоставляет его проявление с небесным озарением, с пробуждением от сна земной жизни: «О, как недостаточен, как бессилён язык человеческий для выражения высоких чувств души, пробудившейся от своего земного усыпления! Сколько жизней можно отдать за одно мгновение небесного, чистого восторга, который наполнял в сию торжественную минуту сердца всех русских! Нет, любовь к отечеству не земное чувство! Оно слабый, но верный отголосок непреодолимой любви к тому безвестному отечеству, о котором, не постигая сами тоски своей, мы скорбим и тоскуем почти со дня рождения нашего!» [3, с. 172]

Соборность проявляется в любви как отказе от всего «своего», от самого себя ради других, в самоотдаче [8]. Именно такой образ жертвенной любви создаёт М. Загоскин в своём романе, описывая всеобщий сбор средств на ополчение, когда «все граждане, наперерыв друг перед другом, отдавали свои имущества» ради святого дела защиты Отечества: «Неужели, умирая за веру христианскую и желая стяжать нетленное достояние в небесах, мы пожалеем достояния земного? Нет,

православные! Для содержания людей ратных отдадим всё золото и серебро...» [3, с. 171].

Соборность формирует собственный идеальный тип общности, представленный в романе братством Троице-Сергиевой лавры. Невероятное отражение жестокой осады монастыря актуализирует силу духовной составляющей народной борьбы: «Тридцать тысяч войска польского, под предводительством известных своею воинскою доблестью и зверским мужеством панов Сапеги и Лисовского, не успели взять приступом монастыря, защищаемого горстью людей, из которых большая часть в первый раз взялась за оружие; в течение шести недель более шестидесяти осадных орудий, гремя день и ночь, не могли разрушить простых кирпичных стен монастырских» [3, с. 228]. Эта победа способствовала возрождению веры в возможность только соборного одоления врага и всплеску религиозного упования на Промысел Божий.

Благодаря такому подходу борьба за родину окружается в романе ореолом святости, становится уделом не только ратных людей и православных мирян, но даже смиренных монахов. Образ Троицкой лавры, центра русского православия, становится у Загоскина символом невероятной духовной силы [5]. «Троицкая лавра святого Сергия, эта священная для всех русских обитель, показавшая неслыханный пример верности, самоотвержения и любви к отечеству, была во время междуцарствия первым по богатству и великолепию своему монастырем в России» [3, с. 227]. А потому пример, поданный ею, не только не осуждается в религиозных кругах, но становится единствен-

ным возможным путём спасения для всех православных: «...Сергиевская лавра, осаждённая войсками второго самозванца под начальством гетмана Сапеги и знаменитого налёта пана Лисовского, упорно защищалась; малое число воинов, слуги монастырские и престарелые иноки отстояли святую обитель. Этот спасительный пример и увещательные грамоты, которые благочестивый архимандрит Дионисий и незабвенный старец Авраамий рассылали повсюду, пробудили, наконец, усыпленный дух народа русского; затлились в сердцах искры пламенной любви к отечеству, все готовы были восстать на супостата, но священные слова: “Умрём за веру православную и святую Русь!” – не раздавались еще на площадях городских...» [3, с. 36]. Победа над поляками становится в романе следствием непоколебимой героической веры и беззаветного упования на волю Божию, проявившихся так явственно в русских, этого духовного единения мирян, духовенства, иночествующего чина, которое родилось во время осады монастыря. «Упование на господя и любовь к отечеству превозмогли всю силу многочисленного неприятеля: простые крестьяне стояли твёрдо, как поседевшие в боях воины, бились с ожесточением и гибли, как герои. Никто не хотел окончить жизнь на своей постеле; едва дышащие от ран и болезней, не могущие уже сражаться воины, иноки и слуги монастырские приползли умирать на стенах святой обители от вражеских пуль и ядер, которые сыпались градом на беззащитные их головы» [3, с. 228].

Идея соборности в романе проявляется не только в собирательных образах, но и находит свое выражение в поступках отдельных героев. Уже в самой би-

нарной структуре названия заключена «нераздельность» героя и национально-го организма» [6, с. 68]. Как верно заметил И.А. Есаулов, герои, в «особенном» которых «заключено и всеобщее», совершенно свободно выбирают свои личные «пути, которые одновременно являются реализацией и сверхличного «предназначения», Промысла» [2, с. 33].

В романе подобное совпадение сверхличного долга с собственным свободным самоопределением можно увидеть в образах Авраамия Палицына, призывавшего своими речами народ к объединению в деле защиты Отечества, батюки Еремея, ставшего предводителем партизан – «шишей», Козьмы Минина, инициатора ополчения. А вот сознаваемое главным героем, Юрием Милославским, противоречие между истинным христианским долгом защиты Отечества и личной присягой в верности польскому королевичу Владиславу становится сюжетообразующим конфликтом романа.

Таким образом, в романе Загоскина «Юрий Милославский» категория соборности воплощается несколькими способами: на уровне гражданского общества, монастырской братии, отдельных персонажей. Единство духовно-нравственных ценностей на всех этих уровнях свидетельствует о всеобщем духовном сплочении народа во имя сверхличностных идеалов – спасения и процветания государства Российского. Поэтому, описывая в своём романе эпоху Смутного времени, автор обращается именно к идее соборности, которая в переломные моменты истории Отечества всегда выступала ориентиром, служащим для разрешения общественных и политических противоречий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Благова Т.И. Соборность как философская категория у А.С. Хомякова // Славянофильство и современность. СПб.: Наука, 1994. С. 177–192.
2. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. 288 с.
3. Загоскин М.Н. Сочинения: в 2-х т. Т. 1. Историческая проза. М.: Худож. Лит., 1987. 733 с.
4. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. СПб., 1894 [Электронный ресурс]. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Damaskin/tochnoe-izlozhenie-pravoslavnoj-very (дата обращения: 12.03.2015).
5. Лебедев А.Б. Соборность как выражение сущности человека в русской религиозно-философской традиции // Учёные записки Казанского государственного университета. Серия: Философские науки. 2004. Т. 146. С. 171–180.
6. Линьков В.Д. Роман М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году»: жанровый генезис // Культура и текст: сб. ст. СПб., 2001. С. 68–72.
7. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Мн.: Изд-во В.М. Скакун, 1998. 896 с.
8. Пестрецов А.Ф. Соборность – константа русского национального самосознания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. № 1 (9). С. 176–182.
9. Слободской С. Закон Божий. Руководство для семьи и школы. Киев, 2004. 800 с.
10. Сохряков Ю.И. Благодатный дух соборности: О соборном характере русского художественно-философского мышления // Москва. 1995. № 10. С. 168–173.
11. Троицкий Е.С. Что такое русская соборность? М., 1993. 104 с.
12. Успенский Н.Д. Соборность Церкви // Журнал Московской патриархии. 1959. № 7. С. 45–51.
13. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т. II [Электронный ресурс]. URL: <http://ribce.com/books/f269609> (дата обращения: 20.03.2015).
14. Христоролюбова О.В. «Русский Вальтер Скотт» и его роль в развитии русской исторической романистики // Проблемы гуманитарного образования: филология, журналистика, история: сб. науч. ст. Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. С. 115–120.

REFERENCES:

1. Blagova T.I. Sobornost' kak filosofskaya kategoriya u A.S. Khomyakova [Unity as a philosophical category in A.S. Khomyakov] // Slavyanofil'stvo i sovremennost' [Slavophilism and modernity]. M., Nauka, 1994. pp. 177–192.
2. Esaulov I.A. Kategoriya sobornosti v russkoi literature [The category of sobornost in Russian literature]. Petrozavodsk, Izd-vo Petrozavodskogo un-ta, 1995. 288 p.
3. Zagoskin M.N. Sochineniya: v 2-kh t. T. 1. Istoricheskaya proza [Works: in 2 vol. Vol. 1. Historical prose]. M., KHudozh. lit., 1987. 733 p.
4. Ioann Damaskin Tochnoe izlozhenie pravoslavnoi very. SPb., 1894 [Elektronnyi resurs]. [John Damascene. Exact exposition of the Orthodox faith. St. Petersburg, 1894 [Electronic resource].] URL: http://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Damaskin/tochnoe-izlozhenie-pravoslavnoj-very (request date: 12.03.2015).
5. Lebedev A.B. Sobornost' kak vyrazhenie sushchnosti cheloveka v russkoi religiozno-filosofskoi traditsii [Conciliarity as an expression of the essence of man in Russian religious-philosophical tradition] // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki. T. 146 [Scientific notes of Kazan state University. Series: Philosophical Sciences. Vol. 146]. pp. 171–180.

6. Lin'kov V.D., Roman M.N. Roman M.N. Zagoskina «YUrii Miloslavskii, ili Russkie v 1612 godu»: zhanrovyy genezis: sb. st. [Roman of M.N. Zagoskin «Yuri Miloslavsky, or Russians in 1612»: the Genesis of the genre: coll. papers] // Kul'tura i tekst [Culture and text]. SPb., 2001. pp. 68–72.
7. Noveishii filosofskii slovar' / Sost. A.A. Gritsanov [The latest philosophical dictionary / Comp. by A.A. Gritsanov]. Mn., Izd-vo of V.M.Skakun, 1998. 896 p.
8. Pestretsov A.F. Sobornost' – konstanta russkogo natsional'nogo samosoznaniya [Collegiality is a constant of Russian national identity] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki. 2008. no. 1 (9). pp. 176–182.
9. Slobodskoi S. Zakon Bozhii. Rukovodstvo dlya sem'i i shkoly [The Law Of God. A guide for families and schools]. Kiev, 2004. 800 p.
10. Sokhryakov YU.I. «Blagodatnyi dukh sobornosti: O sobornom kharaktere russkogo khudozhestvenno-filosofskogo myshleniya» [«The Holy spirit of catholicity: catholicity Russian artistic-philosophical thinking»] // Moskva. 1995. no. 10. pp. 168–173.
11. Troitskii E.S. Chto takoe russkaya sobornost'? [What is the Russian sobornost?]. M., 1993. 104 p.
12. Uspenskii N.D. Sobornost' Tserkvi [The Catholicity Of The Church] // Zhurnal Moskovskoi patriarkhii. 1959. no. 7. pp. 45–51.
13. Khomyakov A.S. Polnoe sobranie sochinenii. T. II [Elektronnyi resurs]. [Complete works. Vol. II [Electronic resource].] URL: <http://ribce.com/books/f269609> (request date: 20.03.2015).
14. Khristolyubova O.V. «Russkii Val'ter Skott» i ego rol' v razvitii russkoi istoricheskoi romanistiki [«Russian Walter Scott» and its role in the development of Russian historical romance] Problemy gumanitarnogo obrazovaniya: filologiya, zhurnalistika, istoriya: sb. nauch. st [The problems of Humanities: Philology, journalism, history: coll. sc. papers]. Penza, Izd-vo PGU, 2014. pp. 115–120.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гришина Алена Борисовна - соискатель кафедры «Литература и методика преподавания литературы» Пензенского государственного университета; e-mail: april-ka@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alena Grishina – applicant at the department Literature and methods of teaching literature in Penza State University; e-mail: april-ka@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Гришина А.Б. Художественное воплощение категории соборности в романе М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 1. С. 105–111.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-105-111

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Grishina. ARTISTIC REALIZATION OF THE COLLEGIALLYTY CATEGORY IN THE M. ZAGOSKIN'S NOVEL “YURI MILOSLAVSKY, OR RUSSIANS IN 1612” // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. № 1. P. 105–111.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-105-111

УДК 82.091

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-112-118

ДЖ. СТЕЙНБЕК И СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ-ШЕСТИДЕСЯТНИКИ: ВСТРЕЧА В РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ЮНОСТЬ» (1963)

Жданова Л.И.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности советско-американских отношений в период «оттепели» на примере встречи Джона Стейнбека и молодых авторов журнала «Юность» во время поездки американского писателя в СССР в 1963 г. Основной содержательный пласт статьи составили воспоминания американских и советских участников встречи (Дж. Стейнбека, Е.А. Евтушенко, Б.А. Ахмадуллиной, А.Т. Гладилина), а также архивные документы, связанные с поездкой писателя.

Ключевые слова: Джон Стейнбек, СССР, журнал «Юность», советская литература, «шестидесятники», советско-американские литературные контакты.

JOHN STEINBECK AND THE WRITERS OF THE SOVIET SIXTIES: THE MEETING AT THE EDITORIAL OFFICE OF THE MAGAZINE “YUNOST” (1963)

L. Zhdanova

*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1, Moscow, Russia, 119991*

Abstract. The article concentrates on the event that took place during the Post-Stalin Thaw in U.S.-Soviet relations – John Steinbeck’s meeting with the young Soviet authors of “Yunost” magazine in 1963. The article is based on the memories of its participants – John Steinbeck, Yevgeny Yevtushenko, Bella Akhmadullina, Anatoly Gladilin, and archival documents related to the Steinbeck’s trip to the USSR in 1963.

Keywords: John Steinbeck, USSR, “Yunost” magazine, Soviet literature, Soviet sixties, Soviet-American literary connections

В октябре 1963 г. Джон Стейнбек, всемирно известный писатель, лауреат Нобелевской премии, автор всенародно любимого романа «Гроздь гнева» и нового, недавно опубликованного в СССР – «Зима тревоги нашей», в третий раз посетил Советский Союз. Визит, продлившийся почти месяц, проходил в рамках программы культурного обмена, инициированного американским Госдепартаментом и Союзом советских писателей. Стейнбек вместе со своей женой Элейн и драматургом Эдвардом Олби побывал в Москве, Киеве, Ереване, Тбилиси, Ленинграде.

© Жданова Л.И., 2016.

В заявке Стейнбека, направленной американской стороной в Союз советских писателей, целью его поездки значилось «знакомство с советской культурой, литературой, искусством; встречи с писателями, творческой интеллигенцией, молодёжью»¹. Целью Стейнбека и американских властей было стремление «прорвать советский информационный блок, посеять там столько правды о Западе, сколько это будет возможно, и показать, что американцы не монстры, что они не только заняты добыванием денег, но и проявляют большое внимание к искусству и, более того, вольны сколько угодно критиковать своё государство и правительство – даже за границей» [1, р. 940].

Предыдущие два приезда Стейнбека в СССР в 1936 и 1947 гг. не оставили у него приятных воспоминаний. По словам самого писателя, его первая поездка в Советский Союз совпала с началом Большого террора, а именно, с периодом расправы Сталина с генералитетом (группа Тухачевского), а во второй приезд с фотокорреспондентом Робертом Капой он застал второй период «сталинского безумия», доходившего до того, что беседа с иностранцами без разрешения МИДа считалась преступлением [1, с. 21].

Тем не менее, в 1963 г. Стейнбек ждал новую поездку в Советский Союз с большим нетерпением. 13 мая 1963 г. он пишет Лесли Брэди, атташе по культуре американского посольства: «И всё же я хочу ехать. Я должен ехать. Хотя

бы потому, что теперь молодые советские писатели, экспериментаторы не так запуганы, как ранее. И это только одно из многих изменений, происшедших в этой стране с 1947 г. Другое – это перестройка сознания и появление нового поколения, которое не помнит ни войну, ни тяжёлый гнёт Сталина. Так что ради себя самого, я должен ехать» [2, р. 769].

В первые дни своего приезда Стейнбек, вглядываясь в ряды отстроенных домов, обилие парков и более приветливые, спокойные лица людей на московских улицах, замечает в этом приметы «оттепели». На третий день своего пребывания в Москве он пишет литературному агенту Элизабет Отис: «Должен сказать тебе, что оттепель здесь очень явственна. Ты можешь почувствовать её везде. Я теперь здесь снова за своего. Всё вернулось к исходной точке» [2, р. 780].

Однако, по воспоминаниям писателя-шестидесятника Анатолия Гладилина, в 1963 г. ко времени приезда Стейнбека в СССР, эпоха либерализма уже подходила к концу, хотя советские писатели ещё надеялись на какие-то изменения. Мероприятия в ходе программы культурных обменов с США с советской стороны осуществлялись отнюдь не либеральными методами: по приезде Стейнбека требовалось взять ситуацию под свой контроль и показать ему и в его лице всей Америке, что в Советском Союзе царят мир и благоденствие, люди довольны своей жизнью и свободны в речах и поступках. Эта линия планомерно воплощалась в жизнь: так, если Стейнбек изъявлял желание поближе пообщаться с кем-то из советских писателей, его желание исполняли, организуя встречи с

¹ Материалы о пребывании в СССР Джона Стейнбека с 16 окт. по 14 ноября 1963 г. [программа пребывания, записи бесед, письмо Д. Стейнбека] // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4178. Л. 1.

К.М. Симоновым или И.Г. Эренбургом, при этом неоднократно и под разными предложениями отказывая в посещении могилы Б.Л. Пастернака, который и после смерти оставался в СССР персоной *non grata*. Чем дольше длилось его пребывание в Советском Союзе, тем отчетливее ощущал Стейнбек искусственность происходящего. Близко общавшийся с писателем во время его приезда в 1963 г. Е.А. Евтушенко замечает, что «в поведении Стейнбека под шумной внешне раскованностью чувствовалась некоторая недоверчивая настороженность к проявлению восторженных чувств по отношению к нему – он подозревал в этом некую «организованность энтузиазма» [5, с. 51].

Одним из самых показательных примеров подобных взаимоотношений советских писателей и Стейнбека служит эпизод, произошедший во время встречи Стейнбека с молодыми авторами журнала «Юность». Стейнбек лично настаивал на этой встрече, будучи наслышанным о ряде молодых советских поэтов и писателей, чье творчество характеризовалось свежим, современным взглядом на жизнь, во многом дерзким и независимым от установки властей.

Джексон Дж. Бенсон, биограф писателя, пишет, что Стейнбека в редакции «Юности» встретил главный редактор журнала Б.Н. Полевой. Он представил писателя группе постоянных сотрудников издания, включая В.П. Аксёнова, В.С. Розова, Е.А. Евтушенко, А.Т. Гладилина, Б.А. Ахмадулину и др. Как только они сели за «стол переговоров», Стейнбек попытался (как он позднее напишет об этом в записях, сделанных во время поездки) вовлечь их в разговор о бунте и тех нововве-

дениях, которыми характеризовалось творчество молодых писателей. Однако, как отмечает его биограф, «никто не говорил много, и он заметил, что присутствие Полевого действовало на них угнетающе. Наконец, Белла Ахмадулина сказала с каким-то сарказмом, что на самом деле всё не так просто и, что бы Стейнбек ни подумал из их молчания, её товарищи – люди храбрые и бесстрашные» [1, р. 940].

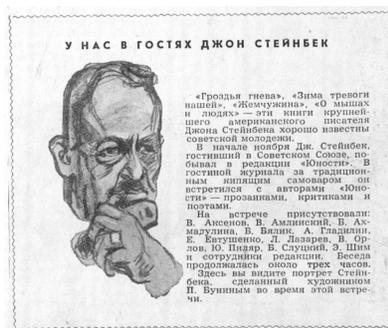

Рис. 1. [8]

С советской стороны также сохранилось несколько версий этого события. Свои воспоминания о встрече со Стейнбеком в «Юности» оставили Е.А. Евтушенко, В.П. Аксёнов, А.Т. Гладилин, Б.А. Ахмадулина. Их версии в целом совпадают, но акцентируют внимание на разных вещах и потому дополняют друг друга.

Анатолий Гладилин вспоминает об этом случае в эссе, посвящённом памяти Беллы Ахмадулиной. Он рассказывает, что перед той встречей Полевой по очереди вызывал к себе писателей и просил их быть осторожными, потому что Стейнбека непременно будет сопровождать человек из посольства, и если они не хотят закрытия журнала, то ради него, Полевого, пусть сдерживаются, не обращая внимания на

провокационные вопросы, которые, несомненно, будут. В итоге все авторы дали главному редактору обещание «сдерживаться» и на протяжении всей встречи были связаны им. Гладиллин по этому поводу пишет: «Мы знали, что создаём впечатление идиотов, но мы не могли пойти на поводу у этих издёвок. Мы были не вправе подвести журнал, мы дали слово» [1, р. 942].

Евгений Евтушенко в статье «Выдержанное вино из «Гроздьев гнева» также описывает всю трагикомичность создавшегося положения. По его словам, Стейнбек около часа «ругал в хвост и в гриву собственное правительство, американское общество, прессу, а потом, наконец, остановился, перевёл дух, вытер вспотевший лоб платком и подбадривающе подмигнул нам:

– Ну, я выложил вам то, что мне не нравится в моей стране. Теперь ваш черед – что вам не нравится в вашей? А ну, волчата, покажите зубы!

А волчата, то есть мы, смущённо переглядывались, краснели, пыхтели, нелепо улыбались, но никаких зубов не показывали, как будто, потеряв молочные, не отрасли новых...» [5, с. 51]

При этом важно отметить, что в своих воспоминаниях все авторы, за исключением Василия Аксёнова, отводят особое место ответу, который дала Стейнбеку молодая Белла Ахмадулина. А. Гладиллин пишет, что посреди затянувшегося молчания встала Ахмадулина и от своего имени объяснила Стейнбеку, что есть разница между ним и нами: «что он может говорить всё, что угодно, а мы этого не можем себе позволить, и что если господин Стейнбек этого не понимает, то это его недостаток воспитания или образования. И он

это понял. И совсем по-другому посмотрел на неё и на нас» [4, с. 9].

Евтушенко сообщает любопытные детали этого разговора. По его словам, Стейнбек сам остановил свой взгляд на девушке, бывшей явно не в лучшем расположении духа, и поинтересовался, в чём причина её грусти, если ей всё нравится в «вашей самой замечательной, самой безукоризненной, самой уникальной стране без малейшего, даже очаровательного, недостатка?». На это незамедлительно последовал ответ Ахмадулиной: «У меня права отобрали, мистер Стейнбек, – поэтому я такая грустная». Хотя переводчица перевела слово «права» буквально (driver's license), представитель американского посольства тут же объяснил писателю, что русское выражение «отобрать права» имеет и другой смысл – «отнять права человека» (human rights) [5, с. 51].

Сама же Ахмадулина в своих воспоминаниях акцентирует внимание не на политической подоплёке этого события, а именно на воспоминании, вос-создании личного прошлого писателей-шестидесятников, для которых встреча с классиком американской литературы стала важной частью общей истории их поколения. В ахмадулинском портрете Стейнбека в первую очередь проступает её собственное отношение к нему, её восхищение писателем («Я восхищалась им. <...> Стейнбек говорил так умно, так смешно. Большое впечатление на меня произвёл» [7, с. 129]) и некоторое отчуждение. Касательно самой встречи она сообщает, что в тот день она действительно лишилась прав и потому на встречу с писателем опоздала. По мнению поэтессы, Стейнбек мгновен-

но оценил её ответ, «понял, что не всё так просто, что молодые волки, которые должны быть яростными, смелыми, неугодливыми, вовсе не свободны и права у них – только автомобильные...» [7, с. 129].

Андрей Вознесенский, также присутствовавший на встрече со Стейнбеком в «Юности», увековечил фразу Беллы Ахмадулиной в стихотворении «Нас много. Нас может быть четверо» (1963):

*«Люблю, когда выжав педаль,
хрустально, как тексты в хорале,
ты скажешь: “Какая печаль!
права у меня отобрали...”»* [3, с. 57]

Евтушенко также вспоминает об этом эпизоде в открытом стихотворенном письме Стейнбеку, написанного по случаю поддержки последним войны во Вьетнаме (1966):

«...Вы знаете в крючках на души толк,

*и нам, в России,
нарочито грубо
сказали Вы,
лукавый тёртый волк:*

*«А ну, волчата,
покажите зубы!»
Среди смущённой общей тишины
Вы ждали.*

*Улыбались Вы невольно.
И – девочке одной:*

«Вот вы грустны.

Скажите Джону – чем вы недовольны?»

*А та –
раскосый татарчонок-*

*плут,
стенной волчонок,
выученный степью:*

*«Мои права вчера забрал ОРУД,
от этого и грустно, мистер Стейн-
бек...»* [6, с. 4]

Для советских писателей-шестидесятников встреча с Дж. Стейнбеком оказалась знаковым событием – не случайно в последующие годы они снова и снова обращались к нему. Б. Ахмадулина, к примеру, писала: «Когда про «Юность» говорю, первым делом вспоминаю, как журнал посетил Джон Стейнбек» [7, с. 129]). Не сумев – в силу разных причин – достойно ответить Стейнбеку на его вопрос в 1963 году, они вольно или невольно отвечали на него в своём творчестве, о чём Е. Евтушенко в уже упомянутом стихотворении 1966 г. сообщал американскому писателю:

*«Джон Стейнбек,
мы горды своей страной,
но не волнуемся,
в гордости разумны,
мы нашей дряни –
нашей всяческой дрянной –
ещё и как! –
показываем зубы.*

*<...>
А мне покою не было и нет.
Волчонок я,
и я не лезу в зубы.*

*Джон Стейнбек,
исполняю Ваш совет:
волчонок Вам показывает зубы!»* [6, с. 4].

Эта встреча оказала столь серьёзное воздействие на каждого из её участников, что редактор журнала Борис Полевой спустя год направил Стейнбеку письмо, в котором сообщил, что после их «весьма «вежливой» беседы ребята и девушки из журнала «Юность» окружили меня в некотором замешательстве и упросили передать Вам их извинения и сожаления за то, что события сложились таким образом»¹.

¹ Переписка с Джоном Стейнбеком о его пребывании в СССР // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4240. Л. 9.

В том же письме Полевой объяснил причину скованности молодых писателей – присутствие дипломата, который, хотя «был хорошим и приветливым человеком, всё равно оставался дипломатом»¹. В конце письма Полевой выразил надежду, что Стейнбек вновь вернётся с визитом в СССР, и тогда они вновь увидятся и на этот раз – без официальных лиц.

Встреча в редакции журнала «Юность» продемонстрировала особенности положения советских писателей-шестидесятников, их общей «юности» на фоне уходящей хрущевской «оттепели». С другой стороны, эта встреча стала важной частью «советского опыта» Стейнбека, яркой страницей в истории его взаимоотношений с СССР

По окончании своей поездки в СССР Стейнбек так оценил происходящие в стране перемены: «Там есть оттепель. Не дошло до таяния. Но изменения по сравнению с тем, что я видел там в первый раз, налицо»². При этом в своих отчётах он особенно выделял молодую советскую интеллигенцию, которая «нашла в себе мужество встать против указаний Кремля»³. Путешествовавший вместе со Стейнбеком драматург Эдвард Олби в интер-

вью газете «Нью-Йорк Таймс» (5.12.63) так описал настроение молодых авторов: «Эти писатели едко подшучивают над консерваторами, своими оппонентами в среде советских писателей, но когда беседа грозит затронуть трудности их жизни, они попросту улыбаются или укрываются за иронией. Они не в состоянии депрессии, они не оптимистичны – они ироничны. <...> Я не могу не повторить слово «ироничны»⁴.

Оба писателя по возвращении в США постарались изменить формат советско-американских «культурных обменов», убрав их политическую составляющую. С этой инициативой они обратились к президенту американского ПЕН-клуба Джону Фаррару. Спустя год после поездки Стейнбека и Олби в СССР Фаррар направил приглашения шести молодым советским писателям. Большинство из которых присутствовало на той встрече в редакции журнала «Юность» – В.П. Аксенову, Ю.П. Казакову, В.П. Некрасову, А.М. Володину, А.А. Вознесенскому и Е.А. Евтушенко (позднее в список были добавлены К.М. Симонов и М.П. Бажан). Приглашения поступили в Союз советских писателей, который, однако, не проявил к ним интереса, что, по сути, и привело к закрытию проекта.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Benson, Jackson J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer: a Biography. New York: Viking, 1984. 1116 p.
2. Steinbeck J. Steinbeck: A Life in Letters / Ed. by Elaine Steinbeck and Robert Wallsten. New York: Viking, 1975. 904 p.
3. Вознесенский А. Малое собрание сочинений. СПб. Азбука. 2013. 608 с.

¹ Переписка с Джоном Стейнбеком о его пребывании в СССР // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4240. Л. 9..

² Обзор заявлений Джона Стейнбека и Эдварда Олби о смерти Джона Кеннеди и пребывании в СССР // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4191. Л. 21.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 16.

4. Гладилин А. Памяти Беллы // Российская газета. № 270. 2010. С. 9.
5. Евтушенко Е. Выдержанное вино из «Гроздьев гнева» // Огонек. № 32. 2002. С. 51.
6. Евтушенко Е. Письмо Джону Стейнбеку // Литературная газета. № 79. 1966. С. 4.
7. Мессерер Б. Промельк Беллы // Октябрь. 2013. №8. С. 129.
8. У нас в гостях Джон Стейнбек // Юность. № 12. 1963. С. 14.

REFERENCES:

1. Benson, Jackson J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer: a Biography. New York: Viking, 1984. 1116 p.
2. Steinbeck J. Steinbeck: A Life in Letters / Ed. by Elaine Steinbeck and Robert Wallsten. New York: Viking, 1975. 904 p.
3. Voznesenskii A. Maloe sobranie sochinenii [Small works collection]. SPb, Azbuka, 2013. 608 p.
4. Gladilin A. Pamyati Belly [The Memory Of Bella] // Rossiiskaya gazeta. № 270, 2010, p. 9.
5. Evtushenko E. Vyderzhannoe vino iz «Grozdev gneva» [Vintage wine from the «Grapes of wrath»] // Ogonek. 2002. no. 32. pp. 51.
6. Evtushenko E. Pis'mo Dzhonu Steinbeku [Letter To John Steinbeck] // Literaturnaya gazeta. no. 79. 1966. pp. 4.
7. Messerer B. Promel'k Belly [Caught A Glimpse Of Bella] // Oktyabr'. 2013. no. 8. p. 129.
8. U nas v gostyakh Dzhon Steinbek [Our guest is John Steinbeck] // YUnost'. 1963. no. 12. p. 14.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жданова Лия Искандеровна – аспирант кафедры истории зарубежной литературы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: cammomilla@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lia Zhdanova – postgraduate student at the department of Foreign Literature in Lomonosov Moscow State University; e-mail: cammomilla@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Жданова Л.И. Дж. Стейнбек и советские писатели-шестидесятники: встреча в редакции журнала «Юность» (1963) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 1. С. 112–118. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-112-118

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

L. Zhdanova. JOHN STEINBECK AND THE WRITERS OF THE SOVIET SIXTIES: THE MEETING AT THE EDITORIAL OFFICE OF THE MAGAZINE “YUNOST” (1963) // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. № 1. P. 112–118. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-112-118

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-119-125

ОБРАЗ «ЗОЛОТОГО ВЕКА» В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО И ЕГО ИСТОЧНИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ ШИЛЛЕРА, ГЁЛЬДЕРЛИНА, НОВАЛИСА

Золотько О.В.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье рассматривается художественный образ «золотого века» (легендарного блаженного прошлого периода в истории человечества) в творчестве Достоевского, Шиллера, Гельдерлина и Новалиса. Общие мотивы в изображении «золотого века» в произведениях данных писателей, возможно, обусловлены их сближением в освещении исторического процесса Нового времени. Возможность такого сопоставления в отношении Достоевского была указана в работах Жирмунского и не была ещё реализована в достоеведении. К обоснованию анализа привлекается культурный контекст, и ставится вопрос об общности мироощущения писателей разных эпох и литературной традиции в изображении «золотого века».

Ключевые слова и фразы: компаративистика, «золотой век», Достоевский, Шиллер, Гельдерлин, Новалис.

THE IMAGE OF THE GOLDEN AGE IN DOSTOEVSKY'S WORKS AND ITS SOURCES IN WORKS BY SCHILLER, HÖLDERLIN AND NOVALIS

O. Zolotko

*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1, Moscow, Russia, 119991*

Abstract. The article discusses the artistic image of the Golden Age, the legendary blissful past period of mankind's history, in the works by Dostoevsky, Schiller, Hölderlin, Novalis. Common motifs in description of the Golden Age in the works by mentioned authors perhaps are caused by their similarity in interpretation of modern history. The possibility of this comparison was mentioned in the works by Zhirmunsky and wasn't still carried out in Dostoevsky's studies. In proof of this investigation the wide cultural context is drawn. The fact of common world outlook of mentioned authors and the existing of literary tradition in description of the Golden Age is analysed.

Keywords: comparative studies, the Golden Age, Dostoevsky, Schiller, Hölderlin, Novalis.

Тоска по нравственному и эстетическому идеалу у некоторых героев Достоевского воплощается в видение «золотого века» – им снится блаженное прошлое человечества, когда люди жили в любви и гармонии с природой, как это про-

шлое было опоэтизировано в античном мифе. Мы находим развёрнутые картины «золотого века» в романах «Бесы» (1871–1872) (исповедь Ставрогина в главе «У Тихона», не вошедшей в окончательную редакцию романа), «Подросток» (1875) (сон Версилова), в рассказе «Сон смешного человека» (1877). Важно отметить, что видение «золотого века» в произведениях Достоевского имеет постоянные черты, повторяясь в снах и размышлениях разных героев, поэтому мы можем говорить об образе «золотого века» в художественном творчестве Достоевского в целом.

Этот образ уже привлекал внимание исследователей Достоевского, прежде всего, его возможные источники: в литературе социалистов-утопистов, в христианском учении об Апокалипсисе (так как видение прошлого «рая на земле» иногда у Достоевского переходит в образ будущего «золотого века»), в произведениях Сервантеса, в учении Н.Ф. Федорова об «общем деле» и др. Наконец, происхождение этого образа рассматривалось в связи с влиянием Шиллера на Достоевского [1; 9]. В своей работе мы предполагаем расширить круг этих источников, включив в него также произведения младших современников Шиллера, Гельдерлина и Новалиса, так как именно в их творчестве важное место уделено трактовке «золотого века».

Бесспорно влияние творчества Шиллера на Достоевского, в его произведениях можно найти заимствования некоторых мотивов, образов, элементов сюжета из драм и стихотворений Шиллера, обнаружить идейное влияние его трактатов. Поэтическое изображение «золотого века» мы нахо-

дим в стихотворениях Шиллера «Боги Греции», «Элевсинский праздник» и трактате «Письма о наивной и сентиментальной поэзии», которые Достоевский упоминает в своих сочинениях.

О знакомстве Достоевского с произведениями Гельдерлина и Новалиса у нас нет сведений. Хотя имя, по крайней мере, Гельдерлина было Достоевскому известно, о чём свидетельствует письмо брату М.М. Достоевскому от 24 марта 1845 [5, т. 28, с. 108].

Тем не менее, именно в творчестве младших современников Шиллера образ «золотого века» занимал важное место в осмыслении истории человечества. И особенно ярко он был воплощён в произведениях Гельдерлина (роман «Гиперион», 1792–1799) и Новалиса («Гимны к ночи» (1800), «Ученики в Саисе» (1798), «Генрих фон Офтердингген» (1797–1800)). Обращает на себя внимание общность мотивов в изображении легендарного прошлого человечества Достоевским и упоминаемыми писателями и, более того, сходство мироощущения, которое стоит за этими картинами. О сходстве мировидения самого Достоевского с немецкими романтиками приходится говорить с осторожностью, так как рассматриваемая нами тема разрабатывается писателем по большей части в художественных произведениях и относится к идеям его персонажей, однако можно привлечь и ряд высказываний самого Достоевского в его публицистике, в «Дневнике писателя». Героев Достоевского с немецкими романтиками роднит обострённое чувство своей эпохи, когда рушится старый строй и создается новый, предвосхищение нового мироустройства, в котором воплотится духовный и эстетический идеалы.

Поэты обращаются к мифу о прошлом человечества, в котором этот идеал уже был воплощён, но впоследствии разрушен грехопадением человека. В немецком романтизме «мифопоэтические модели смены эпох, такие, как Апокалипсис и Золотой век, изображаются как будущие перспективы и проникнуты волнением перед грядущим» (перевод О. З. с нем.: „Mythisch-poetische Zeitenwendenmodelle wie die Apokalypse und das goldene Zeitalter werden als Zukunftsaussichten vorgestellt und mit Zukunftsauffekten emotional besetzt“) [10, S. 104]. У поколения Гельдерлина и Новалиса такое мироощущение было следствием Французской революции 1789 г. и крушения идеалов Просвещения. «Достижение раннеромантической поэзии и теории литературы в том, что в не предвещавшие хорошего будущего 90-е годы в Германии была принята смена курса в ближайшем временном горизонте и, не отрекаясь от будущего из-за краха просветительских историко-философских перспектив во время Французской революции, [это будущее] снова открыли, отобразили и опозитивировали в иных временных и исторических обстоятельствах и моделях» (перевод О. З. с нем.: „Es ist eine Leistung der frühromantischen Literaturtheorie und Poesie inmitten der Zukunftsverschlechterung der 90er Jahre in Deutschland, den „Führungswechsel der Zeithorizonte“ aufgenommen und Zukunft mit dem Scheitern der aufklärerisch geschichtsphilosophischen Zukunftsperspektivierung in der Französischen Revolution nicht preisgegeben, sondern in andersartigen Zeit- und Geschichtskonstellationen und Modellen erneut erschlossen, reflektiert und poetisiert zu haben“) [10, S. 103]. Поэты обретают

новую веру в человека, в его творческие силы, его причастность тайнам природы, в будущее его перерождение и преображение всего мира.

Достоевский, говоря в «Дневнике писателя» о современных ему европейских событиях и явлениях (войнах, революциях, растущем чувстве отчуждения между людьми), предвещал, что «Европу ждут огромные перевороты, такие, что ум людей отказывается верить в них, считая осуществление их как бы чем-то фантастическим» [5, т. 26, с. 87]. За политическими предсказаниями встают апокалиптические картины: за переворотами последует воплощение утопии – всемирное братство людей, «воздвижение Христовой истины» [5, т. 23, с. 50], Царство Божие на земле. В романе «Подросток» Версиков, оплакивая гибнущие сокровища старой Европы в пожарах Тюильри, переносится мыслью к началу европейского человечества, к видению «золотого века», который представляется ему как картина Клода Лоррена «Асис и Галатея», она снится ему, но «не как картина, а как будто какая-то быть» [5, т. 13, с. 375], и далее сон о прошлом переходит в предвосхищение будущего, которое в воображении героя рисуется как пандан к картине «золотого века»: «великий источник сил, до сих пор питавший и гревший их, отходил, как то величавое зовущее солнце в картине Клода Лоррена, но это был уже как бы последний день человечества» [5, т. 13, с. 378]. Этот ход мысли, когда в настоящем поэт видит образ потерянного в прошлом идеала и прозревает будущее его возвращение, близок Гельдерлину и Новалису. Гельдерлин, приветствовавший революцию 1789 г. и начало освободительного движения в Греции,

после их неудачи обращается от современности к прошлому и помещает героя романа «Гиперион» в особое время и пространство: Гиперион, участвуя в современном греческом движении, стремится возродить античный «золотой век», красоту Древней Греции. Новалис, в своей статье «Христианство, или Европа» (1799) отвергавший кровавый опыт французской революции, видел в ней результат духовного распада Европы, потерявшей христианские основы, когда «единый великий общий интерес объединял отдалённые провинции этого пространного духовного царства» [7, с. 134]; и без возврата к христианской вере будущее Европы невозможно: «Никакие ваши подпорки не помогут, когда ваше государство никнет к земле, но привяжите его высшим томлением к небесным высям, соотнесите его со вселенной, и вы обретёте в нём никогда не слабеющую пружину» [7, с. 141]. В рассуждениях героя Достоевского, Версилова, мы находим тот же пафос: «После проклятий, комьев грязи и свистков настало затишье, и люди остались *одни*», без бога, но они открыли бы в себе бесконечный источник любви и, наконец, «посреди осиротевших людей» к ним приходил Христос, «простирал к ним руки и говорил: «Как могли вы забыть его?» И тут как бы пелена упала со всех глаз и раздавался бы великий восторженный гимн нового и последнего воскресения...» [5, т. 13, с. 379].

Примечательно, что в России мысль Новалиса о христианской Европе «подхватил П. Чаадаев. И его знаменитое первое «Философическое письмо» (1836) («Вы знаете, что ещё не так давно вся Европа носила название христианского мира...») прямо повто-

ряло новалисовский тезис» [3]. А на личность Чаадаева, его философско-историческую концепцию, возможно, ориентировался Достоевский, работая над образом Версилова, так как Чаадаев «первый поставил так остро <...> вопрос о России и Европе» [4].

На то, что в мистической философии истории немецких романтиков и утопических построениях Достоевского есть нечто родственное, общий религиозный пафос, указал впервые Жирмунский в работе «Немецкий романтизм и современная мистика»: «Немецкий романтизм оказал на нашу литературу большое воздействие <...> В то же время, в этой заимствованной форме проявляется подлинный религиозный дух, развивающийся из глубин русского народного сознания. В сочинениях славянофилов, Достоевского и Вл. Соловьёва вырастает своеобразное мистическое предание, идущее чисто национальным путём и достигающее своего завершения в религиозной вере, унаследованной от отцов и в то же время такой подходящей для самых смелых и самых новых религиозных исканий. В творчестве Достоевского, величайшего писателя XIX века, – вершина этого пути. Здесь открывается новая вера, земная и небесная одновременно, и эта вера – та самая, которую искали романтики, оказывается тождественной с глубочайшими основами исторического христианства» [6, с. 197-198].

Теперь перейдём к анализу самого образа легендарного прошлого в творчестве Достоевского, Шиллера, Геллерлина и Новалиса.

Прежде всего, помещение «золотого века» во время и пространство Древней Греции имело особый смысл

в литературе немецкого романтизма. Прославление Эллады как обители «золотого века» нашло яркое воплощение в поэзии и трактатах об искусстве Шиллера. Место действия снов Ставрогина, Версилова: «уголок Греческого архипелага, причём и время как бы перешло за три тысячи лет назад» [5, т. 13, с. 375], так же во сне Смешного человека.

В трактате «О наивной и сентиментальной поэзии» (1795) Шиллер относит к античности время «наивной» поэзии, время единства с природой, «непосредственного её восприятия, не отделяющего познающего субъекта от познаваемого объекта» [8, т. 6, с. 412]. «Вырождение культуры не зашло ещё у них так далеко, чтобы из-за него была покинута природа. Всё здание их общественной жизни зиждилось на чувствах, а не на продуктах искусственности» [8, т. 6, с. 412]. Картины утраченной гармонии природного и человеческого мира мы находим в снах Ставрогина, Версилова и Смешного человека: «Они вставали и засыпали счастливые и невинные <...> великий избыток непечатых сил уходил в любовь и в простодушную радость» [5, т. 13, с. 375]; «Это была земля, не осквернённая грехопадением» [5, т. 25, с. 112].

О том, что человек золотого века ещё не лишён возможности живого, непосредственного и целостного познания мира писал Новалис («Ученики в Саисе», «Гимны к Ночи»): «Наверное, далеко не сразу решились люди определить общими наименованиями многообразные предметы своих чувств <...> Думы наших предков <...> остаются для нас органическим проявлением самого земного бытия, изобразившегося в них как достоверное былое» [7, с. 115-

116]. По Новалису, прежде «человек не умел объединить своих отдельных восприятий и противопоставить их себе в виде общего понятия». Речь этих людей отличалась магической силой: она была «сверкающей связью между ними и нездешними странами и существами» [6, с. 114]. **Сопоставим это изображение с рассказом «Сон смешного человека»:** «Они указывали мне на деревья свои <...> И знаете, может быть, я не ошибусь, если скажу, что они говорили с ними! <...> Они указывали мне на звёзды <...> я убежден, что они как бы чем-то соприкасались с небесными звёздами, не мыслю только, а каким-то живым путём» [5, т. 25, с. 113].

Шиллер и немецкие романтики, как и герои Достоевского, пишут о возможности возвращения «золотого века», будущего нового гармоничного общества на началах добра и красоты, о пути в «Элизиум человека, которому уже нет возврата в Аркадию» («О наивной и сентиментальной поэзии») [8, т. 6, с. 445]. Представление о трёхчастном развитии человеческого рода: первобытное, наивное состояние человечества, живущего в массе, затем переходный этап цивилизации, эпохи «распадения масс на личности», и, наконец, новое, свободное «возвращение в непосредственность, в массу», – мы находим в набросках к статье Достоевского «Социализм и христианство» [5, т. 20, с. 192]. На этапы распадается история человечества и в размышлениях и снах Версилова и Смешного человека: идеальное прошлое, современная эпоха беспорядка, войн и будущее возвращение «земного рая».

По Гельдерлину также период дисгармонии, как и у Достоевского в наброске статьи «Социализм и хри-

стианство» период цивилизации, необходим: «надобно придти соблазнам. Мы все пробегаем по эксцентрическому пути, и нет другой дороги от детства к совершенству» [2, с. 37].

Рассмотренные нами мотивы в изображении «золотого века» Досто-

евским и немецкими писателями позволяют говорить о характерном сближении творчества писателей разных стран и эпох на уровне мироощущения, а также о возможном о развитии литературной традиции изображения «золотого века».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вильмонт Н.Н. Достоевский и Шиллер: заметки русского германиста. М.: Сов. писатель, 1984. 278 с.
2. Гельдерлин Ф. Гиперион. Стихи. Письма. Сюжетта Гонтар. Письма Диотимы. М.: Наука, 1988. 718 с.
3. Дмитриева Е.Е. Новалис, «вспахиватель целины» // История немецкой литературы. Новое и новейшее время. М.: РГГУ, 2014. С. 400.
4. Долинин А.С. Последние романы Достоевского. Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.–Л.: Сов. писатель, 1963. С. 113.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л.: Наука, 1972–1990.
6. Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Тип. т-ва А. С. Суворина, 1914. 207 с.
7. Новалис Г.Ф.Ф фон Г. Генрих фон Офтердинген. М.: Наука, 2003. 280 с.
8. Шиллер Фридрих. Собрание сочинений в 7-ми тт. М.: Худ. лит., 1955–1957.
9. Lyngstad A. H. Dostoevskij and Schiller. Paris: Mouton, 1975. P. 66, 106.
10. Oesterle, Ingrid. Es ist an der Zeit! // Goethe und das Zeitalter der Romantik. Hgs. Von Walter Hiderer. Würzburg: Königshausen and Neumann, 2002. 524 p.

REFERENCES:

1. Vil'mont N.N. Dostoevskii i SHiller: zametki russkogo germanista [Dostoevsky and Schiller: notes of a Russian Germanist]. M.: Sov. writer, 1984. 278 p.
2. Gel'derlin F. Giperion. Stikhi. Pis'ma. Syuzetta Gontar. Pis'ma Diotimy [Hyperion. Poems. Letters. Of Suzette Gontar. Letters Diotima]. M., Nauka, 1988. 718 p.
3. Dmitrieva E.E. Novalis, «vspakhivatel' tseliny» [Novalis, «the ploughman of a virgin soil»] // Istoriya nemetskoj literatury. Novoe i noveishee vremya [The history of German literature. Modern and contemporary times]. M., RGGU, 2014. p. 400.
4. Dolinin A.S. Poslednie romany Dostoevskogo. Kak sozdavalis' «Podrostok» i «Brat'ya Karamazovy» [The last novels of Dostoevsky. How were made the «Teenager» and «the Brothers Karamazov».] M.–L., Sov. pisatel', 1963. p. 113.
5. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii v 30-ti tt. [Complete works in 30 vols.]. L., Nauka, 1972–1990.
6. Zhirmunskii V.M. Nemetskii romantizm i sovremennaya mistika [German romanticism and modern mysticism]. SPb., Tip. t-va A.S. Suvorina, 1914. 207 p.
7. Novalis G.F.P.F von H. Genrikh fon Ofterdingen [Heinrich von Ofterdingen]. M., Nauka, 2003. 280 p.
8. Shiller Fridrikh. Sobranie sochinenii v 7-mi tt. [Collected works in 7 vols.]. M., KHud. lit., 1955–1957.
9. Lyngstad A. H. Dostoevskij and Schiller. Paris: Mouton, 1975. p. 66, 106.

10. Oesterle, Ingrid. Es ist an der Zeit! // Goethe und das Zeitalter der Romantik. Hgs. Von Walter Hiderer. Würzburg: Königshausen and Neumann, 2002. 524 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Золотько Ольга Вячеславовна - аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; e-mail: zolga13@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga Zolotko – postgraduate student at the department of history of Russian Literature in Lomonosov Moscow State University; e-mail: zolga13@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Золотько О.В. Образ «золотого века» в творчестве Достоевского и его источники в творчестве Шиллера, Гёльдерлина, Новалиса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 1. С. 119–125.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-119-125

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

O. Zolotko. THE IMAGE OF THE GOLDEN AGE IN DOSTOEVSKY'S WORKS AND ITS SOURCES IN WORKS BY SCHILLER, HÖLDERLIN AND NOVALIS // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. № 1. P. 119–125.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-119-125

УДК 821.161.1.09

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-126-134

**«... ИЗ ВСЕХ ИСКУССТВ МНЕ ЖИВОПИСЬ БЛИЖЕ ВСЕГО...»
(ОЛЬГА ФОРШ О ХУДОЖНИКАХ И О СЕБЕ)****Князева Е. П.***Саратовский государственный университет**410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, корпус 10, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена концептуально важным для понимания творчества О. Д. Форш явлениям взаимодействия двух видов искусств: литературы и живописи. Предмет исследования – до сих пор несобранные в единый свод теоретические высказывания писательницы по общим вопросам литературы и искусства в их преломлениях в публицистических и художественных текстах Форш. Проведенный анализ дает возможность приблизиться к пониманию специфики творческой индивидуальности О.Д. Форш.

Ключевые слова: О. Д. Форш, живопись, художники, П. П. Чистяков, М. А. Врубель, В. А. Серов, К. С. Петров-Водкин, целостность эстетических взглядов, визуальное изображение.

**“...OF ALL THE ARTS PAINTING IS THE CLOSEST ONE TO ME...”
(OLGA FORSH ABOUT PAINTERS AND HERSELF)****E. Knyazeva***Saratov State University**Astrakhanskaya St., 83/10, Saratov, Russia, 410012*

Abstract. The article is devoted to conceptually important for understanding of O. Forsh's works phenomenon of interaction between two types of art: literature and painting. The subject of the research is not yet collected in the single set theoretical sayings of the writer on general problems of literature and art and their relations to Forsh's journalistic and artistic texts. The analysis allows to come to closer understanding of the specifics of the creative individuality of O. Forsh.

Keywords: O. Forsh, painting, painter, P. Chistyakov, M. Vrubel, V. Serov, K. Petrov-Vodkin, the integrity of aesthetic views, visual image.

Справедливо замечено, что многие сюжеты художественной литературы стали предметом изображения в живописи и, наоборот? – образность, визуальность изложенного словом подчас обнаруживает родство с произведениями живописи. Искусство нового времени, по словам Н.А. Дмитриевой, «испытывает на себе воздействие литературы не только сознательно, но и невольно...», а «литература, в свою очередь, чем больше становится универсальной формой эстетического сознания общества, тем больше впитывает и перерабатывает до-

© Князева Е. П., 2016.

стижения других искусств, в частности «изобразительных» [2, с. 13]. Примером такого синтеза двух, на первый взгляд, очень разнящихся видов искусства, может служить творчество О.Д. Форш. Писательница принадлежит к числу тех немногих, кто владел искусством создания как литературных, так и пластических образов (живопись была её первой профессией). Природа её таланта была родственной дарованию художника: «...из всех искусств мне живопись ближе всего», – призналась писательница спустя годы в статье «Как я пишу» [6, Т. 8, с. 510].

Анализ форм проявления энергообмена между двумя ипостасями форшевского таланта путём рассмотрения художественных произведений и высказываний писательницы по общим вопросам искусства и литературы позволяет убедиться в целостности эстетических взглядов автора. К сожалению, литературоведение не располагает научным собранием текстов Форш. Её теоретические рефлексии зафиксированы в разрозненных источниках, принадлежат к разным жанрам (статьи, эссе, рецензии, мемуарные свидетельства, эпистолярный и т. д.) и до сих пор не «сшиты» в единый свод. Все эти произведения сближает общая черта стиля: мысль автора, о чём бы она ни писала, обличена в форму зримого образа, навеянного произведениями искусства.

Действительно, искусство живописи питало и вдохновляло её, подсказывало героев и сюжеты литературных произведений. Одним из персонажей романа «Одеты камнем» (1924-25) является М. Врубель. Судьба гениального художника А. Иванова положена в основу романа «Современники»

(1926). П. Чистякову посвящен очерк «Художник-мудрец» (1928). В журнале «Вопросы литературы» была напечатана статья Форш о К. Петрове-Водкине (1978). Среди обитателей «Сумасшедшего корабля» (1931) также есть художники. Повествование Форш, в каком бы жанре оно ни велось, включает разного рода напоминания о художниках: Леонардо да Винчи, Рембрандте, Рубенсе, Рерихе, Гогене и др.

На события сегодняшнего дня Форш умела смотреть через призму истории мировой культуры. Как правило, статьи, развёрнутый анализ картин художников связан у неё с небольшим кругом имён: В. Серов, М. Врубель, К. Петров-Водкин. Они были не только современниками Форш, но и представителями знаменитой художественной школы П.П. Чистякова, к которой принадлежала и сама писательница. Она не раз вспоминала, что «сознательное, зрелое отношение к искусству внушил ей замечательный художник и педагог философского склада Павел Петрович Чистяков» [6, Т. 1, с. 27]. Окончив киевскую рисовальную школу, несколько месяцев О.Д. Форш училась в мастерской художника, который, как она писала, «много и глубоко говорил <...> об искусстве. Это были не только профессиональные речи о живописи, а воспитание познаний, обогащение всей душевной и умственной жизни учеников» [6, Т. 1, с. 27].

По словам Форш, Чистяков признавался, что всегда «шёл по дороге вдохновенных», что примером таких вдохновенных был для него А. Иванов – художник, один из тех, кто «мир художественный держат», «истинному, высокому, идеальному искусству служат» [11, с. 266, 303]. Своих учеников

Чистяков вёл по этой дороге, и лучшие из них с неё не свернули.

Размышляя о подвижническом пути художников, Форш не раз касалась темы трагизма судьбы творцов. В неизбежности для них жертв и страданий она усматривает причины не только внешние (катаклизмы, отчуждённость публики, нужда), но и причины внутренние, коренящиеся в творческих установках – в недостижимости идеала, в стремлении к совершенству, всё время удаляющейся «звёздочке» (по слову Чистякова), в бесконечных поисках новых форм в искусстве, во внутренних противоречиях таланта.

Эти внутренние метания отразились в вопросе, который обсуждают А. Иванов и Н. Гоголь в романе «Современники»: имеет ли право художник на свободу исканий, на «покорство своему гению», если это ведёт к поклонению всем Богам? Эти искания запретны, если они лишают человека веры. Освещению мучительной сложности этого вопроса подчинён диалог гениальных собеседников:

«Покорство своему гению, куда б он ни завёл? А если на гибель?» – говорит Гоголь Иванову [6, Т.2, с. 52]. Автор «Мёртвых душ» убеждён, что главное сохранить чистоту души, что «в ущерб спасению души нельзя служить искусству» [6, т. 2, с. 54], свободы в творчестве без христианства для него не существует, он не признаёт безоглядного «покорства своему гению». Невозможность разрешить эту дилемму приводит Гоголя к душевному потрясению. Может быть, это явилось причиной того, что второй том поэмы так и не дошёл до читателя.

А. Иванов, в отличие от своего друга, сумел закончить картину «Явление

Христа народу», освещённую идеей единства людей разных наций пред ликом Спасителя, и представить её в Академию художеств, но слишком тяжела была цена этой победы: самоотвержение, отказ от личного счастья, насмешки товарищей по искусству, болезнь, отшельническая жизнь и бесконечное одиночество. «Гоголь в себе предал художника, а он? А он неужто предал человека?...» [6, Т. 2, с. 259], – размышляет автор о трагических судьбах двух гениев, о их неразрешимом споре.

Трагическая печать лежит и на судьбе Чистякова, которому ради учеников пришлось пожертвовать работой над собственными картинами. «А ведь большие у меня знания! – вспоминает Форш его слова. – Только работу свою не угадал. На миллион лет жизни рассчитывал. И хорошо бы вышло, если б миллион. Всё бы поспел...». Трагедия художника, по мысли Форш, в том, что он «своё живописное откровение и себя самого как человека <...> роздал всем, кто хотел и умел у него взять» [6, т. 8, с. 473, 474].

Ещё один вариант трагической судьбы художника – судьба М. Врубеля, лечившегося несколько лет в лечебницах для душевно больных, ослепшего за четыре года до смерти. Ему посвящена одна из глав романа Форш «Одеты камнем» – «Чёрный Врубель». Как известно, художник не отступил от своих новаторских исканий, не сдался. Это позволило Форш сказать устами одного из персонажей: его творчество до конца было «могуче и прочно», и добавить: «сумасшедшие – самые свободные из людей» [6, Т.1, с. 203]. Но тяжёлой болезнью не исчерпывались страдания Врубеля. К его судьбе Форш возвращается в рома-

не «Сумасшедший корабль» (1931 г.), где вводит эпизод посещения Сохатым и Жуканцом сестры Врубеля: «Прелестная старинная женщина, сестра художника, единственная опора его в годы тяжелой болезни, показала странное полотно непонятных по форме, но полных глубочайшей жизни сине-зелёных пятен.

– Это он написал русалок и замазал. Не понравилось. А ведь чувствуешь их здесь: я люблю эту вещь. <...> И рассказала сестра художника о том, как он, слепой, там, в сумасшедшем доме, ужасно страдал». Страдания художника вызваны были осознанием своей вины в том, «что он выпустил в мир на свободу какое-то плененное зло, ... тот соблазн, который ... через картину его вошёл в мир. Сам же "Демон" ему чудился весь исполосован глубокими трещинами, уходящими куда-то в недра земли Из трещин выползали огромные мокрицы. Часами он их смахивал и плакал...» [10, с. 172]. Слёзы сломленного жизнью гения – результат многолетней изнуряющей душу и тело работы живописца и не менее мучительной внутренней борьбы творца, посягнувшего на вековые церковные догмы.

К мысли об ответственности художника за свои творения писательница не раз обратится в романах «Современники», «Ворон». В окончательный вариант текста «Ворон» не вошла фантастическая сцена, где ожившие персонажи «Ревизора» и «Мёртвых душ» участвуют в эксгумации праха Гоголя, вершат суд над своим создателем: «Великий художник дал бессмертие мёртвым, и мёртвые мстили творцу за то, что лишены были своих могил» [10, с. 357].

Размышляя о «муках творчества», Форш никогда не забывала о власти творчества над одарёнными, не позволяющими им оставить этот путь без чувства внутреннего опустошения. По её убеждению, искусство настоящее никогда не оставляет человека равнодушным, оно воздействует на его душу, преображая и возвышая её. В очерке об испанском художнике Игнацио Зулоага (1914 г.) начинающая писательница воплотила свои мысли о силе воздействия произведений подлинного искусства в следующей сентенции: «В Эрмитаже есть вещи такой заражающей жизни, что едва к ним подойдешь, и с чем бы "своим" ни подошёл, они ударят, вберут в себя, они не у зрителя потребуют времени для своего постижения, а его самого, выхватят из времени, отменяя всякие подготовительные работы и хитрый Эвклидов ум. Это картины-маяки. В них, кроме совершенств живописных, есть ещё какие-то указания для сложных тайн и глубин человека, кроме эстетического камертона и «чуда во времени» в них есть и нечто для всех и навсегда; отсюда неослабевающая магия этих картин» [7, с. 117].

«Магия картин» повлияла на художественную манеру Форш. В её повествовании легко обнаруживаются стилистические параллели с искусством мастеров кисти, отчётливо ощущаются колористические и композиционные принципы живописи. Вот созданный ею образ лета, годами сохраняемые запахи, звуки, краски: Девочка «жила в городе Северного Кавказа, где цвело много каштанов и белых акаций, которые сладко пахли на высоком бульваре». В детском сознании навсегда закрепились «гора из

арбузов» на базаре, «куски ярко-жёлтого масла, слабо пахнувшего чесноком», их продавали немцы-колонисты. «Масло из этого молока, намазанное на чёрный хлеб, превращало его сразу в бутерброд с колбасой» [6, т. 8, с. 358]. Перед нами земля в момент расцвета, в этот мир вовлекаются люди, трава, коровы, поля... Они интересны и сами по себе, и как проявление силы жизни, постоянно и таинственно возобновляющейся. Детская радость от увиденного описана языком цвета: тёплые живые краски передают жаркую свежесть дня, каждый цвет излучает энергию, придаёт предметам материальную ощутимость, рождает восхищённое отношение к существу.

Творческой манере Форш свойственна большая точность – тональная, цветовая. Она заставляет читателя увидеть мир через цвет, через колорит, воссоздаёт психологическую атмосферу происходящего.

Характерна в этом плане зарисовка сцены в парижском кабаре («Куклы Парижа»): «В сизой мгле сигаретного дыма многосводные потолки свесились ниже. Под ними, как сигналы в тумане, то тут, то там огоньки папирос. Лица людей синевато-бледны. Только губы у женщин, то и дело обновляемые краской, извиваются в смехе, как красные пиявки» [6, т. 7, с. 177]. Здесь нет авторских комментариев, да они и не нужны; здесь всё решает цвет: «сизая мгла сигаретного дыма», ввевшаяся во всё, и губы-пиявки, пробивающие эту мглу, достоверно передают атмосферу порока и грязи. В этих образцах словесной живописи Форш использовала статический принцип изображения, а губы извиваются, как пиявки, – синтез статики и динамики.

Существует расхожее мнение, что содержание картин живописцев – это остановленное мгновение, что в них царствует статика, что они «просятся» в раму. Это не совсем так, вернее – не у всех так. Многие художники XIX-XX вв. умели схватывать движение жизни. Достаточно вспомнить картину А. Рылова «В голубом просторе», заставляющую ощущать ветер от пролетающей стаи птиц, или суриковские «Переход Суворова через Альпы» и «Взятие снежного города», где зритель готов был отпрянуть от лавины несущихся на полотне людей. Форш тоже любила изображать людей на фоне беспокойной природы. В Италии, например, её поразил маленький городок Позитано («В автомобиле»): «Он – на высоких лилово-жёлтых скалах и так как сам вылеплен из камней этих скал, то кажется их причудливым продолжением» [6, т. 7, с. 241]. Позитано предстал перед путешественниками неподвижной кучей домов, где нет ни электричества, ни воды. Но кто-то вспомнил, что «Позитано когда-то был очень важным портом <...>. У него кругом горы, и под их защитой он как в ладони. Если подымет ветер, он прыгает этому городу буквально через голову, как пловец с высоты». А женщина, которая несла по здешнему обычаю корзину с мандаринами на голове, прибавила:

– В Позитано, синьоры, приезжать надо весной, когда цветёт жёлтый дрок. Он покрывает сплошь, как золотым покрывалом, все горы. И город выходит – в корзине цветов <...>.

Ещё сказал старик: «Какой бы знаменитый мог быть тут курорт...» [6, т. 7, с. 242, 243].

Динамика картины – ветер, который прыгает городу через голову,

женщина, несущая корзину с мандаринами... Изображение полно жизни. Перед глазами читателя возникает картина превращения полумёртвого города в цветущий город-сад, и по мере этого превращения, время ощутимо перетекает то в прошлое, то в будущее. Визуализация невидимого – прием, к которому Форш часто прибегала для создания объемного изображения.

Привлекали Форш и композиционные принципы живописи, характерные для творческой манеры К. Петрова-Водкина, а именно «сферическая перспектива». Впервые вопрос о влиянии «сферической перспективы» на эстетику Форш подняла А. Тамарченко [5], которая уловила связь между картиной Петрова-Водкина «Полдень» и некоторыми пространственными решениями в прозе Форш. Эту связь отмечала и сама писательница: «Секрет обаяния живописных работ К. Петрова-Водкина в том, что их познаёшь как новую пространственную действительность, без всякой картинной плоскости, без ограничения рамой» [8, с. 256]. По её мнению, художник стремится объять необъятное, передать «ритм пространства», «разрушить пограничные столбы времени», показать «космическую непрерывность жизни»: «В «Полдне» закреплено незакрепляемое. Здесь вызван и схвачен тот, не слышный уху, не видимый глазу, утраченный в мелочи, в суете ритм пространства, навевший поэту «алмазные строки»: «Без руля и без ветрил, // Тихо плавают в тумане // Хоры стройные светил» [8, с. 257].

Стремление и способность Петрова-Водкина вместить в пространство картины огромное мировое пространство были очень близки Форш. В романе «Сумасшедший корабль», она

предлагает читателю свою словесную картину, по технике исполнения похожую на «Полдень»: «Это *плоскогорье* у самой вершины снежных хребтов. <...> Из *ледников* Гаварни могучей струёй вниз падает *пышный водопад*. Он, дважды ударяясь *о скалы*, наконец, прыгает *в бездну* уже не водной струей, а как если бы великан из гигантского pulverизатора его выдул нежным вуалем из искр, не колеблемым ветром и преломляющим радуго. Из *вечных льдов* Пиренеев течёт *бурный Гав*. Как на картине Айвазовского, у него вымышленный колорит зелено-бирюзовой голубизны и прозрачность стекла. И *камни*. Вокруг каждого ткёт бурливый поток белую пряжу. Вода, подмывая деревья, то растекается *сеткою мелких ручьёв*, то собирается в *полноводный студёный канал цвета тёмного изумруда*» [курсив мой. – Е. К.].

На фоне вечной природы «восходят из долины к террасам англичане, аббаты, экскурсии и ослы. Всё существует, не скрытое горизонтами, и кажется построенным, как «Полдень», в бесперспективном китайском письме» [10, с. 114]. Ничего не ускользает от взгляда художника, рядом сосуществуют вечное и преходящее, как в другом месте писала об этой картине Форш: «всё равноценно, всё под солнцем, всё сгармонизовано. Жизнь каждого с жизнью «мирской» [8, с. 256].

В «Сумасшедшем корабле» воплощена одна из главных философских идей Петрова-Водкина – «сопричастность огромному миру Вселенной» [3, с. 324]. В этом романе, так же, как в петрово-водкинских картинах, сложно найти и обозначить центр. Его (романа) действительность – это не одна страна, не один город, а весь мир, преобразённый ав-

торскими представлениями о нём. Форш помещает в него весь свой накопленный к тридцатым годам жизненный багаж, который формировала у неё русская литература, в частности, М.Ю. Лермонтов, гениально угадавший: «спит земля в сиянье голубом», и – русская иконопись. Возможно, всё это подготовило Форш к восприятию сферического пространства Петрова-Водкина.

Проблемы психологизма, занимавшие Форш, позволили ей верно уловить основной нерв картин В. Серова и утвердиться в своих поисках: «Почти все его портреты за немногими исключениями оставляют жизнь закреплённого в них человека его собственной, единственной и сложной жизнью...» [9, с. 14]. Как отмечает Е.М. Аллёнова, Серов «заставляет помнить, что рисунок – в первую очередь средство не создания «героических образов», а передачи «трепета душевной жизни» [1]. Стремилась к изображению «трепета душевной жизни» и Форш. Это заметно в созданных ею словесных портретах В. Маяковского, Т. Шевченко, А. Суворова, Е. Пугачёва, А. Ради-

цева, императрицы Екатерины, графа Потёмкина, М. Бейдемана, Павла I, Н. Гоголя, П. Чистякова, А. Иванова, архитектора В. Баженова и многих других. Одних она могла наблюдать сама, а других изображала, основываясь на изучении архивных данных, имеющихся живописных портретов.

Форш писала: «В работе над словом самое трудное и тонкое качество – становиться у источника первым. Пить пусть из собственной пригоршни, но ни как из чужого ковша, будь он из «толстовского музея» или «пушкинского дома»; главное – «наличность своих глаз и слов, своих встреч с людьми и миром. Наличие собственной пригоршни вместо чужих ковшей» [6, т. 7, с. 535]. Такой пригоршней для Форш являлся её талант живописного слова. Он был дарован ей природой и обогащён погружением в глубокие пласты культуры. Мир художественных произведений Форш не скопирован с чужих образцов, он не переводная картинка. Это мир, увиденный её глазами, созданный её словами, возникший в результате её встреч с людьми.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аллёнова Е.М. Валентин Александрович Серов. Биография. Жизнь и творчество [Электронный ресурс]. URL: <http://vserov.ru/biography5.php> (дата обращения: 24.05.2015).
2. Дмитриева Н.А. Изображение и слово. М.: Искусство, 1962. 317 с.
3. Мочалов Л.В. Пространство мира и пространство картины. Очерки о языке живописи. М.: Советский художник, 1983. 375 с.
4. Петров-Водкин К.С. Письма. Статьи. Выступления. Документы / Авт.-сост. Е.Н. Селизарова. М.: Советский художник, 1991. 383 с.
5. Тамарченко А.В. Ольга Форш. Жизнь. Личность. Творчество. Л.: Советский писатель, 1974. 530 с.
6. Форш О. Собр. соч.: В 8 т. М.-Л.: Художественная литература, 1962; 1964. Далее ссылки на данное издание.
7. Форш О. Игнацио Зулоага [Испанский художник] // Современник. 1914. Кн. 7, апрель. С. 117–122. Подпись: Шах-Эддин.

8. Форш О. О себе, Петрове-Водкине и Читателе // Вопросы литературы. 1978. № 6. С. 250–257.
9. Форш О. Серов В.А. (По поводу посмертной выставки его картин) // Заветы. 1914. № 1. С. 14–17. Подпись: Шах-Эддин.
10. Форш О.Д. Летoshний снег. М.: Правда, 1990. 560 с.
11. Чистяков П.П. Письма, записные книжки, воспоминания. 1832–1919 / Сост., коммент. Э. Белютин, Н. Молева. М.: Искусство, 1953. 592 с.

REFERENCES:

1. Allenova E.M. Valentin Aleksandrovich Serov. Biografiya. ZHizn' i tvorchestvo [Elektronnyi resurs]. [Valentin Alexandrovich Serov. Biography. Life and work [Electronic resource]]. URL: <http://vserov.ru/biography5.php> (request date 24.05.2015)
2. Dmitrieva N.A. Izobrazhenie i slovo [The image and word]. М., Iskusstvo, 1962. 317 p.
3. Mochalov L.V. Prostranstvo mira i prostranstvo kartiny. Oчерки o yazyke zhivopisi [Space peace and space of the picture. Essays on the language of painting]. М., Sovetskii khudozhnik, 1983. 375 p.
4. Petrov-Vodkin K.S. Pis'ma. Stat'i. Vystupleniya. Dokumenty / Avt.-sost. E.N. Selizarova [Letters. Article. Performances. Documents / Auth.-comp. E.N. Selizarova]. М., Sovetskii khudozhnik, 1991. 383 p.
5. Tamarchenko A.V. Ol'ga Forsh. ZHizn'. Lichnost'. Tvorchestvo [Olga Forsh. Life. Personality. Creativity]. Л., Sovetskii pisatel', 1974. 530 p.
6. Forsh O. Sobr. soch.: v 8 t. [Coll. works: in 8 vols]. М.-Л., Khudozhestvennaya literatura, 1962; 1964.
7. Forsh O. Ignatsio Zuloaga [Ispanskii khudozhnik] [Ignazio Zuloaga [Spanish artist]] // Sovremennik. Kn. 7, aprel' [Contemporary. B. 7, April]. 1914. pp. 117–122.
8. Forsh O. O sebe, Petrove-Vodkine i Chitatele [About yourself, Petrov-Vodkin and the Reader] // Voprosy literatury. 1978. no. 6. pp. 250–257.
9. Forsh O. Serov V.A. (Po povodu posmertnoi vystavki ego kartin) [Serov V. A. (concerning a posthumous exhibition of his paintings)] // Zavety. 1914. no. 1. pp. 14–17.
10. Forsh O.D. Letoshnii снег [Letosni snow]. М., Pravda, 1990. 560 p.
11. Chistyakov P.P. Pis'ma, zapisnye knizhki, vospominaniya. 1832–1919 / Sost., komment. E. Belyutin, N. Moleva [Letters, notebooks, memoirs. 1832–1919 / Comp. and comm. by E. Belyutin, N. Moleva]. М., Iskusstvo, 1953. 592 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Князева Елена Петровна - аспирант кафедры методики преподавания русского языка и литературы Института филологии и журналистики; e-mail: knyaz.elen@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena Knyazeva – postgraduate student at the department of Methods of teaching the Russian language and literature of the Institute of Philology and Journalism; e-mail: knyaz.elen@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Князева Е. П. «... Из всех искусств мне живопись ближе всего...» (Ольга Форш о художниках и о себе) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 1. С. 126–134.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-126-134

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

E. Knyazeva. "...OF ALL THE ARTS PAINTING IS THE CLOSEST ONE TO ME..." (OLGA FORSH ABOUT PAINTERS AND HERSELF) // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. № 1. P. 126–134.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-126-134

УДК 812.161.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-135-141

ЖУРНАЛ «КУРСКИЙ ТЕАТР» В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА

Михайлова И.П.

Курский государственный университет

305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 33, Российская Федерация

Аннотация. Статья раскрывает значение журнала «Курский театр» в формировании локальной литературной традиции. Журнал, издававшийся в Курске в 1915-1916 гг. под редакцией И.Д. Стрельского, охватывал все стороны художественной жизни губернии, откликался на каждое явление в области искусства, знакомил читателей с произведениями литературы разных жанров. В статье выявляются особенности «Курского театра» как первого опыта издания в Курске еженедельного художественно-иллюстрированного журнала.

Ключевые слова: поэты Курского края, поэтические отклики, сострадание, трагические события, Первая мировая война.

«KURSK THEATRE» MAGAZINE IN THE CULTURAL SPACE OF THE PROVINCIAL TOWN

I. Mikhaylova

Kursk State University

Radishchev St., 33, Kursk, Russia, 305000

Abstract. The article reveals «Kursk theatre» magazine's meaning in the formation of the local literature tradition. The magazine, published in Kursk in 1915-1916 edited by I. Strelskiy, covered all the aspects of artistic life of the region, it spoke about any innovation in the sphere of art, it gave the readers an opportunity to get acquainted with the literature of different genres. The peculiarities of «Kursk theatre» as the first edition of weekly artistic illustrated magazine are described in the article.

Keywords: poets of Kursk region, poetic responses, compassion, tragic events, the First World war.

Литературная жизнь Курской губернии 10-х годов XX столетия была наглядно представлена на страницах местной печати: газеты различной направленности – «Курские епархиальные ведомости», «Курские губернские ведомости», «Курская газета», «Курская быль», «Родная сторона» и другие, активно издававшиеся в этот период, наряду с публикацией материалов на злобу дня охотно включали стихи и прозу курских авторов. Значительный вклад в формирование локальной

литературной традиции внёс журнал «Курский театр», еженедельное художественно-иллюстрированное издание, позже переименованное в «Курский театр и жизнь». Первый номер вышел 17 мая 1915 г., последний – 8 мая 1916 г. (Всего состоялось 33 выпуска в 1915 г., 15 выпусков – в 1916 г., тираж 500 экземпляров). Руководство «Курского театра», обращаясь с приветственным словом к читателям, так сформулировало основную задачу: «Придавая большое воспитательно-общественное значение театру, мы все силы наши направим на исключительное служение театральному делу в Курске. Беспристрастное освещение вопросов, связанных с театральным делом – вот тот стимул, которым преисполнены наши стремления» [6, с. 3]. В дальнейших обращениях к читателям неоднократно подчеркивалось, что журнал открывает «страницы своего издания всякому дельному разумному слову», предполагая освещать «явления общественной жизни вне всякого политиканства влево или вправо» [6, с. 7]. Появление журнала вызвало общественный интерес: «симпатии курян <...> выразились и в том, что издание, выпущенное в значительном количестве экземпляров, уже на второй день на выходе его в свет – разошлось без остатка <...>; идя навстречу высказанным пожеланиям, редакция решила увеличить размер издания, по возможности иллюстрировать его портретами и рисунками» [5, с. 7]. Время показало, что обещанное было выполнено: содержание журнала и его оформление полностью отвечали поставленным целям.

Довольно скоро «Курский театр» приобрёл репутацию влиятельного и

популярного журнала, который, как писал Н.И. Златоверховников, «высоко держа светоч вечно прекрасного искусства, его живительными лучами согревал смятенные души, ровно и мягко освещал тёмные углы действительности и своим благородным начинаниям снискал постоянные и прочные симпатии многочисленных почитателей» [2, с. 10]. Данная оценка несколько восторженна, но вполне обоснована. Действительно, «Курский театр», охватывая все стороны художественной жизни в губернии, чутко откликался на каждое явление культуры: концерты и музыкальные вечера, выставки картин и лекции об искусстве. Кроме того, он знакомил читателей с публицистическими и художественными произведениями как местных авторов, так и писателей Москвы и Петрограда.

Журнал, хотя и не строго, всё-таки придерживался рубрикации: всегда освещались новости дня Курского драматического театра – от анонсов спектаклей и концертов, программ гастролей театральных коллективов в Курске до событий музыкальной и театральной жизни в столичных и провинциальных городах; от городских известий и рекламных объявлений до обзора значительных новостей местной культурной жизни, где собственно литературные страницы (беллетристика, поэзия) мирно уживались с критическими заметками и театральными рецензиями. Таким образом, как отметил Н. Яковлев, один из сотрудников журнала, «Курский театр» стал тем «центром, откуда <...> вливались в широкие массы читателей ясные и определённые понятия о художественном творчестве, его задачах и целях, о современных принципах этого творче-

ства, о его значении в сфере трудовой жизни, обо всех замечательных явлениях современного искусства» [9, с. 5].

Издателем «Курского театра» была Пелагея Дмитриевна Дементьева, редактором – её брат Илья Дмитриевич Стрельский (псевдонимы: И.Д. Стрелков-Стрельский, Тиевич, Татьяна, И.С., И. С-кий). Первые публикации И.Д. Стрельского относятся к концу 1889 г., когда он 19-летним юношей начал работать в газете «Курский листок». В последующие годы значительно расширились рамки его литературной деятельности, и помимо статей о местных начинаниях в области культуры он писал стихи и рассказы. В 1903 г. в Курске И.Д. Стрельский как редактор издал два сборника – «Отражения» и «Проблески», в которые вошли стихотворения и рассказы преимущественно начинающих авторов. В 1913 г. им был организован выпуск «Путеводителя и делового справочника по г. Курску», включившего статьи литературно-художественного и археологического характера. Кроме того, Стрельский сотрудничал с курскими, харьковскими, столичными газетами, а также со специализированными музыкально-театральными изданиями такими, как «Друг Артистов», «Артист и Сцена», «Музыка и Жизнь», «Рампа и Жизнь» и другие. Но главным делом Стрельского стало издание «Курского театра». Здесь, в публикуемых на страницах журнала театральные рецензии, очерках, заметках «по поводу», в полной мере проявились его разносторонние способности журналиста, а издательский опыт и организаторский талант помогли ему привлечь к работе не только курских авторов, среди которых были В.Я. Морозов (Von ami),

А.В. Щерба, Н.К. Андреев, Э.М. Плевицкий, Н.Н. Арбенин, Барон Алексей Гиллесем (А.Н. Г.), но и столичных литераторов, художников: Е.П. Иванова, В.К. Эрманса, Е. Мансфельда, М.М. Полонского, И.А. Дынина и других. В критериях отбора произведений для своего журнала Стрельский ориентировался на лучшие классические традиции русской журналистики и литературы, он стремился поддерживать талантливых поэтов и писателей, независимо от того, к какому течению и направлению они принадлежали, руководствовался в оценке материалов художественным чутьём, принимая и модернистские концепции, и принципы реализма. В решении многих жизненных вопросов «Курского театра» Стрельскому принадлежала ведущая роль, поэтому вполне закономерно, что, когда его в мае 1916 года призвали на воинскую службу, выпуск журнала прекратился. К тому же и финансовые возможности для издания были исчерпаны.

Следует отметить, что «Курский театр», подобно другим журналам, издававшимся в 10-е годы XX века в провинциальных городах России, имея ярко выраженную театральную специфику, тем не менее, отражал не только узко профессиональные проблемы театра: на его страницах обсуждались злободневные общественные и хозяйственные дела, коммерческие вопросы, историко-краеведческие находки. Журнал реагировал заинтересованно и оперативно на социально важные темы повседневной жизни курян: критиковались и освещение города, («когда фонари горят так, как им хочется, а – не как обывателю» [3, с.7]), и работа городского транспорта

(«ненормальность движения прямо-таки поразительна. Хочешь, например, ехать к Московским воротам, а все вагоны как на зло идут к Херсонским – или наоборот <...>; курские трамваи скрипят, трещат, медленно продвигаются вперед. Удобств никаких, хотя доходы немалые» [3, с. 7]); привлекалось внимание «к улучшению жизни и быта горожан», например, в одном из номеров описывалось положение мелких чиновников некоторых правительственных учреждений, «подчас голодающих и чуть ли не нищенствующих <...>, когда любая прислуга находится в гораздо лучших условиях» [5, с. 8]. И таких «больных» тем, которые становились предметом обсуждения на страницах издания, было немало.

По мере развития журнала совершенствовалась подача в нём материала. В числе злободневных и интересно поданных – очерки о сохранении нравственных ориентиров, как-то: «Воспоминания – вечная лампада», «Жив дух человеческий» А.Г. Раевского и «Городской антрепренёр» А.А. Танкова, философские миниатюры «Безусловно» и «Неизбежно» В.Я. Морозова (*Von ami*), статья «Война и Шаляпин» Бен Акбера и цикл очерков, посвящённых певице Надежде Плевицкой, И.Д. Стрельского.

Среди известных авторов, которых редакция журнала привлекла к сотрудничеству, следует назвать Ивана Александровича Купчинского, уроженца Курска, драматурга, беллетриста, мемуариста. Страстный поклонник и знаток театра, Купчинский всю жизнь писал для сцены, его комедия «И в руках было, да сплыло» шла в Малом театре в Москве, несколько пьес – на сцене провинциальных театров, в том

числе и в Курске. Один из номеров издания (№ 14, 1915 г.) редакция посвятила 70-летию Купчинского, поместив его биографию, фотопортрет (на сегодня единственное сохранившееся фото писателя), также были опубликованы очерки Купчинского «Из прошлого Курского театра», «Воспоминания об А.Н. Островском» (№ 14, № 15, № 33, 1915 г.).

Сотрудничал с журналом талантливый московский драматург, критик В.К. Эрсман, он специально для «Курского театра» написал этюд «Она была актриса», рассказывающий о героине, самоотверженно преданной театру, жертвующей ради него личной жизнью; в первом номере за 1916 год опубликована его рождественская миниатюра «Ёлки».

Ещё одной отличительной чертой журнала было разнообразие материалов, отразивших патриотический подъём, охвативший русское общество в годы первой мировой войны. Авторы «Курского театра», в их числе М. Кривицкий, Н.Н. Арбенин (Антей), Е. Шумская, А. Ушакова, А.Г. Раевский, стремясь способствовать укреплению у читателей чувства патриотизма, освещали на страницах издания тему войны «как всенародного подвига, поднимающего дух нации на небывалую высоту» [6, с. 2]. В то же время их произведения, являвшиеся эмоциональным откликом на события, отражали духовную атмосферу времени и формировали в сознании рядового обывателя образ войны.

Заслуживают внимания присланные с фронта «окопные» стихи В. Вячеславского (псевдоним поэта, беллетриста Виталия Вячеславовича Висчинского), в которых тесно спле-

лись в изображении войны героическое и трагическое начало, страдания и надежда:

*В тот вечер образок на ленточке
зелёной,*

*Мне дрогнувшей рукой повесила на
грудь:*

*«Пусть он тебя хранит, пусть кро-
вью обагрённый,*

*Счастливым для тебя далёкий бу-
дет путь».*

*И вот теперь один, отмеченный
судьбою,*

*Иду, а смерть вокруг, смеясь, пле-
тёт венки...*

*И свято я храню надетый мне то-
бою,*

*В последний вечер тот прощальный
образок [1, с.12].*

Поэт убеждён, что при всех одержанных победах и высоких целях война представляет собой противоестественное состояние для человека. И, как следствие тому, следы, оставленные ею: бесчисленные могилы убитых на земле, где шли бои, и незажившие раны в душе тех, кто остался жив:

*Вот виден крест в кустах, там све-
жая могила.*

*И мимо, серебрясь, бежит река из
гор,*

*Кого же здесь судьба за храбрость
обвинила,*

*Безжалостно исполнив страшный
приговор? [1, с.12]*

На венгерской земле, в перерывах между боями, были написаны элегии Николая Фотиева «Когда мы были мо-

лоды» и «Красные маки», с одной стороны, наполненные ощущением драматизма бытия, с другой – состраданием к человеку, ставшему жертвой беспощадной силы: «мой голос заглушается рёвом орудий и тихо, тихо тоскует о прошлом <...> Это уже не радостные гимны о будущности, а крики ослепших от безумной злобы людей, безумные крики <...> Жизнь светлая, радостная, прекрасная! Где ты? Где же твои высокие порывы? Разве они были созданы для того, чтобы замолкнуть навсегда здесь, в окопах?» [8, с. 11]. В произведениях Фотиева внимание было уделено не описанию сражений и подвигов воинов, а обращено к внутреннему миру человека, ввергнутому в бедствие разразившейся военной катастрофы [4].

Итак, на протяжении своего недолгого существования «Курский театр», сохраняя специфику, оставался журналом, включавшим произведения художественной литературы, критики, публицистики. Он превратился в творческий и культурный центр, собравший литераторов разных воззрений, стал первым опытом издания еженедельного художественно-иллюстрированного журнала в Курской губернии, что явилось событием для провинции по тому времени неординарным. Справедливо прозвучала оценка, данная журналу бессменным его редактором: «...это путеводная звёздочка на тусклом нашем небосклоне, это светлый луч в нашей серенькой провинциальной жизни, это призывной огонёк для сближения местной интеллигенции» [7, с. 5].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вячеславский В.В. Стихи // Курский театр. Курск, 1915. № 8. С. 12.
2. Златоверховников Н.И. Отзыв о журнале // Курский театр, Курск, 1916. № 1. С. 10.
3. Iqrek (псевдоним неизвестного автора). Мелочи и не мелочи // Курский театр. Курск, 1916. № 14. С. 7.
4. Михайлова И.П. Отклик на события первой мировой войны в журнале «Курский театр» [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал Курского государственного университета. URL: <http://www.scientificnotes.ru/index.php?page=6&new=34>
5. Iqrek (псевдоним неизвестного автора). Позабытые // Курский театр. Курск, 1916. № 14. С. 8.
6. Обращение редакции к читателям // Курский театр. Курск, 1915. № 1. С. 3; 1916. № 4. С. 7.
7. Стрельский И.Д. Отзыв о журнале // Курский театр. Курск, 1916. №1. С. 2.; 1915. № 2. С. 5.
8. Фотиев Н. Когда мы были молоды // Курский театр. Курск, 1915. № 15. С. 11.
9. Яковлев Н. Отзыв о журнале // Курский театр. Курск. 1915, № 2. С. 5.

REFERENCES:

1. Vyacheslavskii V.V. Stikhi [Poems] // Kurskii teatr. Kursk. 1915. no. 8. p. 12.
2. Zlatoverkhovnikov N.I. Otzyv o zhurnale [Feedback about the magazine] // Kurskii teatr, Kursk. 1916. no. 1. p. 10.
3. Iqrek (psevdonom neizvestnogo avtora). Melochi i ne melochi [Iqrek (pseudonym of the unknown author). Trivia and non-trivia] // Kurskii teatr. Kursk. 1916. no. 14. p. 7.
4. Mikhailova I.P. Otklik na sobytiya pervoi mirovoi voiny v zhurnale «Kurskii teatr» [Elektronnyi resurs] [A response to the events of the first world war in magazine «Kursk theatre» [Electronic resource]] // Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta [Electronic scientific journal of the Kursk state University]. URL: <http://www.scientificnotes.ru/index.php?page=6&new=34>
5. Iqrek (psevdonom neizvestnogo avtora). Pozabytye [Iqrek (pseudonym of the unknown author). Forgotten] // Kurskii teatr. Kursk. 1916. no. 14. pp. 8.
6. Obrashchenie redaktsii k chitatel'nyam [The circulation of the publication to readers] // Kurskii teatr. Kursk, 1915. no. 1. p. 3; 1916. no. 4. p. 7.
7. Strel'skii I.D. Otzyv o zhurnale [Feedback about the magazine] // Kurskii teatr. Kursk, 1916. no. 1. p. 2.; 1915. no. 2. p. 5.
8. Fotiev N. Kogda my byli molody [When we were young] // Kurskii teatr. Kursk. 1915. no. 15. p. 11.
9. Yakovlev N. Otzyv o zhurnale [Feedback about the magazine] // Kurskii teatr. Kursk. 1915. no. 2. p. 5.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлова Ирина Петровна - кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Курского государственного университета; e-mail: mihailovairin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina Mikhailova – candidate of philological sciences, associate professor at the department of Literature in Kursk State University; e-mail: mihailovairin@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Михайлова И.П. Журнал «Курский театр» в культурном пространстве провинциального города // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 1. С. 135–141.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-135-141

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

I. Mikhaylova. «KURSK THEATRE» MAGAZINE IN THE CULTURAL SPACE OF THE PROVINCIAL TOWN // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. № 1. P. 135–141.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-135-141

УДК 821.112.2(436)

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-142-150

ОБРАЗ КНИГИ В НРАВСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ АВСТРИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX ВЕКА

Стрельникова А.А.

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется место книги в нравственно-эстетической системе ценностей австрийской культуры XIX века на основе исследования произведений австрийской литературы. В творчестве австрийских писателей А. Штифтера, Ф. фон Заара, П. Розеггера, М. фон Эбнер-Эшенбах образ книги становится важной смысловой частью художественного мира, проясняя авторское мировоззрение, духовные и эстетические ориентиры австрийской культуры. Рассмотрено взаимодействие книги с традиционными ценностями австрийской культуры – музыкой и живым словом, а также роль книги в образовании и воспитании.

Ключевые слова: книга, нравственно-эстетические ценности, австрийская культура, австрийская литература, бидермайер.

THE IMAGE OF THE BOOK IN THE ETHICAL AND AESTHETIC AXIOLOGICAL SYSTEM OF AUSTRIAN WRITERS OF THE 19TH CENTURY

A. Strelnikova

Moscow State Regional University

Radio St., 10a, Moscow, Russia, 105005

Abstract. The article analyses the place of the book in the ethical and aesthetic axiological system of Austrian culture of the 19th century on the basis of a study of Austrian literary works. In the works of the Austrian writers A. Stifter, F. von Saar, P. Rosegger, M. Ebner von Eschenbach, the image of the book becomes an important part of the artistic sense of the world, clarifying the author's worldview, spiritual and aesthetic guidelines of the Austrian culture. The article deals with the interaction of the book with the traditional values of Austrian culture such as the music and the spoken word, as well as the role of books in the upbringing and education.

Keywords: the book, ethical and aesthetic values, Austrian culture, Austrian literature, Biedermeier.

Литература Австрии XIX века может быть уподоблена тем таинственным камням-самородкам, естественная красота которых не бросается сразу в глаза, а открывается постепенно. Венский классик того времени Франц Грильпарцер (Franz Grillparzer) назвал основным качеством австрийской словесности скром-

ность. Во многом австрийское литературное наследие XIX в. осталось недооценённым. Между тем, в нём на редкость ясно проступает система ценностей, которые неразрывно связаны с вопросами культуры, образования, воспитания.

В этой системе ценностей книга занимает место сколь особое, столь и неожиданное. Необходимо вспомнить, что художественная словесность сложилась в Австрии довольно поздно. Вена к началу XIX века была известна как столица музыки и театра, но не литературы. Однако в течение XIX столетия появляются писатели, которые в своих произведениях создают ненавязчивые, но вполне ясные модели взаимоотношений, воспитания, образования, построенные на доверии и уважении. Среди первых австрийских авторов, сформировавших этические идеалы, можно назвать Франца Грильпарцера, Адальберта Штифтера (Adalbert Stifter), Фердинанда фон Заара (Ferdinand von Saar), Петера Розеггера (Peter Rosegger), Марию фон Эбнер-Эшенбах (Marie Ebner von Eschenbach).

В отличие от протестантской Германии с её пиететом перед печатным словом, в католической Австрии большее доверие вызывало слово звучащее и живая речь. К этому располагала и австрийская музыкальность, и многоголосие, привычное австрийцу: немецкая, чешская, словенская, венгерская речь звучала повсеместно, особенно в Вене.

Герои и персонажи австрийских авторов представлены несравненно чаще говорящими, слушающими или беседующими, чем читающими. Так, в рассказе Ф. фон Заара «Иннокентий» («Innocens», 1866) первое и глубочайшее

впечатление на повествователя производит в Праге проповедь на чешском языке, которая кажется ему «неведомой музыкой», проникающей в самое сердце. Характерен один из эпизодов рассказа: незнакомые между собой повествователь и монах оказываются в беседе, каждый за чтением своей книги. «...Непростительно, что нас обоих так привлекает слово печатное и мы пренебрегаем живым, а им-то нам надлежит пользоваться прежде всего» [2, с. 240], — замечает вскоре монах, после чего слово рассказчика переходит к нему, и мы узнаём историю его печальной любви и самоотречения. Уверенность в ценности живого, звучащего слова заметна во всех произведениях австрийских писателей.

Книга занимает в доме героев место, рядоположное картинам, научным коллекциям, музыкальным инструментам. Но как только книга попадает в руки персонажа, она обретает для него особое значение: становится его собеседником, другом. Книга часто нераздельно связана с уединением героя и с природой — её читают под яблоней, под липой, на высоком берегу реки. Как правило, это непростые ситуации в жизни героя, когда он должен принять решение, так что он словно ищет в книге ответы на свои вопросы и прислушивается к собственной душе. Остаться наедине с книгой - значит остаться наедине с природой и собой. С другой стороны, ещё чаще в рассказах австрийских писателей книгу читают вслух, обычно в дружеском или семейном кругу. На несколько часов книга объединяет всех слушателей, и при таких чтениях всегда подчёркивается общность чувств. Так, в повести А. Штифтера «Пёстрые камешки»

(«Bunte Steine», 1853) при чтении вслух молодые слушатели, обычно внешне сдержанные, не могут скрыть своих переживаний. Воздействие на персонажей книги, слово которой звучит, можно сравнить только с воздействием музыки.

Когда упоминается книга, вовсе не всегда нам становится известен её автор или название. Напротив, гораздо чаще книга остаётся неназванной. Однако если её автор указан, то это имеет важное значение для создания образа героя. Так, в рассказе М.Г. Заффира (Moritz Gottlieb Saphir) «Цыганка» («Die Zigeunerin») у героя-путника в карманах нет ничего, кроме «томика Руссо, складного ножа и носового платка» [3, с. 140]. Французский писатель Жан-Жак Руссо, создавший образ естественного человека, мечтателя, близкого к природе, как нельзя более соответствует содержанию рассказа, в котором речь идёт о цыганском таборе и свободе. После того, как табор неожиданно уходит, герой тоже снимается с места и отправляется в путь, как будто усвоив цыганский образ жизни. При этом герой-рассказчик отправляется налегке: всё имущество «поместилось в правом кармане моего сюртука, в левый положил томик Руссо» [3, с. 150]. В повести Штифтера «Пёстрые камешки» по некоторым цитатам можно понять, что автор, книгу которого читают вслух и который произвёл столь сильное впечатление на слушателей, это немецкий писатель Жан Поль. Интересно, что сентименталист Жан Поль, взявший себе этот псевдоним под влиянием Жана-Жака Руссо, воздействует не столько на разум, сколько на чувства слушателей, а власть слова, вызывающего в душах столь возвы-

шенные переживания, сравнивается автором с силой слова проповедника, со словами апостолов и пророков. Как известно, Жан Поль был не слишком благосклонно принят веймарскими классицистами, и воспринимался как своего рода оппонент классицизма. Руссо и Жан Поль появляются в рассказах австрийских писателей во многом как противовес интеллектуальной упорядоченности немецких классицистов, в первую очередь Гёте. Поэтому живое слово, как и музыка, воспринимается не столько разумом, сколько всем существом человека.

Как правило, книги представлены в австрийской прозе не единообразно и играют разную роль в своём воздействии на личность и в авторском восприятии и оценке. Это могут быть художественные книги, книги научные и книги учебные. Первые служат познанию собственной души и мира или помогают героям понять и узнать друг друга. Например, в раннем творчестве А. Штифтера это произведения Жана Поля, рыцарские романы, поэзия Ю. Кернера, в более позднем — в романе «Бабье лето» («Der Nachsommer», 1857) — это книги античных поэтов, Шекспира, Кальдерона, Гёте.

В литературе австрийского бидермайера книга выступает хранительницей памяти рода, она оказывается последним свидетельством фамильной истории, личных переживаний предков героя, о которых остались лишь смутные воспоминания. Обычно это жанр автобиографии, жизнеописания. Книга говорит с персонажем о прошлом тогда, когда все остальные реалии ушедшей эпохи уже молчат, храня свои тайны. Утратив в глазах потомков свой знаковый, смысловой харак-

тер, превратившись в разрозненные и как будто не связанные между собой предметы, они ветшают и безмолвствуют. В найденной (чаще случайно) и извлеченной почти из небытия старинной книге, рукописи подчёркивается её ветхость — пожелтевшие страницы, покрытый толстым слоем пыли и местами истёртый переплет. Писатели и художники бидермайера, жившие в эпоху Реставрации, стремятся удержать и воссоздать прошлое, противопоставив его преходящей современности. Так, на картине известного австрийского художника Ф. Вальдмюллера «Розы в стекле» («Roses in Glass», 1831) изображены розы, чуть тронутые увяданием, свеча в серебряном подсвечнике, украшения с горными камешками и книга. Пожелтевшие и даже отчасти почерневшие страницы, твёрдый добротный переплёт с сильно потускневшим золотым тиснением выдают значительный возраст этого фолианта. Цветущая веточка, лежащая на тёмной обложке, подчёркивает сопротивление книги времени и разрушению.

Представление о книге, как о явлении, способном хранить, возрождать и оживлять прошлое, пронизывает художественный мир А. Шрифтера. В повести «Записки моего прадеда» («Die Mappe meines Urgroßvater», 1841/1842) молодой рассказчик находит на чердаке своего старого дома рукопись, состоящую из нескольких объёмистых тетрадей, скреплённых лентами. Остальные предметы в доме, на чердаке и в сундучке (резное письменное бюро, золочёная статуэтка святой Маргариты, выкройки вышедших из моды платьев) безмолвно доживают свой век, и только книга расскажет ге-

рою о жизни прадеда — деревенского доктора этой лесистой глухой местности. Но прежде чем герой погрузится в жизнеописание своего предка, ему нужно преодолеть немало трудностей, чтобы вызвать голос прадеда из прошлого. Подчёркивается ветхость книги, пыль и паутина, почти совсем скрывшие её, пожелтевшие пергаментные листы, неразборчивый почерк, разница шрифтов. Когда герой находит вложенные в книгу разрозненные записи своего отца, то его охватывает чувство, словно он «нашёл сердце, которое искал двадцать лет кряду, — сердце давно скончавшегося батюшки» [5, с. 42].

Шрифтер подробно описывает найденную книгу прадеда во всей её вещественности, материальности — её кожаный пурпурный переплёт, пружины, медные застёжки, ярко-красные буквы заголовков, пронумерованные страницы. Она выступает поистине сакральной, её постоянно называют «памятной», «заветной» книгой. Задачей героя становится собрать воедино жизнеописание прадеда. Вводная часть «Записок моего прадеда», в которой рассказывается о загадочной находке, называется «Обломки старины» («Die Alterthümer»), и из этих обломков уцелеет, сохранив и раскрыв свою тайну, лишь книга. Она же прояснит значение некоторых предметов в доме (например, статуэтку св. Маргариты). Спасённая от тлена, извлечённая из «хлама» и «рухляди» потерявших свой смысл вещей и предметов, книга способна оживить прошлое вековой давности: перед читателем предстаёт жизнь доктора с её трудностями, сомнениями, переживаниями, ошибками и прозрениями. Вместе с молодым

героем — читателем таинственных записок — погружается в историю жизни доктора и читатель, который держит в руках книгу А. Штифтера, так что перед нами — своего рода книга в книге. Но и всю жизнь человека, всё, что его окружает, Штифтер уподобляет летописи: книга становится важной метафорой всего произведения. Так, с книгой отождествляется старый дом с его давней историей: «сколько горя и радости сокрыто в нечитанных страницах такой истории» [5, с. 34]. Рассказывая внукам о прошлом, вспоминает повзрослевший герой, дед «мысленно углублялся в книгу своей юности» [5, с. 35]. Вся старинная обстановка дома сопоставляется с летописью, которую дети ещё не могут читать, но их память запечатлевает предметы и вещи уклада предков: «мы, дети, вживались в неё, словно в старую книжку с картинками» [5, с. 35].

В повести «Замок дураков» («Die Narrenburg», 1844) молодой герой тоже отправляется в путешествие в прошлое, попадая в опустевший и заброшенный замок, наполненный предметами искусства разных эпох, превратившихся в неупорядоченные «обломки старины», пусть и обладающие высокой эстетической ценностью. Но молодой герой Генрих, который оказывается наследником многовекового рода и замка, проникает в когда-то закрытое и недоступное, а теперь обветшавшее хранилище рукописей предков. Среди глена и разрухи Генрих находит жизнеописания представителей рода. Он читает отрывки автобиографии некоего Йодока, который, в свою очередь, когда-то оказался потомком и наследником фамилии. Как отмечает немецкая исследовательница

повести К. Гэц, «историческая память пробуждается вещественными останками прошлого и крепко держится за них» [1, с. 601], и повествование Штифтера «направлено против преходящего, текущего времени» [1, с. 601]. Способом преодоления времени, реставрации становится для писателя изображение оживших «обломков старины», стремление к упорядочению исторических «руин», хаоса, а образом вневременности оказывается книга.

Книга в системе ценностей австрийской культуры тесно связана с вопросами воспитания и образования. Почти всегда проводится мысль о том, что любая, даже самая великая, книга не может быть единственным средством воспитания нравственности и вкуса человека, и ни одна книга не может заменить живого общения. Книга принесёт больше вреда, чем пользы, по мнению Штифтера, если будет прочитана раньше времени и останется непонятой или будет понята превратно. Худшим вариантом является возможность знакомства ребёнка с лжеискусством, с книгой, в которой нет ни правдивых характеров, ни достойных мыслей. В таком случае, считает писатель и говорит это устами одного из важнейших персонажей своего романа «Бабье лето», лучше, если человек «не будет знать ничего, кроме произведений самой природы», ведь «плохое, выдающее себя за искусство поэзии, очень опасно для молодых» [4, с. 258]. Образ мудрого наставника, который указывает, что именно и в каком порядке следует читать ребёнку или подростку, оказывается в романе очень важным. При этом подчёркивается, что ребёнок пользуется полным доверием и уважением наставника,

который не является ментором, а выступает учителем, ненавязчиво развивающим природные склонности своего ученика. Штифтер, получивший всестороннее образование в гимназии при бенедиктинском монастыре в Кремсмюнстере, всю жизнь был живописцем-пейзажистом, а потом много лет проработал школьным учителем и инспектором венских народных школ, признавал лишь постепенное образование и воспитание, в котором сочетаются духовные и эстетические ориентиры, книга и личный пример. Поэзия, музыка, картины, сад, природа выступают равноправными воспитателями ребёнка.

Научные книги занимают в произведениях австрийцев весьма значительное место. Многие герои — естествоиспытатели, начинающие учёные. Нередко упоминаются книги по математике, философии, естественным наукам, истории. Интересно, что научные штудии обязательно сочетаются у персонажей с чтением художественных произведений, с вниманием к живописи, к музыке. Вопрос об одержимости одной лишь наукой в австрийской литературе XIX века не актуален, поскольку наука и поэзия признаются неразделимыми способами познания мира и человека. Материя никогда не доминирует над духом, находясь с ним в гармонии. Недаром в романе «Бабье лето» герой изучает сначала природу, зарисовывает растения и горные породы, а затем начинает заниматься пейзажной живописью и, наконец, наиболее сложным — портретом. В его дорожных вещах всегда находятся и научные, и художественные книги. Интересно, что в частных библиотеках, о которых упоминается в

рассказах австрийцев, научные и художественные книги соседствуют. И это не может быть случайностью, поскольку всегда отмечается идеальный порядок библиотек. Так, в романе Штифтера книги Гердера, Лессинга, Гёте стоят поблизости от работ А. Гумбольдта.

И, наконец, учебная литература занимает немалое место в австрийском художественном мире. Как правило, в большинстве произведений писателей Австрии с ней связывается нечто принудительное, сухое, педантичное и скучное. Зазубривание не только всегда осознаётся авторами как явление возмутительное, бессмысленное и противоестественное, но и может приводить к трагическим последствиям, поскольку напрямую сопоставлено с унижением и подавлением личности, с недоверием к внутреннему миру, к естественным склонностям и задаткам ребёнка. Чаще всего учебники непосредственно связаны с образом тесной и тёмной комнаты. Если художественные книги, как уже упоминалось, могут читаться под яблоней, под липой, на старой голубятне, то в случае с учебными книгами пространство всегда замкнуто, обстановка нездоровая и полная страха. Как правило, книги эти не обладают своеобразием — они обычно упоминаются как нечто нерасчленённое: «пачка», «стопка», «связка». Если называется предмет этих книг, то это чаще всего латынь или история. Всё здесь внешне будто бы «скопировано» с манеры чтения художественных книг и в то же время перевёрнуто в нравственном и этическом смысле с точностью до наоборот. Так, их читают вслух, но не кому-то, а себе, и это не прекрасное и звучное слово, а однообразное бормотание, не вызы-

вающее никаких чувств; их читают в уединении, но душа не пробуждается, а умерщвляется. В восприятии австрийских авторов это не является нормой, а подаётся как нечто недолжное и недопустимое. Затверживание противопоставлено излюбленной австрийской ценности — игре и импровизации. Музыкальная импровизация, которая в произведениях воспринимается как искусство, не уступающее самым высоким образцам классической музыки, является воплощением внутренней свободы. Книга, в которой ничто не рассчитано на душевный отклик, которая затрагивает в лучшем случае только возможности интеллекта, да и то в самом обеднённом, строго функциональном, смысле этого слова, не может сколько-нибудь благотворно влиять на личность.

Примером верного и естественного обучения, основанного на своего рода импровизации, становится метод хозяина усадьбы в романе «Бабье лето», который занимается со своим приёмным сыном-подростком. Он обходится вовсе без учебных книг — описывает явление, демонстрирует его на примерах своей коллекции, поясняет рисунком. Мальчик записывает затем рассказанное по памяти, а то, что им усвоено, обсуждается в дружеской беседе. При этом язык беседы настолько прост и ясен, что его понял бы и ребёнок.

Пример совсем другого, трагического, исхода обучения, построенного на непонимании и принужденности, дан в рассказе М. фон Эбнер-Эшенбах «Примерный ученик» («Der Vorzugsschüler», 1901). Здесь школьник Георг, по мнению его отца, венского чиновника, должен непре-

менно всегда быть первым учеником в классе. Описана пустая и неудобная комната мальчика, в которой никогда не было игрушек, письменный стол со стопкой учебников. Тесноте венского предместья противопоставлена деревня, о которой тщетно мечтает мальчик. Но главное противопоставление рассказа — учебники и музыка. Если книги предстают как нечто безликое и про них сказано только, что они «новенькие», то флейта и губная гармошка, называемая «соловей», показаны почти волшебными. Купив у лоточника на сэкономленные гроши «соловья», Георг впервые в жизни чувствует себя свободным, словно проснувшимся и парящим. Нет сомнений в его музыкальном таланте, который и является его настоящим призванием. Но этот «полёт» длится очень недолго, так как отец отнимает инструмент, назвав его «безделушкой», и выбрасывает в окно. Не выдержав отцовских притязаний и не оправдав их в учёбе, несмотря на всё своё прилежание, мальчик кончает жизнь самоубийством. Книга и амбиции отца буквально убивают его, тогда как музыка и природа могли бы стать спасением. Подчёркивается также абсолютное неумение отца объяснять — вместо связной речи мы слышим лишь обрывистые и сердитые фразы, которые касаются только самых поверхностных и формальных знаний, а бедность его речи «заменяет» палец, то и дело стучащий по учебнику или тетради, а нередко и кулак.

В нравственно-эстетической системе ценностей Австрии книга занимает важное, но отнюдь не доминирующее место. Она может оживить прошлое и приостановить разрушительный ход времени. Истинно великого воз-

действия на человека она достигает тогда, когда может быть сопоставима с музыкой — этой главной австрийской ценностью в XIX веке. Особую ценность книга обретает тогда, когда способствует развитию души, чувства возвышенного, воспитанию благородной простоты, когда объединяет людей и делает человека свободным. Но

одна книга — без человеческого участия, без природы, без искусства, без личного примера — не достигнет цели нравственного воспитания. Книга в австрийской литературе не становится культовым предметом, не замещает и не вытесняет живую речь, песню, рассказанную историю, беседу, а уживается с ними на равных.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гэц К. Обрыв традиции и реконструкция прошлого под знаком историзма. О «Замке дураков» Адальберта Штифтера / Пер. с нем. // Немецкая литература между романтизмом и реализмом. 1830–1870. Тексты и интерпретации / Сост. проф. Й. Шмидт, проф. А.Г. Березина. СПб: Бельведер, 2003. 805 с.
2. Заар Ф. фон. Иннокентий // Австрийская новелла XIX века. / Сост., вступит. статья и комментарии Т. Путинцевой; Пер. с нем. М.: Гос. издат. художественной литературы, 1959. 699 с.
3. Зафир Г.М. Цыганка // Австрийская новелла XIX века / Сост., вступит. Статья и комментарии Т. Путинцевой / Пер. с нем. М.: Гос. издат. художественной литературы, 1959. 699 с.
4. Штифтер А. Бабье лето / Пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 1999. 613 с.
5. Штифтер А. Записки моего прадеда // Штифтер А. Лесная тропа. Повести и рассказы / Пер. с нем. М.: Художественная литература, 1971. 518 с.

REFERENCES:

1. Gets K. Obryv traditsii i rekonstruktsiya proshlogo pod znakom istorizma. O «Zamke durakov» Adal'berta Shtiftera / Per. s nem. // Nemetskaya literatura mezhdru romantizmom i realizmom. 1830-1870. Teksty i interpretatsii / Comp. by prof. I. SHmidt, prof. A.G. Berezina [Break the tradition and the reconstruction of the past under the sign of historicism. About «Castle of fools» Adalbert Stifter] // German literature between romanticism and realism. 1830-1870. Texts and interpretation / Ed. by prof. Th. Schmidt, prof. A. G. Berezina. SPb., Bel'veder, 2003. 805 p.
2. Zaar F. fon. Innokentii // Avstriiskaya novella XIX veka. / Sost., vstupid. stat'ya i kommentarii T. Putintsevoi; per. s nem. [Zaar F. fon. Innokentii // the Austrian novel of the XIXth century. / Comp., preface and comments by T. Putintseva; Transl. from German]. M., Gos. izdat. khudozhestvennoi literatury, 1959. 699 p.
3. Zafir G.M. Tsyganka // Avstriiskaya novella XIX veka /sost., vstupid. stat'ya i kommentarii T. Putintsevoi / Per. s nem [Gypsy // the Austrian novel of the XIXth century / / Comp., preface and comments by T. Putintseva / Transl. from German]. M., Gos. izdat. khudozhestvennoi literatury, 1959. 699 p.
4. Shtifter A. Bab'e leto / Per. s nem [Indian summer / Transl. from German]. M., Progress-Traditsiya, 1999. 613 p.
5. Shtifter A. Zapiski moego pradeda // Shtifter A. Lesnaya tropa. Povesti i rasskazy / Per. s nem [My great-grandfather's notes // Stifter A. Forest trail. Novels and stories / Transl. from German]. M., Khudozhestvennaya literatura, 1971. 518 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стрельникова Алла Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета; e-mail: a-strelnikova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alla Strelnikova – candidate of philological sciences, associate professor at the department of History of Foreign Literatures, Moscow State Regional University; e-mail: a-strelnikova@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Стрельникова А.А. Образ книги в нравственно-эстетической системе ценностей австрийских писателей XIX века // // **Вестник Московского государственного областного университета**. Серия: Русская филология. 2016. № 1. С. 142–150. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-142-150

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Strelnikova. THE IMAGE OF THE BOOK IN THE ETHICAL AND AESTHETIC AXIOLOGICAL SYSTEM OF AUSTRIAN WRITERS OF THE 19TH CENTURY // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. № 1. P. 142–150.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-142-150

УДК 821.161.1-1.09:271.2 Теплов Н.С.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-151-157

ПРАВОСЛАВНЫЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ Н.С. ТЕПЛОВОЙ

Чупринова Н.В.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, Российская Федерация*

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о православных мотивах в творчестве Н.С. Тепловой. Отмечается, что на раннем этапе творчества традиционный романтический разрыв между земным и небесным понимался поэтессой в пантеистическом ключе. Но постепенно в стихотворениях Н.С. Тепловой происходило переосмысление данной темы, и разделение между «здесь» и «там» начало звучать исключительно в традиционно православном смысле. Творческая эволюция была связана с трагическими событиями в жизни поэтессы и с её духовными изменениями.

Ключевые слова: Н.С. Теплова, романтизм, романтическое двоемирие, христианство.

THE ORTHODOX MOTIVES IN N. TEPLOVA'S POETRY

N. Chuprinova

*Moscow State Regional University
Radio St., 10a, Moscow, Russia, 105005*

Abstract. The article deals with the question of religious motives in N. Teplova's works. It's noted that in early works the traditional romantic break between earthly and heavenly was interpreted by the poetess in pantheistic way. But gradually in N. Teplova's poems, there was a re-evaluation of the theme and the separation between «here» and «there» started to gain exceptionally traditional orthodox sense. The creative evolution was influenced by the tragic events in poetess' life and her spiritual changes.

Keywords: N. Teplova, romanticism, Christianity, romantic duality.

Надежда Сергеевна Теплова (1814-1848) считается одной из наиболее известных поэтесс пушкинского периода. Её стихи публиковались в альманахах, журналах, вышли отдельными изданиями в 1833 и 1838 годах. О Н.С.Тепловой упоминал В.Г. Белинский в критической статье «Сочинения Зенеиды Р-вой» (1843), где известный критик отмечал, что в стихотворениях поэтессы «проглядывает чувство» [2, с. 654].

Размышляя о поэзии Н.С. Тепловой, исследователи выделяют центральную тему, которая «красной нитью» проходит через творчество поэтессы на протяжении многих лет. Это тема романтического разрыва между «здесь» и «там», между земным и небесным. Так, характеризуя поэзию Н.С. Тепловой, В.Э. Ва-

цуро в достаточно критическом ключе отмечает: «В середине 30-х годов ноты романтической резиньяции ещё усиливаются в её лирике и яснее становится узость её тематического диапазона. Она становится поэтом одной идеи: неприятия мира “существенного” и стремления к запредельному» [3, с. 417]. Оценку литературоведа творчества Н.С. Тепловой и его мысль об «узости тематического диапазона» можно оспорить, но в целом высказывание об одной из основных идей произведений поэтессы представляется справедливым.

Мотив разрыва между небесным и земным развивается Н.С. Тепловой в духе В.А. Жуковского в её раннем творчестве, например, в стихотворении «Родина» (1835), где она пишет о небесной родине и о мечтах, связанных с возвращением туда:

*Как много буду плакать я,
Когда воскресшею душою
Стряхну оковы бытия,
И вновь предстанут предо мною
Бесценной родины поля* [5, с. 58].

Уход «туда» для лирической героини – это словно бы возвращение в давно знакомое место, по которому она скучала. При этом она представляет, как умоется водой из ручья или на неё повеет «полей вечерняя прохлада».

В противоположность небесной родине («верх»), которая предстаёт в поэзии Н.С. Тепловой местом желанным и светлым, земное существование («низ») для автора ассоциируется с темницей. Жизнь кажется ей чередой разочарований, скорбей, суеты и пустоты. Лирическая героиня признаётся в своём равнодушии к земному

существованию. Так, в стихотворении «Земное счастье» (1831) представлено видение автором земной жизни:

*Нет, счастья в мире этом нет!
О, сколько пламенных желаний
Горит в доверчивых сердцах;
Но в эту жизнь один лишь шаг –
И сколько слёз, скорбей, страданий!*
[5, с. 56-57]

Счастье является чем-то недостижимым в пределах земной жизни. Чувства, которые испытывает человек «здесь», эфемерны, а душа его осуждена тосковать по более совершенной, идеальной реальности. Мотив разрыва между «здесь» и «там» звучит также в контексте темы любви: (Любовь, 1832)

*Любовь – небес святое слово!
Лишь для тебя воскресну вновь.
Меня душой возвысит снова
Одна любовь, одна любовь.*

*С моей душою утомленной,
Я не снесу земных оков,
И примирит меня с вселенной
Одна любовь, одна любовь.*

*Меня томит земная келья:
Как дым, взлечу до облаков
И принесу на новоселье
Одну любовь, одну любовь* [5, с. 164].

В данном случае любовь, в представлении автора, лишена какого-либо земного смысла или плотского содержания, в стихотворении говорится о любви в высшем смысле этого слова. Любовь – это то, что способно возвысить душу человека, помочь ей вырваться из «земной кельи».

Если в ранних стихотворениях

объект любви был обозначен смутно, то в зрелой лирике поэтесса пишет о любви к Богу. В позднем творчестве Н.С.Тепловой нет уже светлого восторга юности и душевного подъёма. Лирическая героиня – зрелая женщина, которая подводит итоги своей жизни и стремится к очищению души: (Любовь, 1846)

*Мечта моя, мною любимая,
Мечта о любви неделимая
Осталась у сердца на дне.
Земному разделу её недоступную
Тебе посвящу я, тебе, Неприступному,
И стану любить в тишине,
И душу, доселе неприступную,
Очищу в небесном огне [5, с. 114].*

Здесь проявляется характерная черта поэзии Н.С. Тепловой – в позднем творчестве поэтессы усиливаются христианские мотивы. Они заметны в автобиографическом стихотворении «На смерть дочери» (1846), где поэтесса описывает свои тяжёлые чувства, связанные со смертью детей от болезни. В нём поэтесса сравнивает дочь с ангелом:

О, для чего, мой ангел нежный, милый,

Ты улетел так рано от меня?

В начале стихотворения автор словно бы обвиняет себя в том, что «ангел» (дочь) улетел от нее:

*О, чем тебя могла прогневать я,
Тебя, которую так много я любила?*

Ребёнок воспринимается как Божье создание, существо, изначально принадлежащее миру небесному, неземному:

*В душе твоей, и кроткой, и благой,
Источник был любви самозабвенной...*

*О нет! тебя не стоил мир земной
И жизнь с ея тревогою презренной.*

В финале стихотворения звучит мысль о тяжёлом кресте, который был предначертан героине:

Или законы вечные судьбы

На жребии в таинственной скрижали

Мне крест тоски издавна начертали,

И – тщетны ангелов мольбы! [5, с.132]

Известно, что после трагических событий в жизни, когда у Н.С.Тепловой в 1845 году умер муж, поэтесса всё больше искала утешения в Боге. В биографии Н.С. Тепловой, написанной рукой её сестры С.С. Пельской, читаем: «После сего <смерти мужа. – Н.Ч.> она переселилась вместе с тремя детьми к сестре в Дмитров, где началась для неё жизнь, близкая к небу: уединение, постоянное присутствие при богослужении, духовное чтение, которое она полюбила ещё замужем» [3, с. 426]. С.С. Пельская упоминает, что Н.С. Теплова занималась переложением сочинений Иоанна Лествичника и из духовной литературы особенно чтит сочинения Григория Богослова.

Через год после смерти мужа в жизни поэтессы случилась новая трагедия: умерли от болезни двое из её троих детей. «В 1846-м году в октябре она схоронила двух своих детей – сына 8 лет и дочь 7-ми, почти в одно время умерших от крупа. В это время она хотела исполнить давнее своё желание (далее зачеркнуто: идти в монастырь) – посвятить себя иноческой жизни, но того не случилось. Она по обстоятельствам вместе с сестрой, матерью и оставшеюся дочерью переселилась в Звениго-

род, где их любимым утешением были службы в Савинском монастыре. Дитя сердцем и нравами, Надежда Сергеевна и после тяжёлых скорбей и утрат даже и здесь находила для себя много радости в красивой горной местности, церковных песнопениях и светлой чистой жизни, ею проводимой в кругу оставшегося семейства, хотя сердце её раздиралось воспоминаниями», – пишет С.С. Пельская [3, с. 426-427].

Если обратиться к творчеству Н.С. Тепловой указанного периода, можно отметить ряд стихотворений, развивающих религиозную тему. Например, в «Вопросе» (1847) проявляется усталость лирической героини от земного существования. Другое стихотворение, «Вербное Воскресенье. В-м М-р» (1847), начинается строками, которые отражают опыт перенесённых Н.С. Тепловой страданий:

*О, много скорби, много слёз
Мне эта жизнь дала;
Но как и что со мной сбылось,
Как столько сил во мне нашлось?...
Я всё перенесла!*

Взгляд лирической героини направлен в будущее, в жизнь неземную, и она слышит пение хора ангелов:

*Там в длинных отроки кудрях
Стоят пред алтарём
И держат ваши в руках,
Не мысля о земном.
В них пылкость юношеских лет
Смиряет Божий страх,
Едва скользит улыбки след
На детских их устах;
И в той обители святой
Всем ласка и уют.
Туда, как бы под кров родной,*

*Убогий, нищий и слепой
С надеждою идут [5, с. 125-126].*

В жизни земной она вглядывается в окружающий мир и осознаёт, что всё вокруг проникнуто божественным духом. Например, в стихотворении «Уединение» сердце автора наполняется любовью к творениям Создателя:

*Люблю зелёный дол, люблю я лес пу-
стынный
И прелесть дивную глубокой тишины:
Как здесь душа тиха, как чувства
все невинны,
И страсти мелкие в груди укрощены.
....
В Его творении чудесно совершенном
Здесь руку моего я Бога узнаю;
Здесь все мне кажется прекрасным и
блаженным,
Отсюда и людей, как братьий, я люб-
лю [5, с. 100].*

В стихотворении «1-й том творений свв. отец» (1844) отразился опыт чтения «священных сказаний» Григория Богослова:

*Объемлюся твоею чистотою
И духа твоего превыспренный полёт
Преследую, любуюся тобою.
Сам Бог в Святом Григории живёт!
[5, с. 121]*

Местом действия стихотворений Н.С. Тепловой этого периода становится монастырская обитель, а героями – священники или монахи. Примечательным является стихотворение «Да, иноков точно обитель свя-тую...» (1846), в котором вместе с героиней читатель совершает путешествие по монастырю. В начале произведения

Н.С. Теплова описывает реку, где монахи ловят рыбу:

*Да, иноков точно обитель святую
Столь много любимую, сердцу родную,
Кругом обтекает река,
И – ой речка зовётся,
И в счастливой речке ведётся
Награда трудов рыбака.*

Далее следует описание монахов:

*Здесь юноши – старцы; а старцы,
как дети,*

Со взглядом наивным и речью протой,

Но с думой глубокой и жизнью святой [5, с. 128].

Говоря о «юношах-старцах», поэтесса акцентирует внимание на мудрости монахов. А следующая фраза («старцы, как дети») отсылает к Евангелию, к известным словам Спасителя: «если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18:3).

Героиня оказывается в храме, где видит человека, чей взор исполнен «кроткой небесной любви». И когда он читает Священную книгу, то останавливаются смутные помыслы, «все, что греховно... умолкает». Здесь прослеживается аллюзия на отрывок из Евангелия, описывающий то, как Спаситель в храме Назарета читает Книгу пророка Исаии (Лк. 4: 16-22).

В храме происходит действие стихотворения «Когда во впадине окна...» (1842). Героиня размышляет о земном и небесном и стремится забыть тревожный сон жизни. Её мысль устремлена в божественную обитель, путь в которую пролегает через покаяние:

*Там, там предел и цель желанья!
И, незаметно мне самой,*

*Из глаз горячею струей
Катятся слёзы покаянья [5, с. 94].*

Схожая мысль звучала и в более ранних стихотворениях поэтессы, например, в «Цели» (1835), где автор задумывается о том, почему не осуществились мечты, почему энергия «пламенной души», «способность любить» остались нерастраченными. Героиня приходит к выводу о том, что страдания – путь очищения души для её посмертной жизни. Так приходит смирение: (Цель, 1835)

Зачем же мне, с столь пламенной душою,

С столь нежною способностью любить,

Не суждено коварною судьбою

Мои мечты на миг осуществить?

Восторг любви, блаженство и томленья

Зачем же мной не узнаны доселе?

Но краткая минута размышленья –

И вижу здесь таинственную цель:

Что в пламени любезного страданья

Всегда легко очиститься душой;

Моя ж душа в горниле испытанья

И скудных благ и горести земной [5, с. 51].

Если в ранних стихотворениях Н.С. Тепловой «там» может быть обозначено как идеальное место, а христианские мотивы просматриваются «между строк», то поздняя поэзия проникнута пониманием христианского смысла жизни человека на земле и соответственным видением посмертного существования. Неслучайно в более поздних произведениях слово «там» выделяется курсивом и обозначает небесную обитель.

Христианское видение жизни и её смысла представлено в автобиографиче-

ском стихотворении Н.С. Тепловой «Болит, болит моё земное сердце...» (1843), где автор рассуждает об отрешённости от земного. Жизненные страсти оказываются для неё чем-то маловажным, но её бессмертный дух ничем не ограничен. Напекая на свои скорби, поэтесса замечает, что ей уже больше нечего терять на земле. Её мысли и чувства посвящены переходу из этого мира в иной. Но данный переход видится ей именно в христианском, православном смысле:

*И только я одно боюсь утратить:
К высокому стремленье и любовь,
И на пути задержанной остаться
Губительной завистливою тьмой
С светильником угасшим без елея,
В юродивом бессилии души [5, с. 123].*

Метафора светильника в стихотворении Н.С. Тепловой отсылает к евангельской притче о десяти девах. Неразумные девы не смогли попасть в Царство Божие (Мф. 25: 1-13), потому что у них закончилось масло в светильниках.

Ещё одно стихотворение Н.С. Тепловой позднего периода, «Жажда молитвы», обращено к неизвестному старцу. Героиня просит святого человека помолиться о её душе. В этом стихотворении описание обители старца похоже на воплощение рая на земле. Это место, где люди безгрешны и счастливы, и их молитва устремляется к небесам:

*Твоя мольба доступна небесам,
Завиден твой удел смиренный и прекрасный,*

*Для вас земля цветёт обильно там,
Над вами небо вечно ясно!*

*Как там душа младенчески чиста!
Как ясны для неё и смерть, и искупленье!*

*Вам чужды наши заблужденья,
И мира грех и суета! [5, с. 123]*

Земное и небесное предстают здесь в христианском смысле. Обычный смертный подвержен заблуждениям, грешен и суетлив. Но, посвятив себя Богу, человек может обрести рай на земле, стать ближе к небесной жизни. Благочестивый старец близок к иному миру, и его молитвы слышит Бог. Они помогут рассеять мрак в душе героини и открыть её сердце для молитв. Таким образом, вера в Бога стала прибежищем для поэтессы после перенесённых ею страданий. Вера помогла ей обрести надежду после тяжёлых потерь и подарила утешение.

Подводя итоги, нужно отметить, что традиционная для романтизма тема двоемирия проходит в поэзии Н.С. Тепловой переосмысление в православном ключе. Проблема разрыва между земным и небесным в поздней лирике поэтессы преломляется, главным образом, в христианском контексте, когда о земном и небесном она пишет в евангельском смысле. И тогда земной мир («низ») оказывается местом страстей, скорбей и печали, в то время как под жизнью небесной («верх») подразумевается, прежде всего, Царство Божее. И путь в иной мир лежит через покаяние и молитву.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белецкий А.И. РО ИРЛИ (PI. Op.2 Ed.хр.44. Л. 62-73). 546 с.
2. Белинский В.Г. Сочинения Зенеиды Р-вой. Санкт-Петербург. 1843. Четыре части// Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.: Акад. наук СССР, 1955. С. 648-678.
3. Вацуро В.Э. Пушкинская пора. СПб: Академический проспект, 2000. 624 с.
4. Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. М.: Художественная литература, 1965. 355 с.
5. Теплова Н.С. Стихотворения Надежды Тепловой. М.: Тип. С. Селивановского, 1860.– 135 с.

REFERENCES:

1. Beletskii A.I. RO IRLI (RI. Op.2 Ed. chr. 44. L 546) [RO IRLI (PI. Op.2 Ed. Chr. 44. L 546)].
2. Belinskii V.G. Sochineniya Zeneidy R-voi. Sankt-Peterburg. 1843. Chetyre chasti [Zeneidy R-vaya works. Saint-Petersburg. 1843. 4 Parts] Belinskii V.G. Polnoe sobranie sochinenii. T. 7. [Belinsky V. G. The Complete works. Vol. 7]. M., AN SSSR, 1955. pp. 648–678.
3. Vatsuro V.E. Pushkinskaya pora [Pushkin]. SPb., Akademicheskii prospekt, 2000. 624 p.
4. Gukovskii G.A. Pushkin i russkie romantiki [Pushkin and Russian romanticists]. M., Khudozhestvennaya literatura, 1965. 355 p.
5. Teplova N.S. Stikhotvoreniya Nadezhdy Teplovoi [Nadezhda Teplova's poems]. M., Tip. S. Selivanovskogo, 1860. 135 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чупринова Наталья Викторовна - соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета; e-mail: chuprinova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia Chuprinova – applicant at the department of Russian Classical Literature of Moscow State Regional University; e-mail: chuprinova@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Чупринова Н.В. Православные мотивы в поэзии Н.С. Тепловой // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 1. С. 151–157.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-151-157

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Chuprinova. THE ORTHODOX MOTIVES IN N. TEPLOVA'S POETRY // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. № 1. P. 151–157.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-151-157

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-158-161

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ ГОДА ЛИТЕРАТУРЫ

А.В. Шмелёва

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, Российская Федерация*

ANNIVERSARIES OF YEAR OF LITERATURE

A. Shmeleva

*Moscow State Regional University
Radio St., 10a, Moscow, Russia, 105005*

13 июня 2014 года Президент В.В. Путин подписал Указ «О проведении в Российской Федерации Года литературы». 28 января 2015 года на торжественном вечере, посвящённом открытию Года литературы в МХТ им. А.П. Чехова, Глава России отметил: «В конце 2013 года на Российском литературном собрании была выдвинута инициатива объявить 2015 год Годом литературы. Тогда, собравшись в Москве, писатели, хранители библиотек и музеев, издатели много говорили о мощной созидательной силе русской литературы, о той роли, которую она во все времена играла в формировании личности, о её способности развивать творческий потенциал людей, объединять нацию вокруг общих духовных и нравственных ценностей, задавать эстетические и культурные ориентиры нашим гражданам» [<http://www.kremlin.ru/events/president/news/47537>]. Президент выразил уверенность в том, что «совместные усилия позволят сблечь лучшие традиции русской литературы, укрепить её авторитет и влияние в мире» [там же].

2015 год оказался богатым на юбилейные даты: 100 лет со дня рождения К.М. Симонова, 105 лет со дня рождения А.Т. Твардовского, 120 лет со дня рождения С.А. Есенина и Э.П. Багрицкого, 125 лет со дня рождения Б.Л. Пастернака, 130 лет со дня рождения В.В. Хлебникова, 135 лет со дня рождения А.С. Грина, А.А. Блока и А. Белого, 145 лет со дня рождения А.И. Куприна и И.А. Бунина, 155 лет со дня рождения А.П. Чехова, 160 лет со дня рождения В.М. Гаршина, 190 лет со дня рождения А.Н. Плещеева, 195 лет со дня рождения А.А. Фета, 210 лет со дня рождения Д.В. Веневитинова, 220 лет со дня рождения А.С. Грибоедова и К.Ф. Рылеева, 255 лет со дня рождения И.И. Дмитриева и др.

В Год литературы две знаменательные даты «золотого века» русской поэзии – 200-летие со дня рождения П.П. Ершова и 215 лет со дня рождения Е.А. Боратынского. Е.А. Боратынский вошёл в плеяду поэтов пушкинского времени. Как известно,

пушкинскую плеяду составили Е.А. Боратынский, Д.В. Давыдов, Н.М. Языков, А.А. Дельвиг, Д.В. Веневитинов, кн. П.А. Вяземский. Е.А. Боратынский был в числе тех, кого с А.С. Пушкиным связывали творческие и дружеские связи. Е.А. Боратынский, приобрёл широкую известность поэмами, элегиями, стихотворениями, вошедшими в состав сборника «Сумерки». Современники отмечали в Е.А. Боратынском глубокий талант, А.С. Пушкин признавал большую оригинальность творческой манеры поэта, «ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко» [Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.-Л., 1937-1959. Т. XI. С.185]. Поэзию поэтов пушкинской плеяды – Е.А. Боратынского и Н.М. Языкова В.Н. Аношкина классифицирует как поэзию философского романтизма, наряду с поэзией Д.В. Веневитинова, С.П. Шевырёва, Ф.И. Тютчева и др. Философский романтизм, как подчёркивает В.Н. Аношкина, «обновил проблематику художественного творчества, предложив чуть ли не систему натурфилософских и космогонических представлений, образов-идей из сферы философии, истории и антропологии» [См.: История русской литературы XIX века 1800–1830-е годы: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. / Под ред. В.Н. Аношкиной, Л.Д. Громовой. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. Ч.2. 256 с. С.20].

Отгremели 200-летия со дня рождения В.А. Жуковского, Н.М. Карамзина, Г.Р. Державина, И.А. Крылова, А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, М.Ю. Лермонтова... В 2015 году этот список пополнило имя П.П. Ершова. П.П. Ершов известен современному российскому читателю как автор зна-

менитой сказки «Конёк-Горбунок». Сказка, действительно, с момента своего выхода из печати сделала П.П. Ершова знаменитым, всё созданное поэтом до и после оказалось словно в тени бессмертного «Конька-Горбунка». История русской литературы знает примеры, когда один только писательский шедевр возносил автора на вершины литературного Олимпа и запечатлевал его имя в золотом фонде книжной культуры, как это было, например, с комедией А.С. Грибоедова «Горе от ума». В 2005 году издательство «ПАРАД» выпустило книгу В.П. Зверева «Конёк-Горбунок: Избранные произведения и письма / Сост., подгот. текстов, вступит. ст. и примеч. В.П. Зверева». В.П. Зверев попытался восполнить существующие лакуны в творческой биографии П.П. Ершова и раскрыть многие загадки его личности и творчества. В.П. Зверев подчёркивает: «Для создателя “Конька-Горбунка” были характерны широта и в то же время глубина поэтических интересов, удивительно требовательное отношение к своим произведениям, скромное и даже застенчивое отношение к собственному дарованию. Он не умел, – да это было бы и не в его характере, – пользоваться шумной славой сочиненной им сказки. Напротив, Ершов часто публиковал свои стихи, рассказы, драматургические произведения анонимно или под псевдонимами. Может быть, поэтому, из-за необыкновенной совестливости и авторской скромности, затерялось имя славного поэта Петра Павловича Ершова в суровом литературной борьбы и жизни. Он был поистине тружеником русского Парнаса, беззаветно и искренне служившим родной словесности» [с. 7-8].

Огромная заслуга в популяризации классического наследия на протяжении вот уже более полувека принадлежит почётному профессору Московского государственного областного университета Вере Николаевне Аношкиной. Труды В.Н. Аношкиной (Касаткиной) издаются учебники, учебные и учебно-методические пособия по истории и теории русской литературной классики. Ярким событием в научной и образовательной жизни нашего государства стало издание многотомного комплексного учебника для вузов «XIX век. История русской литературы» (с периодами: 1800-1830-е годы, 1840-18870-е годы и 1880-1900-е годы). В этом комплексном учебнике нашли своё достойное место художники слова, чьё творчество подверглось незаслуженному забвению.

Традиции русской классической литературы, ностальгия по прошлому в сочетании с величайшим природным писательским талантом дала о себе знать в творчестве М.А. Шолохова, 110-летие со дня рождения которого пришлось на 2015 год. Автор «Донских рассказов», «Тихого Дона», «Судьбы человека», «Они сражались за Родину» и др. завоевал симпатии миллионов советских читателей своими правдивыми и незамысловатыми повествованиями о человеческих судьбах. Став Нобелевским лауреатом, М.А. Шолохов никогда не кичился столь высоким мировым признанием. Писатель всегда находил нравственную опору в своей семье – жене, детях, друзьях, творчестве... М.А. Шолохов и сегодня не оставляет читателя равнодушным, заставляет вновь и вновь сопереживать тому, что развивается на страницах его произведений. И как это случается, диалог писателя с читателем продолжается, а значит, дело писателя продолжает жить.

С 2011 года существует Международный Шолоховский комитет, ставший своеобразной «научной базой изучения наследия М.А. Шолохова». Активное участие в создании Шолоховского центра принял участие В.Н. Ганичев. В течение ряда лет Шолоховский комитет успешно возглавляет Андрей Викторович Черномырдин. 15 октября 2015 года в Московском государственном университете технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий корпус) А.В. Черномырдин выступил на пленарном заседании Международной научной конференции «М.А. Шолохов в современном мире», посвящённой юбилею писателя. Конференция была организована при самом активном участии Международного научно-методического центра по изучению литературного наследия М.А. Шолохова, которым руководит проф. Наталия Дмитриевна Котовчихина. Конференция проводилась по следующим направлениям: «Творчество М.А. Шолохова в современном мире», «Язык М.А. Шолохова в аспекте современных лингвистических исследований», «Изучение произведений М.А. Шолохова в школе и вузе», «Изучение, издание и переводы произведений М.А. Шолохова за рубежом». На конференции прозвучали доклады ведущих шолоховедов из Москвы и Московского региона, Таганрога, Пензы, Белгорода, Ростова-на-Дону, Воронежа, Рязани, Орла, станицы Вешенской. Не оставили равнодушными доклады коллег из дружественной России страны – Узбекистана. О том, что М.А. Шолохов не только читаемый писатель, но и творчество которого служит предметом серьёзных научных исследований наших европейских коллег, показали выступления Илоны Киши и

Жужжана Димеши из Венгрии и Хъитова Владимира Стоева из Болгарии.

Ведущая роль в конференции принадлежала преподавателям и аспирантам кафедры методики преподавания русского языка и литературы ИФИ МГОУ. Профессор кафедры Т.М. Воителява была руководителем секции «Изучение творчества Михаила Александровича Шолохова в школе и вузе». Секция начала свою работу с доклада Т.М. Воителивой – «"Величайшее богатство народа" – его язык» (М.А. Шолохов): к вопросу о воспитании духовно-нравственных ценностей на уроках русского языка». Заведующий кафедрой и президент Ассоциации учителей русского языка и литературы Московской области А.В. Шмелёва выступила с докладом «Судьба казачества глазами классиков: от Н.В. Гоголя до М.А. Шолохова». Аспирант кафедры и директор

школы МБОУ «Дороховская СОШ» Рузского района Е.В. Михайлова выступила с темой «Обучение сочинению на лингвистическую тему на основе художественных произведений М.А. Шолохова в 8-9 классах основной школы». Доклады представителей МГОУ заинтересовали участников конференции и получили высокую оценку коллег и участников конференции. Конференция прошла в атмосфере творческого общения и дружеских встреч.

Знание литературы исторически служило показателем образованности человека. Классическая литература всегда была и будет востребованной. И как отметил в своём слове на открытии Года литературы Президент России В.В. Путин, «Сохранив свою культуру, свой язык, литературу, сохраним себя как нация, как народ, как страна. И тысячетлетняя Россия останется Россией».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шмелева Анна Вячеславовна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета; e-mail: lug-anna@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shmeleva Anna - candidate of philological sciences, associate professor at the department of the Russian classical literature at Moscow State Regional University; e-mail: lug-anna@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

А.В. Шмелёва. Юбилейные даты года литературы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 1. С. 158–161.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-158-161

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Shmeleva. ANNIVERSARIES OF YEAR OF LITERATURE // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. № 1. P. 158–161.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-158-161

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-162-166

ПАМЯТИ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ В.Г. РАСПУТИНА ПОСВЯЩАЕТСЯ

Н.М. Щедрина

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, Российская Федерация*

IN THE MEMORY OF THE RUSSIAN WRITER V. RASPUTIN

N. Shchedrina

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, Российская Федерация*

Валентин Распутин умер накануне своего 78-летия, 14 марта 2015 года. В Иркутском государственном университете к приближающимся годам вышел необычный сборник научных трудов, в котором личность Распутина раскрывается в творческом, психологическом и биографическом аспектах. Издание, с одной стороны, продолжает серию исследований о писателе, с другой – отличается широтой проблематики и направленности. Подход, заявленный в названии – «Творческая личность Валентина Распутина» с подзаголовком – «живопись – чувство – мысль – воображение – откровение», даёт возможность осветить глубинный масштаб В. Распутина как писателя и человека.

В первом разделе сборника через призму восприятия русских исследователей и критиков (М.А. Литовской, П.П. Каминского, В.А. Семёновой, П. Басинского и др.), а также зарубежных авторов – Жоржа Нива (Франция), Джеральда Майкльсона (США), Александра Вавжинчак и Моники Сидор (Польша) освещается творческий путь Валентина Распутина с точки зрения эпохи, в которой ему выпало жить. Речь идёт о ладе и диссонансе в его душе, о пророчестве и драме писателя, о любви к Отечеству.

Много подробностей читатель сборника узнает из статьи Джеральда Майкльсона, доктора филологических наук, заслуженного профессора Канзасского университета, переводчика произведений на английский язык, уполномоченного самим автором. Его знакомство с Валентином Распутиным произошло 35 лет тому назад и не прекращалось до конца жизни писателя. Автор пишет творчество русского прозаика в классическую традицию, соотнося с Рылеевым, Пушкиным, Лермонтовым.

Существует мнение, что путь Валентина Распутина в литературу был безоблачным, а сам он – удачливым. Джеральд Майкльсон утверждает, что уже «с конца 1970-х гг. наметилась тенденция дискредитировать художественную прозу Распутина из-за её пристрастности» [1, с. 29]. Приводит откровение писателя из письма 2000 года о потере «десяти лет в омуте общественной деятельности» [1, с. 32], имея в виду членство в Президентском совете при М.С. Горбачёве. В своей статье Джеральд Майкльсон выступает как блестящий знаток текстов Распутина, высказывая предположение, что смерть к русскому писателю пришла в марте не случайно: март имел для него особый смысл. В марте 1981 года на Распутина напали хулиганы в подъезде, он едва не лишился жизни. Месяц март настолько его тревожил, что в написанной через четыре года после трагедии повести «Пожар», катастрофа – пожар на складе – тоже происходит в марте. А главный герой произведения Иван Петрович Егоров, переживая потрясение, всё «мусолил в себе непонятно чем соединившиеся слова «март» и «смерть». Было в них что-то общее ... кроме звучания» [1, с. 37], – цитирует повесть «Пожар» американский переводчик. А завершая свою статью, ставит проблему ответственности перед памятью Распутина.

Второй раздел сборника представлен писателям и журналистам: сибиряку К.Н. Балкову, Роману Сенчину, Олегу Павлову, Михаилу Тарковскому, В.П. Зыкову, В.В. Ходию. У каждого из них свой Распутин – в близкой авторам поре: в студенчестве, в начальном периоде журналистской деятельности в газете «Красноярский рабочий», в

ранней прозе, в значимости творчества Распутина для писателей младшего поколения. В мемуарном очерке «У нас на Байкале» учитель-краевед И.А. Прищепова рассказывает о сказочных местах на Байкале, где в 1974 году В.Г. Распутин купил домик на берегу священного озера, чтобы любоваться красотой, воспевать и бороться за его сохранение.

Во многих статьях сборника приводятся письма Валентина Распутина, отправленные адресатам по самым разным поводам. В них много личного, сокровенного. В письмах к алтайскому писателю Евгению Гущину, к критику и литературоведу Г.А. Цветову (знакомство с ним произошло во время приезда Распутина в Южную Корею в 1995 г.) раскрывается уровень доверия автора к этим близким по духу людям, а также важность для них знакомства и общения с русским прозаиком. Воспоминания Сатьябхана Синх Раджпуты, доцента университета иностранных языков в Хайдерабаде, открываются любопытными словами: «Многоуважаемые русские братья и сестры!» [1, с. 117]. Этим обращением филолог-русист, ценитель творчества Распутина из далёкой Индии, хочет привлечь наше внимание, донести до русского читателя значимость личности Валентина Распутина, называя его великим, «лицом человечества», «писателем совести, который всегда говорил и писал из глубины души» [1, с. 119].

Взаимоотношения критика Валентина Курбатова с Валентином Распутиным начались в 1975 году и длились до конца жизни писателя. Они вылились в непростую дружбу и в многочисленные публикации псковского критика о сибирском авторе. В прощальном

слове Курбатова Распутин назван «последним явлением русской евангельской духом литературы» [1, с. 129].

Третья часть сборника озаглавлена «Преимственность и культурные параллели». Авторы статей раскрывают роль Сибири и малой родины в творчестве Распутина, проводя параллели с произведениями современных сибирских писателей К.Н. Балкова, А.А. Антипина, с белорусским прозаиком А.П. Кудравцом. Идёт разговор и о репрезентации концепта «дом» в повестях В. Распутина и бурятских писателей Д. Улзытуева, М. Чойбонова, Б. Пурбуева, А. Ангархаева и др.

Говоря о трудностях перевода распутинских текстов на иностранный язык (в данном случае в Германии), О.В. Бадрызлова сравнивает два перевода на немецкий язык повести «Живи и помни» – Э. Арндт и А. Кэмпфе.

«Живопись художника» – так обозначен четвёртый раздел сборника. Авторы статей А.А. Митрофанова, И.М. Куликова, С.С. Имихелова, Н.В. Ковтун рассматривают функционирование лексики разной принадлежности в творчестве Распутина, концепта «мировое дерево»; «вестников инобытия», роль реки Ангары как реки-памяти, реки-правды, приобретающей символическое звучание.

С позиций философских традиций Платона, А. Шопенгауэра, З. Фрейда через метафизику женской любви подходит к чувствам Распутина-художника Т.Л. Рыбальченко. Обосновывается изменение власти бытийной метафизики в связи с возрастными изменениями бытийной миссии женщины. О присутствии вечно девичьего в женской душе героинь Распутина в произведениях малого жанра рас-

суждает А.Ю. Большакова. Анализу рассказа «Женский разговор» с точки зрения психологической и нарративной тональности уделяет внимание Т.Н. Маркова, объясняя стремление к взаимопониманию поколений, усиливающимся взаимным интересом героинь друг к другу.

О русской душевной чувствительности В. Распутина, способности выстраивать философию «внутреннего человека» говорится в статье Н.М. Щедриной. Феномен праведничества в творчестве В. Распутина в сопоставлении с героями В. Шукшина анализирует Л.Т. Бодрова.

Раздел шестой сборника открывается статьей Н.Л. Новиковой. Повесть «Живи и помни» рассматривается ею в контексте фольклорных представлений о судьбе, восходящих к универсалиям традиционного народного сознания. Мировоззренческая установка В. Распутина на проблему научно-технического прогресса на примерах повестей «Прощание с Матёрой», «Пожар» является предметом анализа Ивоны Зданович из Белостока (Польша). Утверждается, что писатель одним из первых стал «громко протестовать» против безоглядного увлечения прогрессом. Мысль Распутина-художника раскрывается через отношение его героев к животным (статья профессора Супа Ванды из Польши). В статье Н.Н. Подрезовой категория женственности анализируется в гендерном ключе как особенность художественного мира Распутина. Профессор И.Б. Ничипоров уделяет внимание религиозным прозрениям автора, выразившимся в центральных героях повести «Прощание с Матёрой».

Последний раздел сборника назван «Воображение и откровения художни-

ка». В него входят статьи о диалектике времени и пространства в «Прощании с Матёрой» (В.Я. Иванова), о религиозной очерковой прозе Распутина (В.А.Кубасов). Осмысливает наследие В. Распутина и Д. Андреева как варианты визионерских интуиций – «природной» и интеллектуальной О.А. Дашевская.

Как видим, в научном издании представлен разнообразный материал, который очень сложно не только расположить, но и объединить названием, вынесенным в заглавии. Этому способствует кольцевая композиция сборника. Книга открывается Предисловием, написанным ответственным редактором, профессором Иркутского государственного университета, доктором филологических наук Ириной Иннокентьевной Плехановой, и её же статьёй «Художественное воображение Валентина Распутина» заканчивается.

В предисловии не только раскрывается замысел и структура издания, но и даётся в целом взгляд на узловые проблемы и противоречия литературного и общественного пути В. Распутина. Писатель назван художником «трагического дара», который «одел в плоть и кровь Правду о должном и сделал

всё, чтобы она была воспринята через сострадание» [1, с. 7]. «Распутин рано понял: период безоглядной всемирной отзывчивости русской жизни должен перейти в период критического самосознания-саморазвития – для самосохранения» [1, с. 11]. «Самоопределение как самоограничение» трактуется как доминанта его творчества.

От масштабных обобщений, касающихся всего наследия Распутина, И.И. Плеханова в своей статье идёт к анализу художественного воображения писателя, подтверждая выдвинутые в предисловии посылы глубоким анализом поэтики видений – от социальных прогнозов до мистериальных состояний. Воображение В. Распутина-художника определяется ею как «нравственное визионерство» (500). Рассматриваются формы переживания откровения, средства изображения трансцендентального опыта: визуальная узнаваемость, языковая игра, постоянство мотивов и образов; спектр соотносимых идей – мировой разум, категорический императив, христианская эсхатология.

Сборник «Творческая личность Валентина Распутина» – дань памяти последнему русскому классику.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Творческая личность Валентина Распутина: живопись – чувство – мысль – воображение – откровение: сб. науч. тр./ ФГБОУ ВПО «ИГУ» / Под ред. И.И. Плехановой. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 503 с. С. 29. В дальнейшем текст цитируется по этому изданию, в скобках указывается страница.

REFERENCES:

1. Tvorcheskaya lichnost' Valentina Rasputina: zhivopis' – chuvstvo – mysl' – voobrazhenie – otkrovenie [The creative personality Valentine Rasputin: painting – feeling – thought – imagination – revelation: coll. sc. papers / FSBEU HPE «ISU»] / Ed. by I.I. Plehanova. Irkutsk, Izd-vo IGU, 2015. 503 p. p. 29.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щедрина Нэлли Михайловна - доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета; e-mail: Schedrina@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shchedrina Nelly - doctor of philological sciences, professor at the department the Russian literature of the 20th century, Moscow State Regional University; e-mail: Schedrina@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Н.М. Щедрина. Памяти русского писателя В.Г. Распутина посвящается // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 1. С. 162–166.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-162-166

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Shchedrina. IN THE MEMORY OF THE RUSSIAN WRITER V. RASPUTIN // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. № 1. P. 162–166.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-162-166

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодня выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2016. N 1

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» Л.В. Туркова
литературный редактор Т.Е. Шаповалова, Д.Д. Дрошнев
переводчик И.С. Шаповалов
компьютерная вёрстка Д.А. Зверева

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 10, усл. п.л. 10,5.
Подписано в печать 24.02.2016. Дата выхода в свет: 30.03.2016. Заказ № 2016/02-05.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а